

85.33 (2-2M)

T 30

Teatwab

85,33(2-2M)

11/10

T 30

OTTO HOFFMANN

Spalten 1382

14/11

2/1/11

4/1/11

[it.] m^{pl} = tully (or elaborately, conscientiously) worked; ~feit f^{pl} = Sorgfalt.
 er ~ a nice fellow. **Sorghum** f^{pl} (neu-lt., *ind.) n^{pl}:
 a. comrade. [as 1) = Röhrenhirse; b) (chines. Zuckerrohr)
 L... adv. so to sp(ho) (*Sorghum saccharatum*).
 (it.) m^{pl}, f^{pl} = Spalt^{pl} [ahd.] a. 1. (sorgfältig) 2. (sorgenvoll) full of care, diligent. [solicitude] up, r^{pl} (anxious) care, separa. (ohne Sorgfalt) **spalten**^{pl}-re. (st) thought-cracked, fiss, concerned, of crevasses, etc. setting up (type) **adv.** in columns.
Spalter (st) m^{pl} 1. Person. 2. splitter, cleaver. — 2. cleaver, chopper.
Spalt-fläche (st...) f^{pl} (mm) plane (or face) of cleavage; = **Spalt** f^{pl} schizocarp; ♀fruchtig f^{pl} a. schizocarpic. ...ous; ♀füßig a. zo. cloven-footed; fispiped, schizopod; =füß(Der m/pl. zo. splitfeet, fispiped, schizopods pl.; =holz n split wood, fire-wood.
spaltig (st) a. 1. with fissures or cracks. 2. cracked. — 2. (auch spaltig) easy to split (or to cleave), f fissi(b)le. — 3. in 3ten mit Zahlwörtern. 2. drei 2 of (or in) three columns.
Spalt-feil f^{pl} ... m^{pl} wedge for cleaving; =linge f^{pl} cleaving-knife cleaver, der Diamantfeilender: splitting knife; =latte f split lath; ♀to

22/1/11
19/1/11

17/1/11

OSMA K. AEBERHARD

85,33(2-2M) 6 + (3 3(21) 61

0113349

130
1949

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Далеко за полярным кругом, куда до Октябрьской революции лишь изредка проникали эмельчаки-исследователи, с приходом большевиков появились города и поселки, промышленность и сельское хозяйство, железные и шоссейные дороги. Газета, книга, радио, кино прочно вошли в быт народов Севера, находившихся до революции под страшным колониальным гнетом царской России.

За полярным кругом расцветает народное творчество. На весь Союз славятся песни, сказки, живопись, резьба по кости и по дереву народов Советского Союза.

Естественно, что культурные запросы Арктики и Заполярья растут изо дня в день.

В 1935 году Главное управление Северного морского пути сделало еще один шаг вперед по культурному обслуживанию Севера. Из артистов московских государственных театров был сформирован Заполярный театр. В навигацию 1935 года театр отправился в путь по маршруту: Красноярск — Игарка — Дудинка — Усть-Енисейск — остров Диксона. В репертуаре театра были пьесы советских и западных драматургов и большая концертная программа.

В 1935 году национальное население Заполярья и Арктики впервые увидело профессиональный театр, впервые увидели его и полярники у себя на зимовках.

Театр выступал в клубах, в столовых, в общежитиях рыбаков, на открытом воздухе, на палубах и в кают-компаниях

1937

КР (34) 3

пароходов и ледоколов, на лихтерах, плотях и лесных причалах.

В первый год своей работы на Севере театр дал шестьдесят семь выступлений и провел большую культурную работу среди полярников и национального населения, организовал кружки самодеятельности, устраивал лекции и беседы по вопросам искусства, проводил занятия по гриму, пластике и технике художественного чтения.

Восторженно встретили театр за полярным кругом. На спектаклях, концертах и через местные газеты зрители выражали артистам горячую благодарность и просили их вновь приехать в 1936 году.

Артисты Заполярного театра были пионерами продвижения театрального искусства на далекий Север. Их гастрольная поездка показала, как велика в Заполярье и Арктике потребность в театральном искусстве, и дала толчок к дальнейшему развитию искусства народов Севера.

В 1936 году Главное управление Северного морского пути обратилось в Академический Большой театр Союза ССР, Академический Малый театр и Московскую консерваторию с просьбой сформировать бригады артистов для гастрольных поездок в Арктику.

Лучшие мастера советского искусства живо откликнулись на этот призыв. В 1936 году за полярным кругом гастролировали уже четыре коллектива: концертные группы Большого театра и Московской консерватории, труппа Малого театра и Заполярный театр.

Пробыв пятьдесят дней в поездке, из них тридцать в Енисейском Заполярье, где в 1935 году гастролировал Заполярный театр, концертная группа Большого театра в составе четырнадцати ведущих артистов оперы и балета проделала путь в пятнадцать с половиной тысяч километров на поезде, пароходе, катере, самолете, автомобиле и тракторе и дала тридцать семь концертов. С приездом концертной группы жители Арктики и Заполярья ознакомились с классическими произведениями мирового музыкального наследия и народ

оперы и балета.

Бригада Малого театра, выехавшая в Енисейское Заполярье вслед за артистами Большого театра, долго готовилась к гастрольной поездке: сконструировала портативное оформление для выездных спектаклей и показала за полярным кругом пьесы А. Н. Островского «На бойком месте» и «Без вины виноватые», Островского и Соловьева «Женитьба Белугина», Тренева «Любовь Яровая». Среди двадцати двух участников поездки были народная артистка Союза ССР В. Н. Пашенная и народный артист РСФСР Н. Ф. Костромской. За пятьдесят дней работы на Севере театр дал тридцать шесть спектаклей и провел большую работу по инструктажам кружков художественной самодеятельности.

Бригада Московской консерватории в составе десяти человек пробыла четыре месяца в восточной части Советской Арктики, проделала путь в сорок тысяч километров и организовала шестьдесят семь концертов и тринадцать вечеров самодеятельности с участием чукчей и эскимосов, записала двадцать семь эскимосских и чукотских песен.

Заполярный театр прошел в 1936 году двадцать шесть с половиной тысяч километров, обслужил работников Севморпути Якутска, Кистеневки, Киренска, Пеледуя, четвертого Ленского каравана, Кангаласских угольных копей, Сангар-хая, Жиганска, Булуна, Кюссюра и бухты Тикси. Провел девяносто восемь выступлений, сорок семь кружковых занятий, двадцать громких чтот, двенадцать занятий с пионерами и организовал два шахматных турнира, лекции, доклады и беседы на судах Пясинского каравана по пути в бухту Тикси.

Театр прочно вошел в быт Арктики и Заполярья. В 1937 году за полярным кругом снова появились концертные группы Большого театра и Московской консерватории и Заполярный театр.

Зимой 1936 года на Игарке начал работать стационарный театр. Организация первого стационарного Заполярного театра — результат гастрольной поездки Малого театра. Реп'

... театром в первый год его работы в Иг
«Слава» В. Гусева и несколько пьес А. Островского, -
готовлялся в Москве крупнейшими мастерами Малого и
народной артисткой Союза ССР В. Н. Пашенной, нар
артистом РСФСР Н. Ф. Костромским и заслуженным ар
Г. И. Ковровым.

Первые два года работы московских артистов в Ар
дали сильный толчок развитию народного творчества.

Дружба работников искусства с полярниками и н
нальным населением Севера укрепляется с каждым г
В 1938 году Заполярье снова увидит у себя лучших мас
советского искусства.

Книга «Театр в Арктике» написана участниками гаст
ных поездок. Эта книга освещает театральный сезон 19
1936 годов.

Участники поездок рассказывают не только о своей
боте, но и о том, что их поразило за полярным кругом, о
диозных строительных работах и замечательных гер
освоивших Советскую Арктику.

Эта книга рассчитана не на узкий круг театроведов,
широкие круги советских читателей.

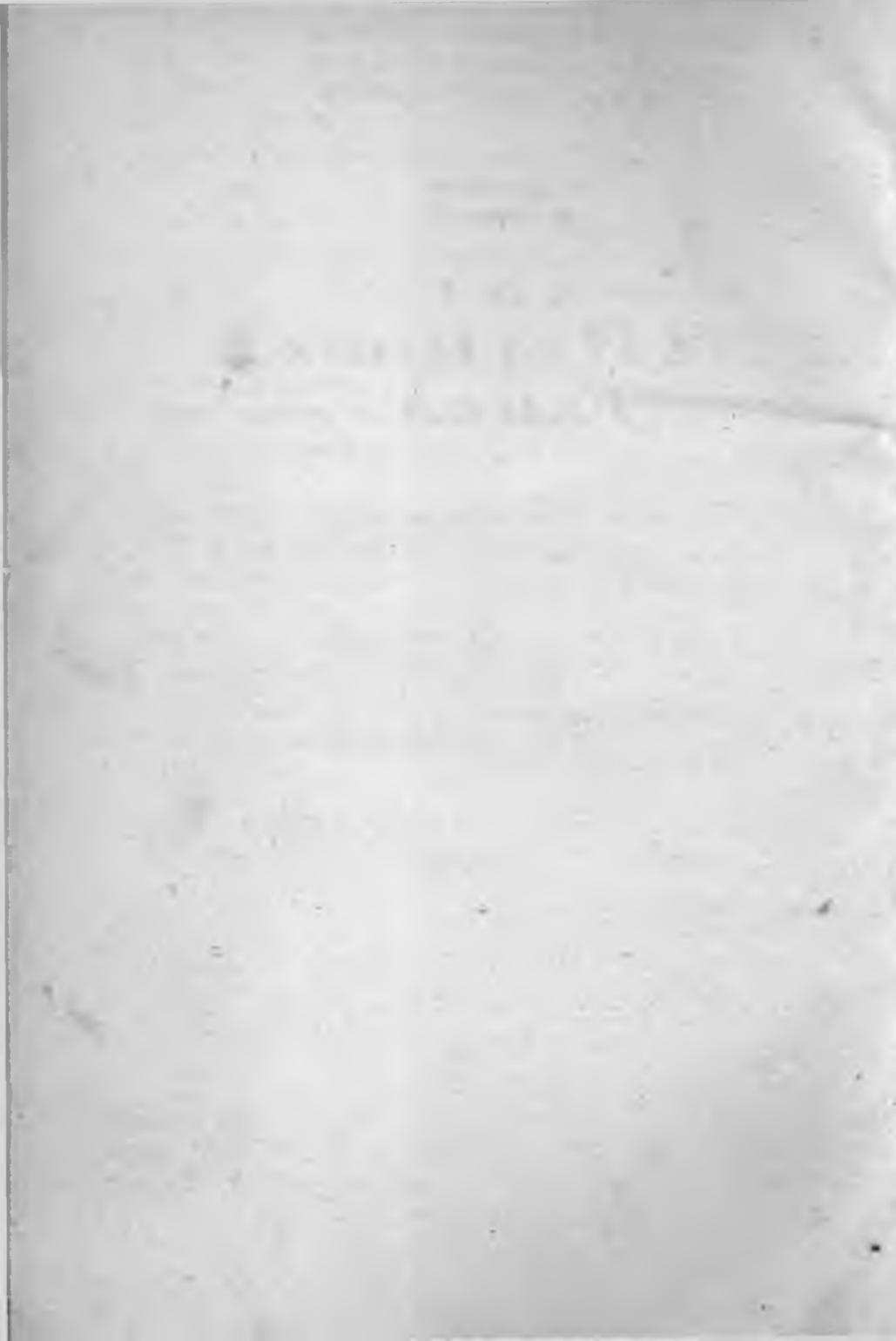
Очерки расположены в той последовательности, в к
протекали гастрольные поездки.

ЗАРПОЛЯРНЫЙ ТЕАТР
ПОЛИТУПРАВЛЕНИЯ
ГЛАВСЕВМОРПУТИ

Д. Черневский
В. Карелин

Д В А
ТЕАТРАЛЬНЫХ
РЕЙСА

Две встречи

Весной 1935 года в Политуправлении Главсевморпути мы познакомимся с американской журналисткой Эллен Райт.

Узнав, что Эллен Райт собирается в Енисейское Заполярье, мы сказали ей, что там в ближайшее время будет астролировать театр.

— Театр? — переспросила Эллен Райт.

— Да, Заполярный театр Политуправления Главсевморпути. Сейчас он готовится к первому рейсу.

— Простите, — улыбнулась журналистка, — насколько мне известно, в Арктике еще не бывали артисты.

— А в этом году побывают. И мы в том числе. Мы — ктеры Заполярного театра и будем очень рады видеть вас среди наших зрителей в Игарке и на Диксоне.

Эллен Райт недоверчиво взглянула на нас и улыбнулась:

— Вы шутники, веселые шутники, вы хотите меня смеить. Диксон расположен за семьдесят третьей параллелью! Диксон — это моржи, тюлени, белые медведи...

— Да, но театр мы создали не для них. В Арктике живут тысячи полярников. Они годами не видят Большой земли, кучают по театру, вот мы и едем к ним на Диксон, в Тикси, а Чукотку. Если вы побываете на спектаклях и увидите, как реагирует зритель, вы поймете, может ли быть театр в полярном кругом. А побывать стоит, вы соберете неплохой материал для статьи.

Эллен Райт опустила в кресло.

— Материал для статьи?.. Мне приходилось бывать в Арктике, я знаю, сколько трудностей и лишений терпит журналист, пока он налегке, с маленьким чемоданом, добы-

рется до нужной ему зимовки. А театр — это декорации, бутафория, костюмы, это... Если хотите, это вызов стихии, это дерзость, это сенсация.

Эллен Райт снова измерила нас недоверчивым взглядом и застегнула серый клетчатый плащ.

— Нет, это не сенсация, вы шутите или хотите меня обмануть, но зачем? Я не понимаю!

Мы переглянулись.

— Вы не понимаете? Это не удивительно, вы ведь привыкли жить в Америке, а не в Советском Союзе. Не огорчайтесь, поймете.

— Посмотрим, — сказала журналистка.

— Увидим, — сказали мы.

Вскоре Эллен Райт пригласили в секретариат.

— Все, что я слышала о вашем театре, — сказала она выходя из приемной, — заставляет меня думать, что я и пишу статью, которая будет называться «Утопическое безумие». Утопическое безумие! — повторила она и, махнув рукой, скрылась за дверью.

Через три месяца мы вторично встретили Эллен Райт на острове Диксона. Было это в конце июля, когда за полярным кругом не заходит солнце и, после зимнего затишья наступают горячие авральные дни.

В то время у берегов Диксона, по пути на восток, обильно наваливались десятки пароходов; с верховьев Енисея приходили караваны речных судов с грузом для Норильского комбината; на рейде стояли лихтера, боты, баржи; партии вновь прибывших зимовщиков разгружали оборудование и продовольствие.

Лязг и грохот лебедок, гудки пароходов, сирены снующих по бухте катеров говорили о страдной поре, наступившей на острове.

Каждый час, каждая минута были дороги. Люди работали в три смены — двадцать четыре часа в сутки.

Во время авральных работ, когда отдых был особенно нужен полярникам, мы по два-три раза в день выступали с концертами и каждый вечер давали спектакли. Эти спектакли трудно забыть, они надолго останутся в памяти работников Заполярного театра.

... Десять часов тридцать минут вечера.

На крыльце кают-компания стоит помощник режиссера с колокольчиком. Звон колокольчика извещает нас о приближении спектакля. Из окон нашего общежития, которого

компанию спешат зрители. Вот идет летчик Козлов, совсем недавно прилетевший с ледовой разведки из пролива Вилькицкого; вот матросы и кочегары с пароходов «Искра» и «Ванцетти», за ними капитан Воронин, радисты, работники метеостанции. . .

Юра и нам.

Выходим.

Полторы сотни ездовых собак, поджав хвосты, опрометью бросаются по сторонам. Остановившись на почтительном расстоянии, они со страхом и любопытством осматривают нас и наконец поднимают тоскливый, пронзительный лай. Незаменимые работники Севера, разумные животные, не боящиеся встречи с белым медведем, не могут привыкнуть к людям в костюмах и париках семнадцатого столетия, к персонажам бессмертной комедии Мольера — «Тартюф».

Кают-компания разделена на-двое. В половине, прилегающей к кухне, устроена сцена, здесь висят кулисы, падуги, адник и занавес, установлены прожекторы, расставлены декорации.

За неимением уборных актеры гримируются на кухне. Они расположились вокруг огромной, еще не остывшей плиты, на ней вы видите зеркала, пудру, коробочки с гримом, который, подогреваясь, медленно тает.

Несмотря на все неудобства, актеры чувствуют себя превосходно, кладут недостающие блики, подклеивают парики, усы и, когда грим ручейками стекает на кружева, пытаются танцевать его пудрой.

А зрители уже наполнили зал до отказа. Они сидят на кульях, на подоконниках, на крышке рояля. Опоздавшие ищут «места» на полу у самой рампы и, стараясь пролезть за кулисы, наперебой предлагают помощнику режиссера открывать и закрывать занавес.

На одном из таких спектаклей мы и повстречались с нашей московской знакомой — американской журналисткой Элен Райт. Во втором антракте она зашла за кулисы и, равно потирая руки, сказала:

— Новая победа советского гуманизма — вот как я назову эту статью, а вам я советую написать книгу о Заполярном театре, о гастролях в Арктике. Вы обещаете это сделать?

— Да, мы давно решили писать книгу.

В это время зазвенел колокольчик. Элен Райт попрощалась с нами и спустилась в зрительный зал.

Двадцать девятого мая тысяча девятьсот тридцать пять года в центральной прессе было опубликовано сообщение ТАСС:

«На днях в Арктику выезжает «Заполярный театр». Труппа организована Политуправлением Главсевморпути артистов московских государственных театров.

Маршрут: Красноярск — Игарка — Дудинка — Усть-Енисейск — остров Диксона.

На пути следования театр будет давать концерты и спектакли для караванов судов, направляющихся в устье Енисея, работников рыбных промыслов, консервных заводов лесосплава.

Театр пробудет в Арктике до октября.

Задача труппы — показать высококачественное театральное искусство советским полярникам, оторванным на долгое время от Большой земли. В репертуаре театра пьесы русских и западных писателей. Кроме того театр подготовил большую концертную программу (музыка, балет, художественное чтение).

Театр не ограничится спектаклями и концертами, займется на местах организацией кружков самодеятельности и будет проводить лекции и беседы.

... В полдень тридцать первого мая на платформе Северного вокзала было необычнолюдно. Впервые в истории советского театра группа московских актеров выезжала в Арктику.

Перонные автокары везли четырнадцать огромных ящиков с костюмами, декорациями и бутафорией.

У тамбуров транссибирского экспресса собралась шумная говорливая толпа. Родные, друзья и знакомые пришли проводить актеров, уезжающих на далекий Север.

Напутственные советы, шутки, остроты, букеты ландшей, фиалок, сирени и даже немного слез можно было видеть и слышать в эти минуты.

За несколько секунд до отхода поезда явился корреспондент «Союзфото», он настоятельно просил разрешения заснять на пленку группу работников Заполярного театра и представителей Главсевморпути. Пришлось согласиться.

выстроившись у вагона в «семейную» группу, дать возможность расторопному корреспонденту щелкнуть затвором лейки. «Этот снимок, — сказал он, прощаясь, — вы увидите не только в советской, но и в зарубежной печати». Трудно сказать, был ли он опубликован за границей, но глубокой осенью, по возвращении в Москву, мы увидели нашу группу в одном из июньских номеров «Комсомольской Правды» и на страницах журнала «Огонек», в достаточно искаженной «редакции».

... Рывкнул гудок паровоза.

Последние поцелуи, улыбки, всхлипывания, и поезд, грохоча, тронулся в путь. Перрон остался позади, таяли очертания людей, помахивающих платками и шляпами.

Проводники начали проверять билеты, мы расставляли на полках чемоданы, а колеса своим грохотом точно выговаривали: в Арктику, в Арктику, в Арктику!

2

Четвертого июня поезд остановился у Красноярского вокзала.

В ожидании парохода мы успели сыграть в Красноярском городском театре три спектакля для работников Севморпути.

Это была первая проба сил. Газета «Красноярский рабочий» похвалила наши спектакли. Аплодисментам не было конца, и после каждого действия нам приходилось по несколько раз поднимать занавес для поклонов.

Одиннадцатого июля театр погрузился на пароход и начал свой рейс по Енисею.

Третий гудок.

Пароход, щедро нагруженный мукой, сахаром, бочками с дробью, кипами кож и пестрых ситцев, ворохом домашней утвари и нашим театральным багажом, тяжело развернулся и вышел на фарватер. Курс: Красноярск — Игарка.

Еще на пристани было решено организовать концерт в кают-компании парохода.

Концерт на пароходе был новостью для работников театра и мы сосредоточенно к нему готовились.

Вечером в каютах началась репетиция, а утром, стоя на мостике, помощник капитана кричал в рупор:

— Товарищи пассажиры, на борту нашего парохода первый, впервые в мире организованный Заполярный театр. Его путь лежит на Игарку, на остров Диксона, на охотничьи фактории и рыбные промыслы, на зимовки, лесозаводы и

рудники. Сегодня артисты выступят в кают-компании с концертом!..

... По часам Большой земли — полночь, но в иллюминаторы с любопытством заглядывает солнце.

Ударили клавиши, и тенор мягко взял:

Благоухала ночь...

На Енисее, в кают-компании парохода, быть может одновременно с Большим театром в Москве, Каварадосси и «Тоски» пел свою чудесную арию. Его слушали суровые охотники из Дудинки, три девушки-тунгуски из Туры, парикмахер из Омска, механик из Алма-Аты...

Зрители не могли разместиться, и запоздавшие слушали стоя у раскрытых дверей.

... Концерт окончен. Мы вышли на палубу. Как однообразен пейзаж! Тайга, тайга, тайга.

Ночи нет. Солнце прячет только полдиска. От заката до восхода пятнадцать — двадцать минут.

Опираясь на поручни, смотрим в даль. Что впереди? Что там, за мысом, за косой?

... На седьмой день плавания пароход остановился у пристани Туруханска.

«Сослать в Туруханский край» — стандартная фраза царской охранки.

Когда мы поднялись на гористый берег, перед нами открылся беспорядочно разбросанный деревянный город. В одном из его узких извилистых переулков мы увидели старый одноэтажный дом, крытый тесом; у входа доска с надписью: «Здесь провел годы ссылки Я. М. Свердлов». В этом доме располагалась метеостанция, но вскоре будет организован музей имени Свердлова. Давно пора!

... После трехчасовой стоянки пароход двинулся дальше на Север и на следующее утро прошел мимо Усть-Курейки, куда был сослан Иосиф Виссарионович Сталин.

Уже много лет, как Усть-Курейка превратилась в обжитое поселение, а до революции здесь была глухая тайга. До революции Курейка была страшнее казематов и одиночек Шлиссельбурга и Петропавловской крепости.

Курейка расположена на шестьдесят шестой параллели. Проходя мимо Курейки, вы пересекаете полярный круг.

... Двадцать первое июня. Полярный круг далеко за кормой. На горизонте показалась Игарка.

Игарка — первый заполярный город на пути театра.

В полночь мы увидели на левом берегу Енисея шесть эвенчатых изб.

— Это Старая Игарка, — разъяснил боцман, — говорят, это селение основал тунгус, у русских его звали Егором, в тунгусском произношении Егор звучит как Игар. Так оно, говорят, и пошло — Игарка. Но верно ли это, не скажу. Новая Игарка заложена совсем недавно. . .

Строительство Игарки началось в 1926 году в районе вечной мерзлоты, в глухой, заболоченной тундре, а теперь это уже крупный промышленный порт, экспортирующий, главным образом, древесину.

Когда вы издали смотрите на Игарку, она напоминает строительство огромного комбината. Глядя в бинокль, вы видите, что перед вами множество недостроенных корпусов рабочих барачков, но, приближаясь, вы начинаете понимать, что это территория огромной лесной биржи.

Обогнув остров, пароход направился к пристани. Это был первый пароход, пришедший после долгой зимы, и все население города, несмотря на поздний час, вышло его встречать. Десять месяцев полярники получали вести с Большой земли только по радио, сейчас они получают почту и, конечно, увидят родных, друзей и знакомых.

Когда пароход поравнялся с пристанью, раздалось громкое «ура».

Капитан приказал спустить трапы.

Началась высадка пассажиров.

На пароходе были грузчики, лесорубы, мастера графитного дела, их гостеприимно встретили; захватив багаж, они местились на подводах и уехали в город.

Мы долго стояли на пристани и думали: «Кто же встретит Заполярный театр?»

Прошло десять, двадцать, тридцать минут, никто не появился. Мы были предоставлены сами себе, но мы не пришли унывать и не падали духом.

Договорившись с возчиками, мы выгрузили багаж, положили его на подводы и дружной гурьбой отправились к портделу.

Комендант здания, ничего не зная о нашем приезде, не решился впустить нас: пришлось разгрузить ящики у подвала.

— Извините, — волновался он, — мы ждали вас, готовились к встрече, но нас не известили о том, что вы прибудете сегодня. Утром вы получите комнаты, а эту ночь придется провести под крышей политотдела.

В наше распоряжение были отданы две комнаты, правда, оборудованные для общежития, но все же защищенные генами от пронизывающего северного ветра. Мы почувствовали себя как на небе, устроили из ящичков и чемоданов мпровизированные кровати, разложили тюфяки и подушки заснули крепким, здоровым сном.

Утром выяснилось, что радиограмма о нашем выходе затеялась на одной из раций, между Красноярском и Игаркой.

... Двадцать второго июля после завтрака мы пошли матривать город.

Чудесное зрелище представляет лесная биржа. Золотые доски и брусья, ярко освещенные солнцем, напоминают фантастические строения сказочного города.

Игарские лесозаводы механизированы. Лес вылавливают из воды элеваторами. Элеваторы подхватывают огромные бревна, поднимают их и сбрасывают на большие наклонные конвейеры, по которым они с грохотом стремительно катятся на распилку.

Горы мягких пахучих опилок разбросаны по огромной территории лесозаводов. Издали они напоминают горы кукурузы, которые можно видеть в южных портах.

За игарским лесом в короткий период летней навигации из Англии, Бельгии, Дании, Финляндии, Эстонии и Норвегии ежегодно приходят десятки судов.

Когда Карское море сбрасывает ледяные оковы, на лесоводах наступают горячие дни.

Мы идем по узким переулкам лесной биржи. Кругом табеля строевого леса. Мимо проносятся лесовозы, бракеры сортируют лес, грузчики складывают его по стандарту...

Игарка готовится к Карской экспедиции — к встрече советских и иностранных судов.

Мы уже говорили, что Игарка расположена в районе вечной мерзлоты. За пределами города — топкая, заболоченная земля, она с трудом выдерживает человека. Легко понять, как трудно на этой зыбкой почве подводить фундамент под двух- и трехэтажные здания, а таких зданий здесь немало.

Игарка деревянный город, здесь даже мостовые и тротуары из дерева.

Осматривая город, мы видели, как полярники прокладывают дороги.

Заболоченную землю покрывают отбросами лесопильных заводов: щепками, обломками бревен и обрезками досок, этот настил зажимают двумя рейками из лучшего ангарского леса, посыпают толстым слоем опилок — и мостовая готова. Отличаясь исключительной легкостью, игарские мостовые не проваливаются в жидкий грунт и выдерживают тяжесть груженого трехтонного автомобиля. Менее удобны досчатые тротуары. При утренних заморозках они покрываются инеем, и пешеходы скользят по ним, как на катке.

Игарка растет с каждым годом. Здесь три лесопильных завода, графитовая фабрика, городская библиотека, театр, звуковое кино, четыре клуба, десять школ, шесть детских садов, детские ясли, больницы. И уже начато строительство новых заводов, новых школ, новых детских садов, новых больниц. Всего не перечесть: здесь строят и водопровод, и гостиницу, и педагогический техникум...

... На второй день нашего приезда по улицам Игарки были расклеены афиши:

*„24 июня в клубе Лесокомбината
состоится первый спектакль*

*Московского Заполярного театра Политуправления
Главсевморпути*

Театр покажет комедию А. Арбузова

„Шестеро любимых“.

Билеты в политотделе“.

В клубе Лесокомбината просторный театр с вертящейся сценой. Здесь двадцать четвертого июня началась работа Заполярного театра. Мы сосредоточенно готовились к первому спектаклю и с тревогой ждали его. Успех был огромный. Зрители долго и восторженно аплодировали, эти аплодисменты были лучшей наградой за наши труды и тревоги.

В Игарке театр провел больше двух недель, ежедневно давая спектакли или концерты. У нас завязалась прочная дружба с игарскими полярниками и особенно с участниками местных кружков художественной самодеятельности.

Надо сказать, что к нашему приезду кружковцы работали далеко не активно. Мы предложили им провести творческое совещание; после совещания работа оживилась. Актриса Светланаова начала репетировать в драматическом кружке

льесу тригера «Счастливая женщина». Закончить постановку не удалось.

Восьмого июля к нам в общежитие пришел один из работников политотдела.

— Собирайтесь, товарищи, пакуйте чемоданы, — заговорил он, открывая дверь. — Из Красноярска прибыл Пясинский караван. Завтра он отправляется дальше — на Диксон.

Через полтора часа вещи были упакованы, и началась погрузка на теплоход «Красноярский рабочий».

4

Девятого июля в восемь часов утра караван снялся с якоря и взял курс на Диксон.

Пясинский караван — это пловучий город.

«Красноярский рабочий» буксирует лихтер, десять тысячетонных барж и три лесных матки с грузами для Норильского полиметаллического комбината. На баржах — детали машин, кирпич, лес; на матках — зеленые холмы сена.

Нас разместили в трюме теплохода, где уже было человек сорок рабочих из Днепрпетровска. Вскоре завязалась беседа, и мы узнали, что они направляются на Диксон и проживут там не меньше двух лет.

Время летело незаметно. Мы пели хором, играли в шашки и шахматы.

Первой населенной точкой на пути от Игарки к Диксону был город Дудинка.

Во время перехода от Игарки к Дудинке вы видите, как постепенно редет и исчезает лес, уступая место тундре — беспредельным равнинам, покрытым мелким кустарником, лишайниками и мхами.

Дудинка, районный центр Таймырского национального округа, расположена на правом берегу Енисея среди толкого промерзшего болота, здесь не встретишь ни одного кустика, хотя бы в полметра высотой.

Когда караван стоял на Дудинском рейде и на теплоход грузили бензин, мы получили от местных работников радиogramму с приглашением сыграть несколько спектаклей. Выступить в Дудинке не удалось. После шестичасовой стоянки караван двинулся дальше к острову Диксона.

... Енисей ширится. Только временами видны берега. Они возникают из ничего. Смотришь вперед и находишь где-то на горизонте едва заметную точку. Первая мысль:

«Это встречный пароход, парусное судно, рыбацкая лодка». Нет. Точка ширится, растет и принимает очертания мыса, косы, берега. Но вот, прошло пять, десять минут — смотришь назад — берег потерял форму, расплылся, растаял. Тающие берега — как часто вы обманывали наше зрение.

5

Рано утром на третий день плавания мы увидели с палубы теплохода пристань Усть-Порта.

Усть-Порт — промышленный поселок с большим консервным заводом.

К пристани поминутно подходят шхуны, боты и рыбницы. Вглубь поселка тянутся телеги, груженные корзинами с макуном, осетрами и стерлядью. Местный консервный завод выпускает за год около миллиона банок консервированной рыбы и, хотя построен совсем недавно, успел прославиться далеко за пределами нашего Союза.

В Усть-Порту на теплоходе узнали, что в районе Диксона тяжелые льды. Всем было ясно, что караван задержится в Иннокентьевской бухте. Мы решили воспользоваться стоянкой для театральной работы, договорились с руководителями завода о том, что нас отвезут в бухту на катере, и высадились на берег.

В Усть-Порту около четырехсот рабочих консервного завода и рыбаков, а зрительный зал поселкового клуба вмещает не больше ста человек.

Задолго до начала первого спектакля, поставив в сених клуба бочки из-под рыбы и положив на них доски, зрители устроили нечто вроде галерки.

Когда мы гримировались, за кулисы пришел заведующий клубом, он попросил разрешения выставить оконные рамы.

— Я хочу в оконных нишах устроить ложи, — улыбался он. — Всем в клубе не разместиться, а если выставить рамы, с улицы можно будет смотреть.

— Выставляйте, — согласились мы.

Хотя над поселком тучами носилась мошकारа и беспощадно кусала актеров и зрителей, спектакль прошел с большим успехом.

Театр работал в Усть-Порту семь дней. За это время, играя по два спектакля в день, мы успели показать тринадцать спектаклей. Большинство рыбаков и рабочих завода видело наши спектакли по два-три раза, но если бы кали-

н теплохода не вызвал нас радиogramмой в Иннокентьевскую бухту и мы дали бы еще тринадцать спектаклей, все равно, как бы ни кусала актеров и зрителей мошкара, пришлось бы играть при открытых окнах.

После нашего прощального спектакля рабочие и руководители завода подарили нам большой ящик, в котором мы ашли не только консервы, какао и шоколад, но даже свежую картошку и лук.

6

Девятнадцатого июля, погрузившись на моторный бот «Красный партизан», мы пошли вниз по Енисею в Иннокентьевскую бухту, где наше судно должно было взять с промыслов рыбу и где стоял на якоре пясинский караван.

Начиная от Усть-Порта тундра переходит в болотистый, мертвый район вечной мерзлоты. Глядя на крутой правый берег Енисея, срезанный могучим течением воды и ветром, вы вспоминаете деревушки средней полосы России: холмистые кладки берега напоминают избы, стоящие в стройном порядке.

Двадцатого июля в шесть часов вечера «Красный партизан» подошел к «Большой переправе». Это огромный плес Енисея длиной в сто и шириной в девяносто восемь километров. Попадая в штормовую погоду на «Большую переправу», крупные суда испытывают качку, как в Баренцовом и Карском морях. Нам удалось миновать плес в сравнительно тихую погоду. Берегов мы не видели, нас немного покачивало, но путешествие окончилось благополучно.

После двенадцатичасового перехода мы вышли к Дорофеевской скале, где Енисей сужается до четырнадцати километров.

Среди пассажиров «Красного партизана» был работник Игарского политотдела. Когда мы приближались к Дорофеевскому промыслу, он предложил нам высадиться на берег и сыграть спектакль для рыбаков.

— До Иннокентьевской бухты недалеко, — говорил он, — нам не придется задерживать бот, он пойдет своей дорогой, рыбаки отвезут нас в бухту на лодках.

Работники театра охотно согласились высадиться на берег; но узнав, что выступать придется в общежитии рыбаков, Черневский решил послать не весь коллектив, а концертную группу.

Когда бот проходил мимо промысла, капитан приказал штурману вызвать с берега лодки.

Пронзительно загудела сирена.

После третьего гудка к нам направились две шлюпки под парусами. Вскоре они пришвартовались к борту нашего судна, и вахтенный матрос бросил веревочный трап.

Стояла ветреная погода, трап раскачивало. Спускаясь в шлюпки, мы поминутно рисковали упасть.

Едва мы заняли места и отошли от бота, сильный порыв ветра накренил шлюпки и они стали черпать воду.

— По волне!.. По волне!.. Правее! — раздавались крики гласы товарищей, толпившихся на палубе. Они не на шутку испугались и, размахивая руками, давали нам советы, и держали шлюпки по ветру.

Наконец рискованное путешествие кончилось. Шлюпки у берега, но они так перегружены, что не могут пристать.

Хорошо, что мужчины были в высоких болотных сапогах и перенесли женщин на берег, хлюпая по коленам в воду. Все же эта переправа не обошлась без курьезов — артист Немиров был в полуботинках и решил прыгнуть на берег, но, не рассчитав расстояния, упал в воду.

— Как быть? Что придумать? — волновался он, рассматривая мокрые туфли.

Марина Мейер посоветовала ему снять носки и обмотать ноги носовыми платками. Сделав это, Немиров надел мокрые туфли, и мы направились к трем домикам, составляющим весь Дорофеевский поселок.

По пути мы встретили рыбаков, только что вернувшись с промысла. Они гостеприимно приняли нас и угостили в своем доме. На первое была осетровая уха, на второе — жареный осетр весом в одиннадцать килограммов.

После обеда начался концерт.

Общежитие рыбаков напоминает каюту парохода — вместо стен двухэтажные ряды коек, здесь расположились зрители, а мы выступали в небольшом, свободном от коек квадрате, где еще недавно стоял обеденный стол.

В репертуаре нашей группы были стихи Пушкина, сказки Чехова, фельетоны Кольцова, арии из классических опер, отрывки из произведений Листа, Моцарта, Шуберта, характерные танцы.

Рыбаки слушали концерт, не переводя дыхания, и даже не хотели нас отпускать.

Мы тронулись в путь поздно ночью, вернее рано утром, на рассвете. Когда мы вышли из барака, дух холодный северный ветер.

— не знаю, как переправить вас в бухту, — сказал начальник промыслов.

У берега стояли три лодки, на рейде моторный бот, его минутно подбрасывали волны, идущие с низовья реки.

— Это «Норд», — продолжал начальник, указывая на лодку, — он не может похвастать ни молодостью, ни устойчивостью. Я готов предоставить его в ваше распоряжение, но предупреждаю, что покачает вас основательно. Вы бы лучше задержались до вечера. Вечером с промыслов придут рыбаки, и мы спокойно переправим вас в бухту.

Из боязни отстать от каравана мы не рискнули задержаться до вечера.

Крепко пожав руки гостеприимным хозяевам, мы сели в лодку и направились к боту.

Причалить долго не удавалось. Волны грозили разбить лодку о борта бота. Мы несколько раз объезжали его, и прошло около получаса, пока мы поднялись на палубу и тронулись в путь.

Когда «Норд», обогнув огромную песчаную отмель, вышел на фарватер и был в четырнадцати километрах от берега, его начало качать с такой силой, что висевшая на штурманском мостике рында не переставая звонила, как на пожар.

Переход до Иннокентьевской бухты занял больше пяти часов. Качка не унималась ни на минуту, но и на этот раз все обошлось благополучно.

Приближаясь к каравану, мы увидели работников театра. Стоя на борту лихтера, они кричали в один голос:

— При-ча-ли-вай!

Мы подошли, узнали, что будем продолжать путешествие не на теплоходе, а на лихтере, расположились в теплых уютных каютах и вскоре уснули.

7

Ветер взломал лед. Бухта очистилась. Все было готово к отплытию. Но караван не мог тронуться в путь.

Штормовало семь суток. Караван отстаивался, а мы ежедневно давали концерты и спектакли для рыбаков Иннокентьевской бухты.

Ежедневно в семь часов вечера мы спускались с лихтера на кавасаки и плыли к берегу.

Выступали мы в недостроенном продовольственном складе, над ним не было крыши, и перед началом наших астролой наспех растянули брезент.

Помещение было па-двое разделено занавесом. На сцене были развешены кулисы и расставлены декорации. Скамьи в зрительном зале стояли полукругом на возвышении из досок, ящиков, бочек и, поднимаясь к стропилам, напоминали амфитеатр. Были эти скамьи сколочены из свежего необструганного леса, не выдерживали зрителей и поминутно ломались. Но это мало смущало работников театра и публику. На смену сломанной доске приносили новую, и спектакль продолжался.

В штормовую погоду было далеко не приятно переправляться с лихтера на берег; возвращаться на лихтер в одиннадцать часов ночи, когда наступала темнота, было еще менее приятно и даже рискованно. Иногда, чтобы покрыть пятьсот метров, отделяющих лихтер от берега, нам приходилось по два — три часа качаться на волнах.

Но все эти трудности искупались горячими аплодисментами зрителей.

Двадцать пятого июля небо прояснилось, и рано утром Свержевский предложил пойти охотиться на гусей.

В Иннокентьевской бухте расположен маленький рыбацкий поселок, на берегу два барака, лодки, сети, а за этой обжитой территорией огромные равнины, покрытые зелеными и красными пятнами мха и пестрыми полярными цветами.

Сопровождавшая нас собака не проявляла охотничьих способностей, если не считать, что она не переставая гонялась за бесхвостыми полярными крысами, пожирала их в огромном количестве и под конец нашей охоты стала похожа на бочку.

После двенадцати часов охоты мы повернули назад к берегу. Ноги в высоких резиновых сапогах казались чугунными и чужими. А подстрелили мы всего несколько куликов и одну куропатку.

Мы видели сотни гусей, слышали их гоготание, стреляли по ним, но не убили ни одного.

Гуси оказались много умнее нас: они плавали посреди огромных озер так далеко от берега, что их не достигал ружейный выстрел.

Наша «помощница» пыталась добраться к ним вплавь, но они плавали и ныряли лучше ее, и ей не пришлось полакомиться гусятиной.

На обратном пути мы нашли старые поломанные нарты, разложили костер, закусили, погрелись и, просушив мокрую от непрерывно моросившего дождя одежду, тронулись дальше.

Несмотря на холодный, насквозь пронизывающий ветер, с нас градом катился пот.

Об охоте никто и не думал. Даже рыжая сука лениво влезла за нами, равнодушно поглядывая на убежавших крыс.

Падая от усталости, мы мечтали только об одном — как бы скорее добраться до берега.

Кругом, как на зло, взлетали куропатки, с озера на озеро перелетали стаи гусей, а мы не могли заставить себя даже поднять ружье.

Наконец показалась синяя полоска Енисея. Хотелось иметь крылья, чтобы перелететь на лихтер.

Трудно описать радость, охватившую нас, когда, скинув сапоги и бросив в угол скромные трофеи охоты, мы растянулись в каютах и почувствовали, что охота кончилась и можно спать и спать.

Рано утром нас разбудил гудок теплохода. Забуксировав четырнадцать судов, «Красноярский рабочий» тронулся в путь.

8

Через двое суток, пройдя Гольчиху, бухту Тихую, Омuleвую, Ефремов Камень, караван, первым в навигацию 1935 года, вошел в очистившуюся ото льда бухту острова Диксона.

Остров затерялся в тумане.

На носу лихтера шумная толпа пассажиров — зимовщики, охотники, грузчики, судовая команда, а среди них и мы, работники искусства — шестнадцать актеров Заполярного театра Политуправления Главсевморпути.

Справа и слева бухты — скалы. Вечно холодное море непрестанно накатывает на них соленые волны.

Туман сгущается. Уже не видно ни Диксона, ни Нового Порта. Только высоко в небе, возвышаясь над туманом, торчит верхушка радиомачты. Еще несколько мгновений, и она скрылась за серой завесой.

На палубе смолкают разговоры и смех: звук не разносится, а замирает где-то рядом.

Туман до такой степени густ, что простым глазом видны его капли: видно, как они движутся и покрывают палубу, поручни, мачты, ватные куртки, лица: кажется, будто совсем недавно прошел дождь.

Караван не может двигаться в сплошном тумане. Тревожно гудит «Красноярский рабочий». С глухим грохотом вырываются из клюзов якорные цепи.

Караван стал.

В последний раз прогудел буксир, и наступила мертвая тишина.

Но вот издали, побеждая тишину, доносится стук мотора: к нам, людям с Большой земли, идут навстречу незнакомые, но дорогие и близкие нам товарищи, прожившие долгую полярную ночь на острове.

Шум усиливается. В тумане показалась черная точка, она приближается, приобретает очертания катера. На катере люди, они уже совсем близко.

Над бухгой проносятся гул аплодисментов и громовое «ура!»

Катер подошел к борту лихтера. Полярники во главе с начальником острова поднимаются на палубу.

Трудно забыть эту встречу, веселые, радостные лица, крепкие рукопожатия...

Нас спрашивали о Москве, мы — о жизни на острове. И если бы начальник каравана не напомнил о том, что пора начинать выгрузку, беседа затянулась бы не на один час.

Когда двенадцать ящиков с нашим театральным багажом спустили в катер, он глубоко ушел в воду, ватерлиния скрылась, но это не смутило пассажиров лихтера. Человек тридцать, а в том числе и мы, гроздьями повисли у поручней катера, и он, пыхтя и фыркая, направился к таинственному острову Диксона.

Во время оживленной беседы мы не заметили, как прошли полосу тумана. Перед нами открылись берега Диксона. Теперь мы видим уже не только скалы. Впереди показалось солидное здание — «Большой дом», где помещаются административное управление острова, кают-компания и кухня. Слево от «Большого дома» из-за пригорка выглянула крыша старой рации. Направо — стены больницы.

С высоты скалистого берега к самой воде спускается деревянный настил.

— Что это? — спросил один из гостей.

— «Губернаторский спуск», — ответил начальник острова. — Берег у нас каменистый, крутой, а по настилу мы поднимем ваши ящики без особых трудов.

Тем временем, кряхтя и кашляя одряхлевшим мотором, катер упорно двигался в сторону острова.

Все население зимовья вышло на берег. Видно, машут руками, слышны приветственные возгласы.

Нам не трудно понять, с каким нетерпением полярники ждут приближения катера. Девять месяцев они были оторваны от Большой земли. После девяти зимних месяцев увидеть новые лица, получить письма от родных и знакомых, газеты, журналы, книги — это настоящий праздник.

Среди собравшихся на берегу носятся с лаем и визгом десятки собак. «Воспитанники» собачьего питомника, щенки разного возраста и масти тоже вышли встречать гостей.

... Катер у пристани. Сотни глаз отыскивают среди его пассажиров знакомые лица. На минуту воцарилось молчание, затем люди бросились к катеру, а вслед за ними с оглушающим воем понеслась стая собак.

Один из пассажиров заметил:

— Встреча с оркестром!

— Полярный джаз, — ответил другой.

Мягко ударившись о пристань, катер остановился.

Снова рукопожатия, поцелуи, шутки, остроты, вспышки веселого непринужденного смеха...

Едва прошел первый порыв радостной встречи, зимовщики помогли втащить ящики на высокий берег, и все мы с театральным багажом на плечах направились к старой рации.

Вскоре пришлось остановиться. У дороги на сером камне стоял рослый человек в накрахмаленном поварском колпаке и белом фартуке. В руках у него было огромное блюдо, на нем возвышались буханка хлеба, деревянная солонка и ветряная мельница, замысловато сделанная из сливочного масла.

Стоял он в нарочито театральной позе и был величественно смешон. У подножья его пьедестала, задрав головы и облизываясь в ожидании подачи, неподвижно сидели собаки.

Глядя на этот курьезный монумент, все невольно расхохотались.

Человек в поварском колпаке призвал нас к порядку и, подняв руку, сказал:

— Дорогие товарищи артисты! Мы долго ждали вас, мы ждали вас, как ждут старого любимого друга. Наконец вы приехали. Вы здесь, с нами, на нашем маленьком острове, затерянном в широких просторах полярного моря. Позвольте же мне поднести вам от имени зимовщиков...

Он передал блюдо одному из наших товарищей и, спрыгнув с камня, отрекомендовался коком зимовки Николаем Федоровичем Волковым.

Николай Федорович настойчиво требовал, чтобы мы бросили вещи и немедленно шли обедать, говорил, что выкипит суп и сгорит второе, и лишь с большим трудом удалось получить небольшую отсрочку, чтобы перенести вещи и умыться.

Едва мы переступили порог старой радиостанции, как появился неуемный Николай Федорович и заставил нас идти к обеденному столу.

Как и следовало ожидать, Волков угостил нас обедом, какого мы давно не ели. Вероятно, он не мало с ним повидался, но его труды не пропали даром. Проголодавшись с дороги, мы с огромным аппетитом уничтожили закуски, фаршированную рыбу, жаркое, пироги, и когда Николай Федорович спросил, довольны ли мы его стражей, в ответ раздались восторженные аплодисменты.

Он смешно раскланялся, прикладывая руку ко лбу и сердцу.

Трудно забыть нашу встречу с Николаем Федоровичем Волковым, его подкупающую веселость, приятный напевный говор и заразительный смех. Его заботливость и творческая изобретательность не знают пределов. Составляя меню, он внимательно выслушивает пожелания каждого зимовщика, его обеды удивительно разнообразны, и он по заслугам славится на острове художником-инженером питания. Посмотрели бы вы, как он подает к столу масло! Сегодня это воздвигнутая на тарелке ветряная мельница, завтра — роскошный торт, послезавтра — полярный «мишка», взобравшийся на льдину, и так без конца. Каждый день что-нибудь новое. На Диксоне перед нами промчалась «масляная феерия».

Сколько любви и человеческой теплоты, сколько заботы и труда вкладывал Николай Федорович в этих «мишек», в эти торты и мельницы из сливочного масла.

... Итак, поблагодарив Волкова за обед, мы встали из-за стола и в прекрасном настроении, веселые и бодрые, отправились к себе домой на «старую радиостанцию».

В помещении радиостанции, где зимовщики устроили для нас общежитие, вдоль стен стояли недавно сколоченные топчаны, покрытые, вместо матрацов, спальными мешками из собачьего меха. На каждом топчане лежала подушка, белье, одеяло. Ночные столики были украшены неприхотливыми полярными цветами.

Окна наших комнат выходили на бухту. На противоположном берегу под яркими солнечными лучами искрился и блеснул, быть может, столетний снег...

После тяжелого пути и плотного обеда нас потянуло к спальным мешкам. Через несколько минут из открытых окон нашей комнаты разносился дружный храп.

Долго спать не удалось. Нас разбудил страшный шум. Спросонья казалось, что кто-то решил старую рацию стереть с лица земли.

Мы вскочили с постелей, подбежали к окну и увидели, что нас атакуют козлы и козы. Они пронзительно блеяли, с разбега ударяли рогами в стены и пытались раскрыть дверь.

От мимо проходившего зимовщика мы узнали, что козлы и козы квартируют в подвале нашего дома. Видимо, их обеспокоил наш приезд и они захотели от нас избавиться. Пришлось одеться и отправиться умиротворять соседей.

Несколько кусков сахара и хлеба помогли нам наладить нормальные дружеские отношения. Закончив дипломатические процедуры, мы пошли осматривать остров.

Старая рация расположена на берегу. Вниз, к воде ведет узенькая тропинка.

Пошли тропинкой, миновали прибрежные утесы и увидели посреди бухты самолет Махоткина, он мерно покачивался на плавниках. К нему приближалась шлюпка с бензином.

В этот день мы бродили вдоль берега, пока перед нами не выросла огромная непроходимая каменная преграда, и не заметили, как наступило время ужина.

... Первая ночь прошла не совсем спокойно. На этот раз нас разбудил странный шорох в сенах.

— Опять козлы! — вскочив с постели, чертыхнулся Немиров.

Из-за двери послышалось чавканье, шарканье и грохот падающих ящиков.

— Тссс! — прошептал Анатолий Свержевский и приподнялся на локтях. — Это медведь!

Анатолий Свержевский (в пути он отпустил густую черную бороду, и мы «окрестили» его «Бородой») славился опытным охотником.

— Медведь! — повторил он, прислушиваясь. — Белый медведь!

Мужчины хватают ружья и ножи, «Борода» судорожно вталкивает в свою двустволку патроны с пулями «Жакан» и шепчет:

— За мной!

Мы на цыпочках подходим к двери и тихо начинаем ее открывать, чтобы не спугнуть зверя.

Все на изготовке. Вот раздастся залп, и белый Мишка, пораженный в сердце пулями отважных стрелков, отдаст им свою чудную шкуру.

Наконец дверь открыта настезь. В сенях у пятипудового мешка на фоне яркочерного солнца спокойно стоит, уничтожая белую муку, . . . лошадь. Видимо, поддавшись любопытству, она открыла дверь, забралась по ступенькам в сени, нашла закуску по вкусу и решила поужинать.

Надо сказать, что козлы и лошадь больше не нарушали покоя работников театра. С помощью сахара и хлеба мы поддерживали дружеские отношения с «соседями» и, запирая дверь в сени, избавились от неожиданных визитов. Но в эту ночь мы долго не могли уснуть. Много было смеха над бесстрашием охотников, потянулись охотничьи рассказы «Бороды», солнце, хотя окна и были завешены плотными одеялами, успешно проникало в комнату, и заснуть удалось лишь на рассвете.

Утром у сигнальной вышки, стоящей на высоком берегу бухты, рядом с домиком рации, толпились полярники. На верхних перекладах вышки висели шкуры белых медведей, а ниже, под шкурами, уместилась небольшая скромная афиша Заполярного театра. Она извещала о нашем репертуаре.

Впервые в истории театра афиша нашла себе место за семьдесят третьим градусом северной широты, рядом со шкурами белых медведей, убитых в долгую полярную ночь.

Началась подготовка к первому спектаклю. Местом проведения спектаклей была избрана кают-компания. Протянув от стены к стене трос и повесив занавес, мы считали, что зрительный зал и сцена обозначены достаточно точно.

В зрительном зале было ограниченное число стульев, а задние ряды мы составили из столов, на которых впоследствии сидели зрители.

Говорить о каком-либо возвышении для сцены, конечно, не пришлось: зрительный зал и сцена находились на одном уровне.

К стенам была подвешена светоаппаратура и укреплен задник. Это было все, что мы могли сделать, чтобы, как технически выражаются, «одеть сцену».

В то время рация Диксона была загружена спешной работой и могла отпускать нам очень мало электроэнергии. Но осветить «сцену» все же удалось. Изобретательный «Борода» спешно собрал все имевшиеся на острове зеркала, и мы уста-

новили на прилегавшей к сцене кухне своеобразный «агграт» из зеркал. Они были поставлены под таким углом, что солнечный свет преломлялся в них и, отраженный, падал на сцену.

К девяти часам вечера приготовления к спектаклю были окончены. С десяти к Большому дому начали стекаться зрители. В десять тридцать звонок помощника режиссера извещал о начале спектакля.

Наш первый спектакль на Диксоне прошел с большим успехом. Мы слышали аплодисменты не только, когда опускался занавес, но и во время действия, а провожали на восторженной овацией.

Когда мы вышли из кают-компании и направились к створам двери, за нами потянулись зрители.

Уже было три часа ночи, а мы все еще, сидя за столом, беседовали с полярниками. Казалось, расспросам о Большой земле и жизни на острове не будет конца.

На другой день театр показал пьесу «Шестеро любимых». Комедия молодого советского драматурга прошла с немалым успехом, чем «Тартюф» Мольера.

Заполярный театр пробыл на Диксоне девять дней.

Нашими зрителями были зимовщики Диксона, эпроновцы, команды ледоколов «Ермак» и «Русанов» и пароходов «Сталин», «Молотов», «Сакко», «Ванцетти», «Десна», «Анадырь» и «Сталинград», были среди наших зрителей и работники факторий, и рыбаки, и сотрудники научных экспедиций.

Дни, проведенные на Диксоне, остались в памяти как замечательные дни напряженной творческой работы.

Мы редко бывали свободны от концертов и спектаклей, но успели познакомиться с островом. Этому помогли наши творческие выезды на строительство угольных причалов и новую радиостанцию.

Когда большевики покорили Ледовитый океан, проложив Северный морской путь, Диксон, у которого еще недавно лишь изредка останавливались корабли полярных исследователей, стал арктическим портом, куда за углем и пресной водой по пути на восток и запад заходят целые флотилии советских и иностранных торговых судов.

В 1934 году на острове Конус, расположенном в бухте Диксона, началось строительство постоянных угольных причалов. Еще недавно Конус был неприступен. Когда полярники впервые подъехали к нему, они с трудом поднимались на крутые скалы. Но Конус — наиболее удобное место для

ричалов. Зимой 1935 года, работая при сорокапятиградусных морозах, полярники взорвали здесь тысячи кубометров льда и выравняли дамбу. Скоро Диксон будет принимать суда у новых, образцово механизированных причалов.

На острове Конус мы выступили с концертом. Стоит ли говорить, что наш концерт прошел с большим успехом, что полярники долго не отпускали нас и крепко пожимали нам руки...

Новая радиостанция Диксона — самая мощная станция Арктики и Заполярья. Радисты Диксона среди холодных скал и вечных снегов несут героическую вахту, передавая метеосводки всем морским и воздушным кораблям, действующим в районе Крайнего Севера.

С этой радиостанции мы передали шесть концертов. Они транслировались на все зимовки. Слышимость была прекрасная, что подтвердили зимовщики Нордвика, когда мы с ними встретились на обратном пути в Игарке.

В свободные минуты, гуляя по острову, мы не раз заходили в собачий питомник каюра Суворова и бывали у железных решеток вольера, где живет выводок молодых песцов. Глядя на этих маленьких зверьков с рыжевато-пегой шерстью, как-то не верилось, что к зиме они подрастут, оденутся в роскошные шубы и станут настоящими белыми и голубыми песцами.

Природные богатства Диксона еще недостаточно изучены, но уже давно известно, что у его берегов много морского зверя и рыбы. В 1935 году здесь была организована артель зверобоев, она занялась промыслом белух. Белуха похожа на кита, но несколько меньше размером и более светлой бледно-голубой окраски. Кожа белух отличается исключительной прочностью и может идти на выделку приводных ремней, жир может быть использован в переработанном виде, мясо полярники закапывают в землю на корм собакам вместо коколы.

У берега бухты, где разделявают туши белух, кишит «пикша» — мелкая рыба, напоминающая навагу. Рыбы этой так много, что мы ловили ее руками. Нам пришлось по вкусу жареная пикша, зимовщикам же она давно надоела, они вылавливают ее в огромном количестве особыми сачками-черпаками, но не едят, а складывают в бочки; как и мясо белух, она идет на корм собакам.

Облик Диксона меняется с каждым месяцем. Сейчас он мало похож на Диксон 1935 года. Возьмем, к примеру, овощи:

в 1935 году зимовщики страдали от недостатка свежей картошки и лука, а в 1936 — на Диксоне были построены парники и оранжереи, и зимовщики круглый год ели выращенные в Арктике свежие овощи.

Во время гастролей на Диксоне мы не ограничились спектаклями, концертами и занятиями с участниками кружков художественной самодеятельности. Еще в Москве мы начали ставить пьесу Горева «Бот», продолжали работать над ней в пути и решили обсудить ее на конференции зимовщиков. Прочитав пьесу, мы получили много ценных советов. Конференция помогла нам уточнить образы, правильно понять многие сюжетные положения и почувствовать колорит места действия. Участники конференции невольно перешли от обсуждения пьесы к обсуждению работы Заполярного театра и репертуара второй гастрольной поездки. В частности, они просили нас к следующему сезону поставить пьесу «Без вины виноватые» Островского и подготовить вечер художественного чтения. Этот вечер был у нас готов. Незадолго до нашего отъезда в кают-компании состоялся горьковский вечер: мы читали «Итальянские сказки», «Страсти мордасти» и отрывки из «Фомы Гордеева».

Бывали случаи, когда наши встречи с зрителями приобретали совершенно необычные формы.

Как-то раз у нас выпал выходной день. Ни спектакля, ни концерта мы не могли дать, так как все зимовщики были заняты на выгрузке вновь пришедшего радиооборудования и продовольствия, а команды стоявших в бухте кораблей — бункеровкой. Этот день и вечер мы решили занять внутри-театральной работой: репетировали скетч «Муха», разучивали стихи, готовили новые концертные номера, обсуждали и перерабатывали отдельные сцены из комедии «Шестеро любимых».

Неожиданно в дверь постучались. К нам пришла группа моряков с «Искры» и «Крестьянина». Они закончили бункеровку и решили повеселить «своих» актеров

Вскоре в нашем общежитии был организован летучий концерт.

Конферансье предлагает занять места на топчанах, на столах, на полу. Посреди комнаты на табурете располагается баянист Вася Панин.

Полились звуки «Турецкого марша». Панин сменил певец Маев, за ним выступил рассказчик Орлов — а за ними, по-прежнему преодолевая смущение, начали выступать и зрители: матрос с парохода «Искра» спел песенку, кочегар с «Ван-

цети» продекламировал стихи, механик со «Сталинграда» исполнил чечетку и частушки.

Встреча приобрела характер смывки актеров-профессионалов Москвы с самодеятельным искусством далекого Заполярья.

Восьмого августа мы должны были начать систематическое обслуживание выездными спектаклями острова Конус, но девятого из Игарского политотдела пришла срочная радиограмма:

«Диксон. Директору Заполярного театра *Чернезскому*. Согласно распоряжению Политуправления, коллектив Заполярного театра должен вернуться в Игарку для культурного обслуживания Карской экспедиции».

... Начались сборы в дорогу.

Руководители зимовки долго совещались о том, как отправить нас в Игарку.

В бухте Диксона стояли десятки морских кораблей, но в ближайшие дни в Игарку не должен был идти ни один из них.

Удалось составить план нашего передвижения только до Усть-Порта.

По пути к Усть-Порту в бухту Ашмарина через сорок минут уходил лоцманский пароход «Фарватер», а в бухте в ожидании буксира из Усть-Порта стоял лихтер № 1.

С помощью лоцманского парохода и лихтера нас решили переправить в Усть-Порт.

— Из Усть-Порта вы легко доберетесь в Игарку, — говорили диксоновцы, — там часто курсируют корабли.

9

Несмотря на спешный сбор и отъезд Заполярного театра, все население острова высыпало на берег. Расставание было дружеским и даже трогательным. Зимовщики помогли нам погрузить в катер ящики с багажом. Нам давали напутственные советы, каждый высказывал лучшие пожелания, и многие преподносили подарки: консервированное молоко, букеты цветов, фото наших спектаклей...

Наступала ночь. «Фарватер» уходил в служебный рейс: зажигать маяки, проверять вехи и бакены, и нас не удивило, что, когда мы были еще в нескольких милях от него, капитан дал три гудка и взял курс на Ефремов Камень.

Пришлось на катере догонять пароход и на ходу перегружать вещи на его палубу.

Через полчаса мы были на «Фарватере» и шли полным ходом по Енисейскому заливу.

«Фарватер» — маленькое гидрографическое судно — правда, приспособленное к плаванию в море. За отсутствием кают, мы расположились на палубе. Мы знали, что наше судно будет часто останавливаться, что путешествие до бухты Ашмарина затянется на достаточно продолжительный срок, и каждый старался устроиться поудобней.

Когда «Фарватер» вышел из бухты Диксона в Енисейский залив, налетел сильный, шквалистый ветер. Нижнюю палубу, где мы расположились, заливало водой, нам пришлось перейти на спардек. Наиболее ловкие и предприимчивые заняли спасательные шлюпки и раскачивались в них, как в люльках; но шлюпок было не так много; большинство актеров забралось под брезент, которым были накрыты наши вещи, а те, кому под брезентом нехватило места, улеглись у трубы на теплой железной обшивке и укрылись одеялами.

После полуторасуточного плавания по бурным волнам Енисейского залива и томительных остановок у маяков, вех и бакенов «Фарватер» с большим трудом пробился к бухте Ашмарина.

Приближаясь к бухте, мы увидели на фоне голого скалистого берега лихтер № 1. Нам предстояло пересечь на него и, с приходом буксира, отправиться в Усть-Порт.

«Фарватер» зашел в бухту во время сильного шторма. Мы надеялись, что отдохнем здесь от качки, но отдохнуть не удалось.

Бухта Ашмарина открыта со стороны Енисейского залива, нас качало здесь как и в пути, а лихтер раскачивало не меньше нашего судна.

Полярные капитаны не привыкли ждать хорошей погоды. Хотя наш театральный багаж весил около трехсот пудов и во время шторма перегрузить его на палубу лихтера было очень трудно, «Фарватер» подошел к лихтеру, и началась перегрузка.

Борта лихтера и «Фарватера» то отдалялись, то приближались друг к другу. Когда они выравнивались, мы должны были успеть перебросить ящики с палубы на палубу. Ящики, того и гляди, могли сломаться или рухнуть в море, увлекая за собой грузивших.

Во время этой операции мы невольно вспомнили, как высаживали концертную группу на парусную лодку у Дороевских промыслов.

Закончив выгрузку багажа, «Фарватер» дал гудок и направился обратно курсом на Диксон.

Оставшись на лихтере, мы долго смотрели вслед уходившему пароходу. Его команда и капитан отнеслись к нам с большой теплотой и любовью.

Едва дымок парохода растаял в тумане, мы познакомились со старшиной лихтера. Старик дал нам фонарь, посоветовал спуститься в трюм и устроить из наших ящиков стол и постели.

В бухте Ашмарина пришлось задержаться дольше, чем предполагалось. Ветер не утихал двое суток. С Енисейского залива накатывало огромные волны.

Лихтер оказался старым, потрепанным судном, возившим уголь без права выхода в море. Он дрожал, скрипел и грузно переваливался с носа на корму.

Хотя он стоял на одном якорю, старая цепь хорошо выдерживала напор волн, но если бы она разорвалась, наше судно было бы разбито о прибрежные скалы.

Волны одна за другой грозно стучали в борта и разбивались о форштевень. Небо, покрытое тяжелыми свинцовыми тучами, обильно проливало холодный частый дождь. Забываясь в щели, свистел и выл ветер.

Кроме нас, на лихтере было три человека — старшина, матрос и кухарка.

Команда успела привыкнуть к заполярным штормам, не обращала внимания на качку и, сидя в каюте, с утра до вечера пила чай.

Мы решили воспользоваться хорошим примером и начали на двух примусах готовить ужин.

Приготовить ужин во время шторма не так уж просто. Чтобы из кастрюль не выплескивалось содержимое, их приходилось подвешивать над огнем. Вокруг кастрюль носились наши повара. Глядя на них, можно было подумать, что это не повара, а балетная группа, увлеченная репетицией «танца у примуса».

После двух дней штормовой погоды ветер утих, тучи умчались, но мы все еще не могли тронуться в путь. Теперь

нас задерживало отсутствие буксира. За нашим лихтером должен был притти небольшой пароход «Широта».

Едва кончился шторм, начались томительные часы ожидания. Буксир заставил себя ждать целый день. Наконец к вечеру его густой дымок показался на горизонте.

Этот пароход был так мал, так скромн и уныл, что актеры окрестили его новым названием «Сирота».

«Сирота» взял лихтер на буксир, и мы тронулись в путь.

Через три часа прибыли в небольшой рыбацкий поселок Вороицово. Здесь с маленького, как и «Сирота», парохода мы приняли уголь и направились дальше к Усть-Порту.

На пути грозным препятствием стояла «Большая переправа». Едва мы приблизились к ней, поднялся ветер.

В течение шести часов пришлось медленно лавировать у Дорофеевского Камня, в ожидании штиля.

К полуночи ветер стих, и мы снова тронулись в путь. Нам и на этот раз посчастливилось пройти огромный и обычно бурный плес по гладкой, как зеркало, воде.

На следующий день к обеду достигли Насоновских островов. Перед нами лежало около двухсот островков, покрытых чахлой травой. Оставив у одного из них лихтер с пассажирами, пароход отправился по многочисленным протокам проверять вехи.

Мы воспользовались тихим теплым августовским вечером, спустили шлюпки, и вскоре звонкая песня и звуки баяна огласили пустынный суровый простор.

Пароход вернулся поздно ночью, когда все уже спали, вновь забуксировал лихтер и повел его дальше к Усть-Порту.

Утром мы увидели у себя за кормой три дымящихся точки, вооружились биноклями и определили, что это — морские суда.

— Но чьи это суда? — размышляя спросил Свержевский. — Наши или «иностранцы»? Если наши — неплохо бы с лихтера пересечь на одно из них.

Через несколько часов удалось различить флаги догонявших нас пароходов. Это были два «англичанина» и один «бельгиец».

— Мы не позволим «знатным иностранцам» обидеть нашу «Сироту»! Они не обгонят нас! — сказал Орлов и, спрятав бинокль, предложил перебраться на пароход.

Вскоре капитан отдал распоряжение в машину «дать самый полный и держать пар на марке». Мы же спустились в кочегарку и стали помогать кочегарам в их тяжелой работе.

Получилось нечто вроде гонок между тремя морскими пароходами и маленьким речным буксиром.

«Широта» вышел победителем из этого трудного испытания.

К вечеру, когда расстояние между нами и бельгийским пароходом уменьшилось до полумили, «Широта» гордо вошел в протоку, на берегу которой расположен Усть-Порт.

Узкий фарватер помешал «иностранцам» обогнать нашего задиристого «Сироту», и через час, победно гудя и как бы являясь флагманским кораблем этой флотилии, «Широта» бросил якорь против лоцманского дома Усть-Порта.

12

Не успели иностранные лесовозы пройти мимо лихтера и взять курс на Игарку, как с берега к нашему судну подошла шлюпка. На веслах сидел старик-лоцман, с которым мы завязали знакомство еще при первом посещении Усть-Порта.

— С прибытием! — крикнул он, поднимаясь на палубу. — Увидел я вас и решил проведать. — И, пожав нам руки, он спросил, как долго мы останемся в Усть-Порту.

Маев ответил, что нас вызывали радиограммой, что мы должны обслужить концертами и спектаклями Карскую экспедицию, не можем задерживаться в пути, но пока не знаем, как добраться до Игарки.

— На Диксоне, — закончил он, — говорили, что из Усть-Порта легко переправиться в Дудинку, а от Дудинки до Игарки не так далеко.

— И не так близко, — улыбнулся старик, — но близко ли — далеко ли, в Игарку попутного транспорта у нас нет, а в Дудинку — правда, не хотелось бы мне расставаться с вами — я отправлю вас сегодня, больше того — через пятнадцать — двадцать минут.

На рейде в нескольких метрах от нашего лихтера стоял небольшой речной бот «Вьюга», он готовился к отплытию в Дудинку за бензином. С помощью рупора мы начали переговоры с капитаном.

Узнав, что мы актеры Заполярного театра, капитан охотно согласился взять нас в рейс.

«Вьюга» пришвартовалась к лихтеру, и мы мгновенно покрыли всю ее палубу ящиками и чемоданами.

Едва кончилась погрузка, начались размышления о том, как разместить людей.

«Вьюга» — небольшое судно, приспособленное для перевозки рыбы. Каюты рассчитаны на четырех человек и заняты командой, трюм заполнен пустыми бидонами из-под бензина, свободен только камбуз.

Долго бродили актеры по судну, не нашли благоустроенного убежища и разместились на палубе среди ящиков.

«Вьюга» тронулась в путь. Не прошло и получаса, как подул пронизывающий ветер и начал накрапывать дождь. Но мы и на этот раз не унывали. Одна из актрис ушла в каюту и заняла место вахтенного матроса, двое заняли камбуз, остальные устроились под навесом, наспех сооруженным из мешков и брезента.

Дождь поминутно усиливался и вскоре превратился в ливень.

Остаться на открытом воздухе невозможно. Пришлось спуститься в трюм. Он был занят бидонами из-под бензина, они почти достигали крышки, но нам удалось взобраться на них.

На бидонах было далеко не удобно. Железные углы резали бока, крышка трюма так низко висела над нами, что, лежа, мы едва могли повернуться. К тому же испарения бензина отравляли воздух. Но мы были довольны тем, что нас не поливало дождем и не пронизывало холодным ветром.

Как говорится, нет худа без добра. И вот, согласно этой поговорке, один из нас, перекладывая бидоны и стараясь выкопать себе ямку поглубже, с более гладкими краями, наткнулся около лестницы на большую бочку, наполненную свежесоленными осетрами.

Все обрадовались находке и решили поужинать. Орудия ножами, мы вырезали из приглянувшегося нам осетра чудный балык. Хлеб у нас был, и мы неплохо поужинали, «благословляя» неизвестного «благодетеля».

Дождь прошел.

Ночь. На небе сверкают звезды. После долгого полярного дня, когда не видишь ни одной звезды, мы были рады темной ночи с яркими звездами.

Незаметно подкрался рассвет. Огромное солнце поднялось над могучей рекой.

Все невзгоды как рукой сняло. Актеры развесили на поручнях мокрую одежду, собрались на палубе и занялись горячим чаем с бутербродами.

Вот и Дудинка.

Выгрузив пустые бидоны и захватив бидоны с бензином, «Вьюга» отправилась обратно в Усть-Порт, а мы остались на берегу с ящиками и чемоданами, но без транспорта.

Начались спешные радиопереговоры с Игаркой.

Нам сообщили по радиотелефону, что у Дудинской пристани стоит посланный за нами моторный бот «Бурный».

Но мы не видели его у пристани и вскоре сообщили радиограммой, что в Дудинку «Бурный» не приходил. Из ответной радиограммы мы узнали, что «Бурный» задержался в Игарке и что нас захватит пароход «Колхозник», но и «Колхозника» мы не видели здесь, и вскоре игарцы узнали из нашей радиограммы, что «Колхозник» еще вчера ушел из Дудинки.

После этого нам предложили остаться в Дудинке ждать транспорта.

Дудинка—небольшой поселок, окруженный заболоченной тундрой.

До революции сюда ежегодно приходили из тундры долгане, юраки, ненцы. Во время летней навигации здесь собирались русские купцы. Они выменивали у националов дорогие меха на водку, скверный табак, стеклянные бусы и бисер. Здесь в свое время была меняльная лавка одного из крупнейших хищников—купца Сотникова. О нем нам рассказали любопытную историю.

На Дудинской площади стоит старая, ветхая часовня. Ее бревенчатые стены глубоко ушли в землю и поросли мхом, крыша выцвела и покосилась.

Как-то на площади к нам подошел один из местных старожилов.

— А вы знаете, кто построил эту часовню? — спросил он.

— Нет.

— Сам Сотников. Но сперва он построил не бревенчатую часовню, а каменную церковь...

Старик высморкался, вытер пальцы о подол шерстяной рубахи и начал свой рассказ:

— Было это в далекие времена... Когда меняльная лавка Сотникова славилась на всю округу, он задумал повернуть «инородцев» к христианской вере. «Вот, — говорили, — благодетель! Ересь изгонит! Попадет в святые!». Что ж, по тем временам темный был народ, серый. Теперь каждому ясно,

... рать местных жителей... Ну, ладно. Начал Сотников возить из Красноярска кирпич. Год возил, второй возил, третий: на четвертый построил церковь, но не успел образа повесить, как на реке Норилке были открыты богатые залежи угля, железа да меди. Залежи, что и говорить, штука заманчивая. Но чтобы плавить руду, надо строить печь, а кирпича нет. Как тут быть?.. Сотников купец предприимчивый: взял, не долго думая, да разобрал церковь и переправил кирпич в Норильск, там из кирпича построили домну — липовую, надо сказать, при первой же плавке она и развалилась... А на месте разобранной каменной церкви благодетель построил бревенчатую часовню. Вот она и стоит.

Ветхая, покосившаяся часовенка, пожалуй, единственное здание, оставшееся от дикой, дореволюционной Дудинки.

Дудинка перестраивается. Здесь вы увидите и двух- и трехэтажные здания, прекрасную столовую, городскую библиотеку, киоск Огиза, торгующий книжными новинками, вплоть до редких изданий «Академии».

Самое замечательное сооружение — железная дорога, продолженная по зыбкой, заболоченной почве от Дудинки до Норильского полиметаллического комбината. Длина линии сто пятнадцать километров, и местные жители, по праву, гордятся ею.

... Вскоре после того как мы выгрузились, на пристань пришли представители Дудинского горсовета.

— По пути на Диксон, — заявили они, — вы не остановились в Дудинке, а теперь вы у нас в плену, и, пока не покажете своих спектаклей, мы вас не выпустим.

Мы охотно согласились работать в Дудинке, пока не представится случай уехать в Игарку.

В наше распоряжение было предоставлено — правда, еще недостроенное — помещение детских яслей.

Мы перевезли багаж, расположились и пошли в клуб, а вечером сыграли первый спектакль.

После пятидневного пребывания в Дудинке, мы увидели на рейде нашу старую знакомую «Вьюгу». Мы немедленно сообщили об этом Игарскому политотделу, и капитан «Вьюги» получил распоряжение принять нас с ящиками и чемоданами к себе на борт и доставить в Игарку.

Капитан был очень доволен: в Игарке оставалась его жена и ребята. Он сказал, что охотно примет нас, и начал торопить с погрузкой.

Сборы в дорогу заняли три часа. Последняя подвода с вещами была отправлена на пристань уже ночью.

С вечера лил дождь. Колеса подводы увязали в грязи, и разобрать, кто везет вещи, лошади или люди, было больше чем трудно.

В час ночи погрузка окончилась, и капитан приказал сняться с якоря.

«Вьюга» стояла на небольшой речушке, защищенной высоким берегом от ветра. Увлеченные погрузкой, мы не заметили, как изменилась погода, но отойдя от берега, поняли, что допустили ошибку.

Дул двенадцатибалльный ветер. Огромные волны глухо стучали в борта. Мотор с трудом вырабатывал обороты против волн и ветра.

«Вьюга» — плоскодонный бот. Капитан не решался развернуться и пойти обратно в Дудинку, так как при повороте судно легко могло опрокинуться.

Пришлось продолжать путь, не меняя курса. Впереди показался остров, но ветер усилился, пробиться к острову и стать под его прикрытием было уже невозможно: если удавалось пройти два-три метра, то волна отбрасывала на такое же расстояние.

Не прошло и часа, как мотор стал давать перебои, пришлось убавить число оборотов винта и вести бот средним ходом.

Нас начало сносить к каменным отрогам берега, о которые «Вьюгу» разбило бы в щепки.

Рулевое управление бота не было приспособлено к плаванью в столь бурную погоду. Трос управления лопнул.

В это время большинство пассажиров после утомительных сборов в дорогу и погрузки безмятежно спало в пустом трюме, не подозревая о грозящей опасности. Только трое были на палубе, они помогали матросам срastить лопнувший трос и готовили спасательные круги и пояса для товарщей.

Трос удалось срastить, «Вьюга» снова стала послушна рулю, но теперь она находилась уже в ста метрах от скалистого берега.

Наше положение было угрожающим. Оставалось одно: попробовать развернуть бот и изменить курс.

Подхваченная огромной волной «Вьюга» дала крен в пятьдесят градусов и развернулась.

За четыре часа изнурительной борьбы с разбушевавшейся стихией нам удалось пройти около километра и стать под прикрытием маленького островка.

До рассвета стояли на якоре. С рассветом тронулись в путь и, пробираясь от острова к острову, с каждым пройденным метром приближались к Игарке.

К вечеру шторм совсем утих, мы вышли к Игарскому плесу и, утомленные забываемо тяжелой ночью, легли спать.

Трюм «Вьюги» был разбит на несколько отсеков, куда грузят рыбу. В каждом отсеке, как в отдельной каюте, расположилось по два-три человека. Деревянный настил, положенный на шпангоуты, был чисто вымыт, но под настилом осталась грязная жижа, она разболталась при шторме и отравляла воздух. И все же после тяжелой ночи последние часы нашего путешествия казались отдыхом.

Утром двадцать первого августа «Вьюга» вошла в Игарскую протоку и вскоре пришвартовалась к городской пристани.

15

Игарцы гостеприимно встретили нас.

Актерам не пришлось заботиться о ящиках и чемоданах. На пристани поджидали подводы и бригада грузчиков.

Мы высадились на берег и направились в школу, где в просторных высоких комнатах стояли свежие, чистые постели.

На каждом шагу чувствовались внимание и забота. Не успели мы расположиться, как в комнату постучался дежурный по школе.

— Баня затоплена. — сказал он, приоткрывая дверь.

После бани и парикмахерской, надев чистые костюмы, которые успели залежаться в чемоданах, мы отправились обедать.

Вкусный и сытный обед восстановил наши силы, и мы решили пойти осматривать уже знакомый город.

Четырнадцать иностранных пароходов уместилось в узкой, но глубокой протоке. Это были огромные морские суда. Они

стояли у пловучих причалов и принимали лес с пришвартованных к ним барж и плотов.

Поминутно поднимаются и падают стрелы, грохочут лебедки, гудят буксирные пароходы.

По крутым берегам и покатым настилам, ловко разъезжаясь при встречах и делая головокружительные виражи на поворотах, к пристани стремительно несутся похожие на огромных жуков лесовозы. Одна за другой тянутся груженые лесом подводы.

Круглые сутки кипит работа. За вынужденный простой иностранного парохода государство выплачивает купцам штраф. Если же пароход погружен досрочно, Управление порта получает премию.

В седьмую Карскую все тридцать иностранных пароходов были погружены досрочно, и порт получил крупную премию.

За время нашего отсутствия в Игарке достроили несколько зданий: Дом ударника, баню, универсальный магазин.

Помещение клуба было отремонтировано, зрительный зал и сцена ярко освещены.

Зрители заботились о создании удобств, необходимых для работы театра, и потребовали закончить ремонт клуба к нашему приезду.

Вторично гастролируя на игарской сцене, мы играли главным образом, для грузчиков Карской экспедиции, рабочих лесозавода и команд советских и иностранных судов. Спектакли шли ежедневно, но это не мешало нам побывать с концертами в совхозе «Полярный», в Старой Игарке и на причалах.

В совхозе «Полярный», на маленьком острове, где еще вчера была холодная заболоченная земля, мы видели за стеклянными рамами оранжереи цветы, редиску, репу, огурцы, помидоры, а на опытных полях — овес, картофель и пробные посевы пшеницы.

В Старой Игарке председатель рыбацкого колхоза, показывая пудовых осетров и копченую стерлядь, рассказывал нам о том, как живут игарские рыбаки.

Достаточно взглянуть на оранжереи и опытные поля совхоза и выслушать рассказы о жизни рыбаков, чтобы понять, как изменился облик еще недавно суровой и негостеприимной Арктики.

Трудно забыть выезды в совхоз «Полярный» и Старую Игарку, но еще трудней забыть наши концерты на причалах, где мы выступали во время обеденных перерывов.

Шумная толпа грузчиков, стивидоров, конононов и рабочих лесной биржи встречала нас горячими аплодисментами.

Мы наспех устраивали из свежих тесин нечто вроде помоста, зрители располагались вокруг него на досках, на бревнах, на штабелях леса, на мачтах судов.

Эти концерты были очень утомительны, но оставили незабываемое впечатление на всю жизнь.

... Во время наших гастролей в Игарской протоке появились коммерческие пароходы «Сталинград» и «Анадырь». Они впервые в истории прошли Северный морской путь в одну навигацию с востока на запад.

Полярники гостеприимно встретили дальневосточных товарищей.

Когда «Анадырь» и «Сталинград» приближались к протоке, к ним навстречу вышли украшенные флагами и шелковыми лентами буксирные пароходы, катера и моторные лодки. На одном из катеров расположились работники театра.

Вскоре на палубе «Сталинграда» начался митинг. После митинга рабочие Игарки преподнесли в подарок командам восточных кораблей цветы из совхоза «Полярный» и огромное блюдо с огурцами, помидорами и редиской. Нашим подарком был концерт.

Мы выступали на палубе.

Шел мелкий осенний дождь. Когда на «сцене» появился баянист, пришлось раскрыть зонт и держать его над инструментом.

Несмотря на неконцертную погоду, певец Маев исполнил отрывки из шести опер. Мы пели, танцевали, читали стихи.

Заполярный театр привык к непостоянству погоды и не обращал внимания на ее капризы. Их не замечали и зрители, они дружно аплодировали и просили повторения многих номеров.

Вторично гастролируя в Игарке, мы продолжали заниматься с кружками художественной самодеятельности: разработали методические указания, помогли кружковцам составить план работы, проводили уроки по гриму, технике художественного чтения и постановке голоса. Драмкружок, закончив под руководством Светлановой работу над пьесой Тритера «Счастливая женщина», показал ее в клубе Лесокombината.

Когда наши гастроли заканчивались, Игарский политотдел решил провести конференцию зрителей.

На конференции присутствовало около четырехсот человек, желающим выступить не было конца.

Конференция приняла постановление, в котором зрители просили Всесоюзный комитет по делам искусств и ЦК Рабис об организации в Игарке постоянного театра.

Вот это постановление:

«Конференция игарских зрителей отмечает успехи Заполярного театра в его трудной работе по культурному обслуживанию Арктики.

Руководители театра удачно подобрали репертуар. Пьесы поставлены тщательно. Работа исполнителей заслуживает одобрения.

Дисциплинированностью, спаянностью и умением бодро переносить и преодолевать трудности актеры показали лицо нового, подлинно советского театрального коллектива.

Включившись в число борцов за культурное освоение Севера, Заполярный театр практически помогает уничтожению различий между центром и окраинами нашей великой социалистической родины.

Опыт Заполярного театра доказал, что трудящихся Арктики можно обслужить театральными зрелищами.

Конференция зрителей поручает президиуму составить и послать телеграммы в Политическое управление Главсевморпути и ЦК Рабис с выражением благодарности за гастроли Заполярного театра и с просьбой закрепить и развивать это ценное начинание.

Пожелание театру на дальнейшее: не снижая качества, расширить репертуар.

Просить Московский Заполярный театр выделить работников для руководства художественной самодеятельностью Игарки.

Просить Всесоюзный комитет по делам искусств и ЦК Рабис об организации в Игарке постоянного профессионального театра».

... В один из сентябрьских дней в Игарку прилетел Отто Юльевич Шмидт. Он присутствовал на нашем спектакле и дал ему положительную, лестную оценку. Ознакомившись с нашей работой, Отто Юльевич вызвал нас в политотдел и долго с нами беседовал.

... После полуторамесячной работы в Игарке мы должны были с последними пассажирскими пароходами, уходившими вверх по Енисею, направиться в обратный путь. Но Полит-

управление задержало нас на две недели — до конца Карской экспедиции.

Когда экспедиция закончилась, мы могли вернуться в Москву только морем, через Мурманск.

В конце сентября на советских лесовозах «Товарищ Сталин», «Крестьянин» и «Сакко» Заполярный театр тремя группами оставил Игарку.

Далеким зрителем Заполярья прощался с театром, первый Заполярный театр — с далекой Игаркой.

«Спасибо ГУСМП за хороший театр» — писала газета Игарского политотдела «Большевик Заполярья».

Стахановец лесозавода т. Шарай поместил в газете статью.

«Я, — писал он, — не пропустил ни одного спектакля и ни одного концерта, которые были даны Заполярным театром. Я смотрел и слушал их с восхищением. Особенно понравилась мне пьеса молодого советского драматурга Арбузова «Шестеро любимых». Актеры глубоко продумали пьесу и удачно выразили замысел автора.

... Ближайшая задача — организовать в заполярной Игарке постоянный профессиональный театр. Он поможет удовлетворить изо дня в день растущие культурные запросы трудящихся нашего города. А пока я хочу от своего имени, от имени моих друзей и товарищей просить Заполярный театр приехать к нам в будущем году. Мы будем ждать его и встретим гостеприимно».

Лучшая бригада грузчиков морских причалов благодарила Заполярный театр за успешное обслуживание седьмой Карской экспедиции:

«В нашей памяти, — писала бригада, — надолго запечатлеются спектакли и концерты Заполярного театра. Особенно заинтересовала нас советская комедия «Шестеро любимых». Ее автор, молодой драматург Арбузов, удачно показал рост нового человека. Эта пьеса вызывает неудержимый смех и в то же время воодушевляет к упорной стахановской работе.

Гастроли Заполярного театра оживили работу игарских кружков художественной самодеятельности. Заботливым, внимательным отношением мы должны поднять работу кружков на достойную высоту. Но этого мало. Игарцы должны иметь свой профессиональный театр и ежегодно с открытием навигации видеть на своей сцене московских артистов.

Заполярному театру за успешное обслуживание Карской экспедиции и Политуправлению Главсевморпути за организацию первого в мире Заполярного театра — наше стахановское спасибо.

Рабочие лесоморских причалов

Воронин, Марков, Семенов».

Это последние письма. Еще три особенно дорогих нам отзыва хочется привести.

После одного из концертов, организованного для студентов-националов Игарской совпартшколы, мы получили благодарность:

«... Студенты и педагоги Игарской национальной совпартшколы им. Смидовича приносят горячую благодарность артистам Московского Заполярного театра за их образцовое культурное обслуживание выпускного вечера.

С чувством великой радости и гордости слушали участники выпускного вечера концерт московских артистов.

Только в стране строящегося социализма, под руководством великого Сталина и его партии, возможно продвижение культуры на далекий Север, к тем народностям, которые веками угнетались капиталистами.

Студенты национального отделения совпартшколы

Кецких, Болиное, Крупалев, Сапожников».

Зимовщики мыса Нордвик, прибывшие в Игарку на пароходе «Десна», поместили в газете «Большевик Заполярья» отзыв о наших концертах по радио и постановке «Семь баллов»:

«Советское искусство, — писали они, — проникает во все уголки нашей необъятной родины.

Несмотря на трудности и необычные условия работы Заполярный театр работал успешно. Нам, зимовщикам мыса Нордвик, удалось прослушать замечательные концерты, переданные Заполярным театром по радио с острова Диксона, и увидеть в игарском клубе замечательно хорошо исполненную пьесу «Семь баллов».

Мы горячо благодарим коллектив Заполярного театра за его концерты по радио и всю работу, проведенную на Севере.

Зимовщики мыса Нордвик».

А вот письмо столяра Прокофьева, старого жителя игарки, кадрового рабочего Лесокомбината:

«... Я живу в Игарке несколько лет. Яркая творческая жизнь расцветает в нашем заполярном городе. Но вот досуд у нас скучный. Один кинотеатр не заполняет его. А тут приехал Заполярный театр. Что я могу сказать о нем? У меня нет таких хороших слов, чтобы выразить свой восторг. После спектаклей я возвращался домой освеженным, бодрым, готовым к еще более упорным боям за строительство нашего города.

Прекрасную зарядку прекрасной игрой дает прекрасный театр.

Я не ошибусь, если от имени многих игарцев выражу желание просить правительство оставить Заполярный театр в Игарке на постоянную работу.

А мы уж со своей стороны окружим коллектив театра вниманием и заботой, чтобы он творчески рос и делал свое большое дело.

Столяр Прокофьев».

... Надо сознаться, не хотелось уезжать из молодой, цветущей Игарки. Каждый из нас отдал бы все свои способности, все силы жителям этого отдаленного уголка нашей необъятной родины.

В Москву мы возвращались бодрыми, здоровыми, закаленными.

За полярным кругом нам приходилось работать в тяжелых условиях и совершать утомительные переходы по Енисею, но мы не чувствовали усталости.

Первый театральный рейс сплотил работников театра и научил их упорно преодолевать трудности.

Возвращаясь в Москву, мы были связаны крепкой, прочной дружбой и стремлением продолжать начатую на Севере творческую работу.

16

Игарка — Мурманск — Ленинград — Москва... последний маршрут закончен.

На перроне родные, друзья, знакомые...

За полярным кругом мы успели отвыкнуть от ритма большого города, нас поразил грохот и шум столицы. Широко

раскрытыми глазами с любовью смотрели мы на тесный московский трамвай.

Вскоре после нашего возвращения в Москву Политуправление Главсевморпути получило от Красноярского теруправления и политотдела Игарки отзыв о нашей работе:

«Организованный Политуправлением Главсевморпути Заполярный театр провел в навигацию 1935 года большую работу по культурному обслуживанию трудящихся Крайнего Севера. Он дал хорошие по качеству спектакли и концерты, активно работал с кружками самодеятельности и положил прочное начало продвижению искусства на далекий Север.

Во время гастролей театр выступал шестьдесят один раз: показал двадцать четыре спектакля, дал тридцать концертов, провел один вечер художественного чтения и шесть радиопередач для зимовок с радиостанции острова Диксона.

Свои выступления театр проводил в клубах, в столовых, в бараках рыбаков, на открытом воздухе, на палубах и в кают-компаниях пароходов и ледоколов, на лихтерах, палатах и лесных причалах.

Театр обслужил предприятия ГУСМП, Лесокомбината, «Динамо», порт-затон, совхоз «Полярный», совпартшколу, суда Енисейского бассейна «Красноярский рабочий», «Фарватер», «Лесник», окружной центр Дудинку, консервный завод в Усть-Порту, рыбные промысла — Иннокентьевские и Дорофеевский, грузчиков Карской, допризывников, смены зимовщиков острова Диксона, рабочих строительства порта, экспедиции и команды ледоколов «Ермак» и «Русанов» и пароходов «Сталин», «Молотов», «Ванцетти», «Сакко», «Крестьянин», «Куйбышев», «Десна», «Анадырь» и др.

Театр успешно справился с поставленными перед ним задачами, выполнил их хорошо, показал дисциплинированность, настойчивость и бодрость, что особенно ценно для работы на Севере. В Игарке Заполярный театр был задержан до окончания Карской экспедиции.

От Игарского горкома ВКП(б), политотдела и Красноярского территориального управления работникам Заполярного театра выражаем благодарность».

Все отзывы говорили о том, что Заполярный театр необходим и что ему должны быть созданы условия для плодотворной работы.

Заполярный театр получил путевку в жизнь.

Весной 1936 года. Коллектив Заполярного театра заканчивает подготовку ко второму рейсу. Идут репетиции д Островского «Без вины виноватые» и комедии Арб. «Дальняя дорога», монтировочная часть строит декорации, конструирует портативную светоаппаратуру.

Заполярный театр был организован незадолго до отъезда на навигацию 1935 года. Готовясь к первому рейсу, актеры работали днем и ночью. Комедии «Шестеро любимых» А. Козлова и «Гартюф» Мольера были поставлены в течение двадцати дней и окончательно доработаны в пути.

В 1936 году мы в значительно более спокойных условиях поставили две новых пьесы и, кроме того, успели вести большую работу над репертуаром прошлого года, расширить концертную программу.

В мае после общественного просмотра новых постановок мы тронулись в путь по маршруту: Москва — Иркутск — Качуг — Усть-Кут — Витим — Пеледуй — Якутск — Саянская бухта — Жиганск — бухта Тикси — Москва.

Первый маршрут (Москва — Иркутск) мы провели в гонгах транссибирского экспресса, второй (Иркутск — Качуг) на двух трехтонных автомашинах.

Хотя мы задержались в Иркутске дольше, чем предполагали, мы не успели осмотреть город, и в памяти остались только поразившее нас грандиозное строительство моста через Ангару.

Теперь из Иркутска в Качуг проложена шоссейная дорога. Когда мы ехали в Качуг, строительство дороги только началось, и наши трехтонки преодолевали рытвину за рытвиной и ухаб за ухабом.

Одну из машин предупредительные шоферы затянули брезентом. Под навесом расположились семнадцать актеров. Здесь же лежали подушки, которые мы захватили в Качуге для судов Ленско-Карского каравана. На другой машине были сложены ящики и чемоданы, на них восседали рабочие сцены и наша любительница сильных ощущений актриса Романовская.

Из Иркутска тронулись вечером.

Мы думали, что четыреста километров до Качуга удастся пройти за ночь и утро, что мы будем спасены от знойного жара и пыли, но в полночь — примерно, в ста километрах от Иркутска — водители сделали остановку у небольшой автоазы.

Под навесом и в стороне от дороги стояло множество руженых машин.

В станционном домике не было ни одной свободной койки. Наши водители все же провели ночь под крышей, мы остались под открытым небом.

Насобирав хвороста, мы разложили костер и около него, укусывая и размышляя о том, что впереди, что мы увидим Качуге, в Якутске, в Сангар-хая, прокоротали ночь.

Едва забрезжил рассвет, разбудили шоферов и тронулись дальше.

Главным шел грузовик с декорациями. Он поднимал толбы пыли, и, следуя за ним, наш грузовик покрылся билью от шасси до крыши брезентового фургона.

Жарко. Душно. Тесно. Мы чувствуем пыль на зубах, оминутно протираем глаза, по у всех прекрасное настроение.

Дорога сворачивает к Лене. Сбросив зимние оковы, Лена атопила деревни, поля, лес. Кажется, будто избы, кусты и еретья растут из воды.

Здесь дышится легко. Теплый ветер наполнил фургон апахами смолы и листьев.

Но вот дорога снова сворачивает: снова холмы, ухабы, битвины, пыль, духота.

С нашего грузовика видно, как трясет сидящую на декорациях Романовскую. Мы не завидуем ее «высокому» положению и уверены, что она завидует нам. Ведь легко догадаться, что мы успели развязать подушки, предназначенные для Ленского каравана, положили их на дно грузовика и чувствуем себя немногим хуже, чем на диванах транссибирского экспресса.

Стоп! Грузовик застрял в колдобине. Колеса буксуют.

— Но я не понимаю, как проскочила первая машина? — дивляется Орлов.

Своими силами грузовику не выбраться из ловушки.

Мы вылезаем и начинаем его подталкивать.

Минута, две, три. Машина вырвалась, а мы, потеряв равновесие, свалились в кучу.

реть друг на друга: все были с головы до ног покрыты густым слоем пыли и грязи. . .

Едва мы забрались под навес, машина рванулась и пока-тила по рытвинам и ухабам.

Мы должны догнать грузовик с декорациями. Разгорается спортивный азарт.

По бокам дороги теснятся молодые сосны. Они бегут навстречу машине. Машина обгоняет их. Над крышей фургона уже склонились ветви соснового леса.

— Скорей! Скорей!

Лес уже позади. Мы идем в гору, и перед нами открывается Лена.

К реке ведет прямая дорога. По сторонам — весенняя поросль. На кустах и деревьях набухают почки и распускаются первые листья.

Весна.

Теплый ветер стучит в стены фургона. Так можно ехать и ехать без конца. Но уже скоро конец.

— Качуг! — кричит водитель в разбитое окошко кабины.

В городе шумно, многолюдно, улицы завалены грузами, которые ждут отправления вниз по реке, ко многим домам подступает вода.

В Качуге мало оседлых жителей, но перед открытием навигации здесь по пути к низовьям Лены ежегодно останавливаются рабочие лесосплава и золотоискатели. Еще в Иркутске нам говорили, что в Качуге нет ни одной свободной комнаты, и посоветовали остановиться неподалеку от него — в Кистеневке.

. . . Миновав Качуг, мы догнали машину с декорациями и к Кистеневке подъехали уже вместе.

3

Машины остановились на берегу Лены у деревянного дома Кистеневской базы Севморпути.

На крыльцо вышел молодой человек в морской форме.

— Очень рад! — улыбался он, пожимая нам руки. — О вашем приезде меня известили радиограммой. Мы с нетерпением ждали вас. Но я не знаю, как вас разместить.

Кистеневка — небольшой поселок, расположенный на обрывистом берегу Лены. Большинство местных жителей занимается лесосплавом и ежегодно с открытием навигации

уходит на карбасах вниз по реке, но весной и здесь немало приезжих.

— Не знаю, что придумать, как вас разместить, — повторил начальник базы. — Я могу растянуть палатку. . .

— Палатку! — воскликнул наш любитель охоты и рыбной ловли Свержевский. — Великолепно! Жить в палатке на берегу реки, варить обед на костре. Что может быть лучше!

— Значит, по рукам?

— По рукам.

— Итак, мужчины будут жить в палатке, а женщин мы разместим в правлении рыбацкого колхоза.

Вскоре на берегу Лены установили палатку. Под брезентовой крышей просторно и уютно. Вдоль стен разместилось двенадцать топчанов, а в глубине осталось так много свободного места, что нам удалось сложить чемоданы, театральный багаж, бочки, ящики и мешки с продуктами.

С вечера начался дождь. Ночью разразилась гроза.

В трех метрах от палатки ударила шарообразная молния. Сквозь двойной брезент палатка осветилась, как днем. Ветер грозил вырвать колья и снести палатку в Лену. Всю ночь мы ходили под дождем, укрепляя палатку, и легли спать на рассвете.

В девять утра Филиппини протрубил подъем.

На безоблачном небе взошло солнце.

Мужчины и женщины в трусиках, майках и топочках на босу ногу сделали свою первую пробежку по берегу Лены.

За день походная жизнь начала входить в обычную колею.

У входа в палатку с утра потрескивает костер, на треножнике — ведро с супом. В нескольких шагах от костра заставленный кухонной посудой обеденный стол. Над горшками, кастрюлями и сковородками властвует с правами диктатора наш добровольный повар Василий Сергеевич Карелин. Женщины сшили ему белый колпак, нарукавники и передник, и он в полной форме с честью оправдывает свое временное назначение.

Палатка приобрела жилой облик. К кольям прибиты гвозди, на них висят пиджаки, плащи, шляпы. Под крышей появился фонарь «летучая мышь», над дверью будильник. Многие умудрились смастерить из ящичков почные столики и разложили на них книги и ноты.

В полдень под открытым небом на просторной лужайке началась репетиционная работа. Романовская и Мейер репе-

тировали «Татарский танец», Светлана и Корнеев — скетч «Муха», Больде и Зубков — сценку «Настоящий мужчина».

После обеда Черневский и Немиров уехали верхом в Качуг договориться о первом спектакле. Вернулись они с печальным известием. Уже несколько дней, как Лена начала подбираться к городскому клубу, последняя гроза сделала свое дело: клуб затоплен, и пробраться к нему можно только на лодках.

— В Качуге много просторных складских помещений, — рассказал Немиров, — в одном из них мы могли бы давать спектакли и концерты, но все они завалены грузами. До спада воды о гастролях в Качуге нечего и думать. Пока придется ограничиться Кистеневкой. Но удастся ли нам здесь найти подходящее помещение?

— Конечно! — ответил Корнеев. — В ста шагах от базы строится общежитие для сплавщиков. Великолепный, просторный сруб; правда, без крыши, но над ним можно растянуть брезент...

— Верно! О лучшем помещении мы и мечтать не привыкли. Вода вряд ли спадет в ближайшие дни. Скорей всего мы не успеем гастролировать в Качуге, но зато покажем здесь весь наш репертуар.

Еще с обеда подул холодный северный ветер.

В палатке пришлось поставить железную печь и перенести вход с подветренной стороны.

Так как в Кистеневке много приезжих, мы решили установить ночную вахту.

У входа появилось расписание:

«Ночь с 30 на 31 мая. С часу до двух — дежурит Кугушев. с двух до четырех — Немиров, с четырех до шести — Новиков, с шести до восьми Корнеев.

Внимание! Дежурный, стоящий на вахте с часу до двух, должен заливать костер».

Заливать костер не пришлось. В полночь начался дождь. Он усиливался с каждой минутой

Ветер снова грозил снести палатку, и мы снова бродили под дождем и укрепляли колья.

На рассвете дождь прекратился.

Утро было серое, холодное, свистел ветер, зарядку пришлось отменить.

— А вы знаете, — сказал Панин, когда мы собрались к столу, — ведь сегодня тридцать первое мая, сегодня торжественный день...

— Правильно! Сегодня годовщина Заполярного театра.

Мы попросили Карелина приготовить торжественный обед и назначили Мейер почетным вахтенным.

После завтрака Черневский пошел в контору договориться о первом спектакле и снова вернулся с печальными вестями. Не успел он рассказать, что затоплен городской клуб, как начальник показал ему недавно полученную циркулярную телеграмму.

Лена так разлилась, что до особого распоряжения Якутское теруправление воспретило отправку карбасов.

По плану мы должны были задержаться в Качуге не больше пяти дней и рассчитывали спуститься на карбасах вниз по реке.

— Как же мы теперь попадем в Пеледуй? — не без тревоги спросил Черневский, обращаясь к начальнику базы.

— С попутным катером или парходом.

— Но нам говорили в Иркутске, что попутного транспорта здесь ждут неделями.

— Да как вам сказать, у нас регулярное товаро-пассажирское сообщение еще не началось. Возможно, вам придется ждать неделю, быть может и две, а может быть плохая оказия появится через час.

Начальник охотно согласился растянуть над недостроенным общежитием брезентовую крышу, мы соорудили небольшую сцену, но решили ограничиться концертами, чтобы не распаковывать ящиков с декорациями и успеть тронуться в путь с первым попутным судном.

Наступило время обеда.

Мейер уже давно безжалостно выгнала всех из палатки. Видимо, она затевает какой-то сюрприз.

Закутавшись в плащи, как испанские тореадоры, бродим мы вокруг палатки и жадно принюхиваемся к запахам кухни.

Тихо подкрался вечер.

Час обеда давно миновал, а Карелин все еще мудрит над сладким блюдом.

Наконец Мейер приглашает к столу.

Картина потрясающая!

Между кольями растянуты зеленые гирлянды, потолок и стены декоративно украшены ветвями, на «столиках» букеты цветов. Три фонаря «летучая мышь» освещают роскошно накрытый обеденный стол: тут и сыр, и колбаса, и консервы, и даже три бутылки вина!

Все занимают места на топчанах. Подняв бокал, Черневский произносит короткую речь, предлагает многословно не высказываться и приступить к обеду.

Особенно атаковать батарею не рекомендуется: в 8 часов вечера начнется концерт.

Пообедав, мы захватили чемоданы с костюмами и реквизитом и направились в «театр».

Хотя лил дождь, у входа нас поджидала толпа зрителей. . . . Первый, второй, третий звонок. Поднялся занавес.

Зрителей человек полтора — это грузчики, рабочие лесосплава, их жены и дети. Они стоят, тесно прижавшись друг к другу. Большинство из них впервые присутствует на концерте.

Первые два номера прошли в тишине, без аплодисментов: публика не была знакома с этой формой выражения одобрений. После третьего номера конференсье Немирову удалось шутками и прибаутками вывести зрителей из состояния возмущенного оцепенения, они начали громко смеяться, разговаривать полным голосом и обсуждать удачные номера. После четвертого номера кто-то ударил в ладоши, и внезапно загрели аплодисменты. Финальный номер — русский танец — вызвал бурную овацию, зрители долго не хотели нас отпускать.

Мы вернулись в палатку в приподнятом настроении.

Дождь глухо стучал в брезентовую крышу, свистел ветер, мы продрогли, но были счастливы и растроганы.

Не успели мы сомкнуть глаза, как дверь приоткрылась:

— Позвольте зайти? — послышался знакомый голос.

— Войдите, — не без удивления ответил вахтенный.

В палатке появился знакомый человек в непромокаемом плаще с поднятым воротником и надвинутой на глаза кепке.

— Разрешите отрекомендоваться — я директор школы первой ступени.

Он снял кепку и подошел к столу.

— Завтра у нас торжественный день, выпускаем первокурсников. Хотя самое коротенькое выступление, товарищи артисты, и то будем рады. Хотя на полчаса.

— Да мы же не отказываемся. В котором часу?

— Когда вам удобнее. А нам бы удобнее было утром.

— Хорошо. Где находится ваша школа?

— На том берегу реки.

— Вы сможете приготовить к двенадцати часам лодки?

— Конечно, конечно, можем. . .

В двенадцать часов началась переправа. Лена не любит, когда по ней переправляются. Она ставит на пути одно препятствие за другим. Первая лодка застряла на мели. Пришлось разуваться и, засучив брюки, по колено в воде выбираться на берег. Второй группе повезло — она достигла берега благополучно.

На берегу часов с десяти толпилось множество ребят-шпек. Они с нетерпением ждали артистов, смутно понимая, что означает это слово.

Когда мы вышли из лодки, они окружили нас и принялись рассматривать, видимо стараясь найти в наших лицах что-то особенное, присущее только артисту.

Наш облик не поразил — возможно, даже разочаровал школьников.

— Это артисты? — удивленно воскликнул белобрысый мальчик, измерив каждого из нас недоверчивым взглядом.

— Артисты, — ответили мы.

Мальчик весело улыбнулся:

— А мы выпускники первой ступени и получили задание проводить вас в школу.

В это время к берегу подошла вторая лодка. Ребята взяли у нас гитары, мандолины, балалайки, чемоданы с костюмами, и мы направились в школу.

Открываем дверь. В светлом просторном классе за партами чинно сидят родители и нарядно одетые ребята.

Дети словно по команде встают.

Мы здороваемся.

— Здравствуйте! — в один голос отвечают дети и родители.

... Перед выступлением Немиров рассказал о далекой Москве, о задачах искусства и объяснил, что означает слово «концерт».

Зрители насторожились.

— Первый номер нашей программы — «Генерал Топтыгин», — объявил Немиров.

Шумно приняла детская аудитория стихотворение Некрасова и еще восторженней песню «Варяжского гостя», танцы и музыкальные номера.

И родители и дети поминутно аплодируют, хохочут, мы видим полуоткрытые рты, искрящиеся глазенки, и нам не хочется уходить.

Последний номер — русский танец — мы повторили три раза, а ребята, не переставая, кричат:

— Бис, бис!

Немиров призывает публику к порядку:

— Концерт окончен!

Из передних рядов поднимается девочка:

— Дорогие товарищи-артисты. От имени... культурно-просветительного...

Наши взгляды встретились. Она смутилась и скороговоркой заканчивает наспех заученное приветствие:

— Лучшее, наилучшее...

Теперь мы аплодируем, а девочка, покраснев, садится на место. Ей на смену твердыми шагами выходит малыш.

Губы сжаты. Он оправляет курточку и, откашлявшись в кулак, сосредоточенно произносит свою речь. Он говорит об успехах школьников, о работе пионеротряда, о кружке юных натуралистов.

— Да здравствует наша учеба! — заканчивает он и, снова одернув курточку, возвращается к партам.

Мы ответили детям на приветствия, попрощались с администрацией школы, и лодочники благополучно переправили нас на другой берег.

Концерт в Кистеневской школе произвел на нас сильное, незабываемое впечатление.

Вечером Марина Мейер сказала:

— Не знаю, как другие, а я уверена, что сегодня увижу во сне наших юных зрителей.

На следующий день, когда мы давали второй концерт в недостроенном общежитии, пришло приятно поразившее нас известие: городской клуб открылся.

Ночь прошла спокойно. На рассвете Черневский уехал в Качуг, и в тот же день мы выступали на сцене городского клуба перед многочисленной толпой грузчиков и рабочих лесосплава.

В Качуге Черневский случайно узнал, что на верфи по заказу Севморпути собирают буксирные пароходы и что один из них — «Отто Юльевич Шмидт» — в ближайшие дни пойдет вниз по реке.

Мы решили договориться с капитаном о том, чтобы он взял нас на борт.

Познакомиться с капитаном удалось после концерта.

— Видите, — сказал он, выслушав нашу просьбу, — я бы охотно взял на борт Заполярный театр, но не могу этого сделать.

— Почему?

— Сборка судна еще не закончена, руль работает не исправно, радиомачты не установлены. Все это приведут в порядок и доделают в Киренске, а до Киренска наш пароход, строго говоря, парходом не является, так как не имеет права на плавание.

Капитан долго отказывался выполнить нашу просьбу.

— Не могу, не имею права, — поминутно повторял он, но под дружным натиском актеров он в конце концов сдался и обещал известить нас о дне отправления буксира.

В ожидании этого извещения Заполярный театр дал еще четыре концерта в Качуге и Кистеневке.

Наконец мы узнали, что «Отто Юльевич» тронулся в путь.

Качуг находится в двадцати — двадцати пяти километрах от Кистеневки. В худшем случае буксир прибудет через пять часов.

Чтобы собрать народ, который ушел гулять в лес, Панин протрубил сбор.

Из леса потянулись актеры.

К обеду все вещи были собраны, и мы уселись на чемоданах.

Пароход должен прибыть с минуты на минуту. Ждем час, другой, третий.

Парохода нет. Он где-то пропал между Качугом и Кистеневкой. Судьба его неизвестна даже местной базе Севморпути.

Мы сформировали отряд разведчиков в составе Свержевского и Корнеева, оседлали двух лошадей, и вскоре всадники поскакали по направлению к Качугу на поиски парохода.

Через два часа разведчики вернулись с новостями. Пароход все еще недалеко от Качуга идет кормой, так как рулевое управление не работает. Корнеев ухитрился побывать на пароходе и говорил с капитаном. Тот, как выяснилось, и не собирается брать нас на борт.

Несмотря на неутешительные новости мы не унывали и в одиннадцать часов, когда пришел пароход, добились разрешения на погрузку театра.

— Но имейте в виду, — сказал капитан, — буксир не приспособлен для перевозки «живого инвентаря». Спать негде. Все вы будете у нас играть роль беспризорных.

... Груз на корме, а люди на борту. Прощаемся с Кистеневкой.

На берегу стоит Ваня, сын колхозника, двенадцатилетний парнишка. Во время нашей бивуачной жизни он постоянно

находился при нас, помогал коку и рабочим сцены. Он сжился с нами, полюбил нас, просил взять его с собой, но мы, конечно, не могли этого сделать.

Стоит бедный мальчик и заливается слезами.

Буксир отдал концы. Тронулись.

4

В носовой части буксира, откуда виден весь горизонт, пристроились наши любители природы во главе с Орловым. Здесь ветрено, и многие ежатся, но никто не покидает своего места.

Около трубы, близ машинного отделения значительно теплее, но вид на реку закрыт палубными надстройками. Здесь расположились преимущественно женщины.

На корме с подветренной стороны к якорным цепям привязаны коровы; сидя на ящиках с декорациями, Панин подбрасывает им сено.

Наступила ночь. Как ни хорошо в носовой части буксира, по соседству с коровами и около трубы, а уснуть трудно.

Покинув свои места, принимаемся за розыски укромных уголков.

После внимательных обследований все пришли к убеждению, что наиболее удобное и спокойное место верхняя палуба.

Хотя верхняя палуба расположена в непосредственной близости от капитанского мостика, у нас хватило смелости не задумываясь перебраться на нее с походными подушками, пледами и одеялами.

Здесь меньше движения и можно растянуться, не мешая команде.

Все притихли, одному Кугушеву не по себе под открытым небом. С прежним упорством продолжает он изучать судно. Внезапно раздается его голос:

— Эврика! Нашел!

Все устремились к нему:

— Что ты нашел?

В позе римского императора протягивает он руку, указывая на отверстие под капитанским мостиком:

— За мной!

Став на четвереньки, мы пролезли следом за Кугушевым и очутились в обширном помещении.

— Ну как?

— Превосходно!

Помещение не лишено недостатков: высота его — метр с четвертью; кроме того, здесь проходят тросы управления, протянутые из штурвальной рубки в машинное отделение, но все же коллектив театра может здесь отлично переспать ночь.

Капитан разрешил нам занять эту «конур-компанию», и вскоре мы крепко уснули.

... Наступило утро.

Много миль позади. Идем мимо острова и мелей. Река затопила низменные части берега: фарватер пропадает, и капитан ведет судно по догадке.

В верховьях Лены буксиры такой осадки как «Отто Юльевич Шмидт» не плавают, так как ежеминутно могут сесть на мель. Сообщение поддерживается здесь глиссерами и «москитным флотом».

Наш буксир вертится, изворачивается, но то и дело на поворотах корма его ломает растущие на берегу деревья, или нос царапает прибрежный песок: того и гляди, сядем на мель.

В пять часов вечера случилось то, чего ожидали: раздался зычный голос капитана:

— Артисты, на аврал!

Буксир завертелся: кормой залез в лес, а носом сел на мель.

Артисты и небольшая команда с честью выполнили свой долг.

Все вооружились шестами и дружными усилиями сняли пароход с мели. Нашей работе мешало быстрое течение. Часа два мы бились безуспешно: «корму вытащишь — нос увязнет, нос вытащишь — корма увязает». Но в конце концов, освоив непривычные орудия, мы спихнули буксир, выправили его из кустов и поплыли кормой вперед.

Вечером пароход подошел к берегу и стал на якорь неподалеку от поселка Жигалова. Капитан говорил, что, продолжая путь, в темноте мы неминуемо сядем на мель, и решил переждать ночь.

Воспользовавшись остановкой, мы вылезли на берег и разложили из плавника костер. Женщины под руководством шефа Карелина занялись приготовлением ужина.

«К столу» был подан плов «по-ленски» — мясные консервы и рис на речной воде, — чай и бутерброды с маслом и колбасой.

Все невзгоды забыты.

Чудная ночь. Ярко горит костер. Мы поужинали, поднялись на высокий холм и поем русские народные песни.

крепко уснули, что проспали отход буксира. Когда мы терли глаза, солнце стояло высоко над горизонтом.

... Скоро Усть-Кут.

Принимая на борт Заполярный театр, капитан заявляет: доставит нас только до Усть-Кута.

Между Усть-Кутом и населенными точками, расположенными по пути к низовью Лены, открылось регулярное ро-пассажирское сообщение. Правда, желающих сплавить вниз по реке было так много, что большинство из них очереди неделями. Но капитан не придавал этому значения, говорил, что мы народ предприимчивый и легко докупаем билеты.

— Скоро, скоро, — не раз повторял он в пути. — Я высажу вас и облегченно вздохну. Как ни как, а хоть полдороги до Киренска провести без шумной компании актеров.

... Вечером мы прибыли в Усть-Кут.

На дебаркадере пестрая толпа пассажиров с чемоданами, корзинами, мешками.

У нас упало настроение: неужели после выгрузки Заполярного театра к этой толпе прибавятся еще семнадцать человек с шестнадцатью ящиками?

Черневский поднялся на капитанский мостик, за ним шли Панин, Орлов и Романовская. Уговорить капитана удалось.

— Не имею права! — повторял он, предлагая нам идти к выгрузке.

В Усть-Куте много профессиональных грузчиков, но мы обратились к ним с предложением выгрузить наши ящики, если они заломили такую цену, что мы решили обойтись своими силами.

Как и обычно, мы объявили аврал и в каких-нибудь двадцать минут переправили багаж с буксира на дебаркаду.

Кугушев и Карелин пошли в кассу за билетами. Капитан мало утешителен:

— Запишитесь в очередь, получите через неделю.

На получение билетов нет надежды. Сидим на пристани и напрасно ждем помощи. Представитель Севморпути улетел в Осетрово, и мы рискуем просидеть дней шесть.

Случайно узнав, что мы актеры Заполярного театра, к нам подошел один из старожилков Усть-Кута.

— А вы бы съездили на лошади в Осетрово, — посоветовал он, — до Осетрова совсем недалеко, верст пятнадцать.

— А где взять лошадь?

— Это я вам устрою, артистам мы всегда рады помочь. Я главный конюх на здешнем конном дворе, — ответил старик, указывая на деревянный загон.

Не долго думая, мы решили отправить Черневского в Осетрово.

Заботливый старик оседлал лошадь и, провожая Черневского, дал ему несколько напутственных советов:

— Ты, — сказал он, — поезжай берегом и гляди в оба. Как увидишь большой круглый камень, свернешь направо, налево не поворачивай: налево топь. Когда подъедешь к лесу, держись реки, а как стемнеет — бросай вожжи: не правь, лошадь часто бывает в Осетрове, сама доведет. Вот тут недалеко был такой случай. Прикатила из центра экспедиция. Весна. Дороги размыты, как ехать — сами не знают. По компасу собираются. Я им говорю: компас направление укажет, а вы в болотину заедете, лучше, говорю, всякого компаса — вот вам: лошадь! Ночью, как будете ехать, привяжите к хвосту фонарь. Она и доведет до места, не собьется с пути. Ну вот, не послушали меня... и, что вы думаете, через два часа засели в болотину, едва выбрались.

После такого напутствия не особенно приятно тронуться в путь. Но ехать надо.

Наступила ночь. Дорога идет лесом. Тропинка, ведущая в Осетрово, теряется в темноте. Густые шапки деревьев закрывают небо, и сквозь листву только изредка пробивается свет луны.

Едешь шагом. В размытую землю ноги лошади уходят по колено. Слышно, как чавкает под копытами талый снег и скрипит седло.

От однообразного ритма тихой езды и усталости легкая дремота смыкает глаза.

В седле чувствуешь себя как в люльке. Править не пытаешься, дороги все равно не видно, и, помня совет старика, даешь лошади волю.

Лошадь оправдывает доверие, безошибочно сворачивает то вправо, то влево, обходит невидимые рытвины и ухабы.

Наконец тропинка выводит на проезжую дорогу, путь приближается к концу. Видно Осетрово.

у Черневского, он благополучно вернулся в Усть-Кут, и на рассвете мы погрузились на пароход.

6

Продолжаем путь на пароходе Госпароходства «Пропагандист». Это товаро-пассажирское судно с первым, вторым, третьим классом и трюмом для багажа.

Первый класс занят нами. В наше распоряжение представлена и кают-компания.

Незаметно и без приключений проходят два дня. Мы занимаемся репетиционной работой, отдыхаем и рассказываем местным жителям о Москве.

На третий день «Пропагандист» остановился на двенадцать часов в Киренске, чтобы вычистить котлы.

Мы решили организовать концерт и встречу с участниками кружков художественной самодеятельности и, распределив обязанности, разошлись по городу.

Вскоре Карелин провел на спардеке «Пропагандиста» беседу с кружковцами. Они внимательно прислушивались к каждому слову и многое записывали в свои блокноты.

Тем временем около расклеенных на заборах афиш появились толпы народа. Касса клуба бойко торговала билетами.

Все были заинтересованы в устройстве концерта: актеры обслуживают еще одну точку, не входящую в маршрут театра; завклубом получит вырученные за концерт деньги на увеличение фонда культмассовой работы; зрители прослушают не лишнюю интересную концертную программу.

Наконец поднялся занавес.

Среди зрителей в одном из первых рядов сидел капитан «Пропагандиста». Перед концертом он говорил, что пароход тронется в путь не раньше двенадцати ночи, но в десятом часу, когда концерт был в полном разгаре, к капитану подошел вахтенный матрос и что-то шепнул ему на ухо.

Капитан поднимается и в перерыве между концертными номерами объявляет:

— Котлы вычищены досрочно. Через пять минут «Пропагандист» дает первый гудок.

В зале шум. Зрители просят капитана задержать пароход, но капитан неумолим:

— И я бы охотно прослушал концерт, — говорит он, — но не могу. Наш рейс объявлен стахановским, да и кроме того,

вы посудите сами, на борту две тысячи пассажиров, спешные грузы. . .

Слышен первый гудок «Пропагандиста».

Прервав концерт, актеры торопливо укладывают костюмы снимают грим и, окруженные толпой зрителей, спешат к пристани.

Раздается второй гудок, третий. . .

Мы поднимаемся на палубу, и «Пропагандист» медленно отваливает.

7

На другие сутки добрались до Витима. Пароход подошел к пристани и начал разгружаться. Мы тоже принялись выгружать ящики, думая о том, как нам двигаться дальше. «Пропагандист» дальше не шел, а до Пеледуя оставалось километров двадцать — тридцать.

Когда все шестнадцать ящиков стояли на берегу, мы заметили человека в форме Севморпути. Это был агент торговой конторы и уполномоченный Пеледуйской верфи. Он посоветовал нам спуститься до Пеледуя «на шитиках».

Шитики — это большие лодки, на них перевозят грузы самосплавом, т. е. вниз по течению.

Так как лучшего транспорта не было, пришлось отправиться в путь на шитиках.

На один шитик мы погрузили вещи, другой покрыли сеном и, соединив оба борт к борту, оттолкнулись длинными шестами от берега, вышли на середину Лены и поплыли по течению.

. . . Медленно плывут шитики мимо лесных массивов покрывающих берега Лены. Яркоголубое небо отражается в спокойной реке. Теплый ветерок, налетая порывами, освежает нас. Лежим, читаем. . .

Но вот подул ветер, на небе появилась грозная туча начался дождь.

Спешно стали мы искать прикрытия, забрались под сено но все было напрасно: дождь лил с такой силой, что казалось — над каждым из нас опрокинуто ведро.

Поднялись волны.

Кормчий (он шел с нами из Витима) взял направление к берегу.

В шитиках показалась вода. Волны усиливаются.

. . . Мы пережили неприятные минуты, но все обошлось

благополучно: туча неожиданно появилась и так же неожиданно пронеслась дальше, яркое солнце с новой силой стало посылать свои горячие лучи.

Все выжимают мокрую одежду, распаковывают чемоданы, переодеваются.

Не прошло и двух часов, как показались первые строения Пеледуя. Одновременно из-за леса выползла новая туча, она вторично окатила нас, так что к Пеледую мы подъехали мокрыми до нитки.

8

В протоке реки Пеледуй нас встретил катер, на его борту был начальник верфи.

Катер взял шитики на буксир и повел их в устье реки.

Перед нами открылась панорама верфи: высокие двухэтажные деревянные дома выходят своими фасадами на Лену, около берега стоят недавно построенные тысячетонные баржи, несколько выше по течению расположен лесопильный завод с дисковой пилой и конный двор.

Пеледуйская верфь стоит в девственном лесу, жилые дома окружены зарослями дикой травы, кустов и деревьев, но у реки, где находится контора, лавка, столовая и клуб, проложены тропинки, здесь уже пыльно и грязно.

... Шитики подошли к берегу. Трое рабочих взгромоздили наши ящики на подводы, и мы тронулись в гору.

По пути встречаем рабочих, они приветствуют нас, спрашивают, когда театр начнет давать спектакли, что будет показывать.

Так разговаривая, мы приближаемся к двухэтажным деревянным домам.

Наконец подводы остановились, и мы перенесли багаж в комнату.

— Очередная задача — хорошенько выспаться, — сказал вахтенный, — с утра пораньше мы должны приняться за работу. Утром подготовим сцену, а вечером дадим первый спектакль.

После завтрака рабочие «одели» сцену: установили декорации, развесили сукна, приладили занавес, а мы в помещении библиотеки занялись репетицией пьесы «Без вины виноватые».

Приближается вечер. Все готово к спектаклю. Актеры вернулись домой и отдыхают.

... До спектакля осталось два часа.

Задолго до начала собираются зрители. Большинство из них пожилые рабочие, которые уже много лет занимаются постройкой барж, лодок, баркасов.

Наши будущие зрители с любопытством толпятся у двери и читают афиши.

Первый звонок.

Зрителей так много, что контролерам приходится выдерживать сражение за сражением.

Ребята шныряют среди взрослых, стараясь «зайцем» пролезть на спектакль, но их не пускают в зал, для них решено дать несколько утренников.

Второй, третий звонок.

Зал переполнен до отказа. Не попавшие на спектакль понемногу расходятся, ребята ищут себе места у дверей и окон.

Перед спектаклем небольшое вступительное слово о задачах театра.

Дан занавес. В зале тишина. Зрители следят за спектаклем с исключительным вниманием: мы чувствуем, что ни один жест и ни одно слово не остаются незамеченными.

Закончили первый акт, дружные аплодисменты провожают актеров.

В антракте Новиков увидел в зале старого рабочего, он сидел и корчился от боли.

— Что с вами?

— Рези в желудке.

— Так идите домой.

— Нет, не пойду, уж очень интересно в театре, я ведь в первый раз.

Среди зрителей было человек тридцать якутов, многие из них говорили, что хотя плохо знают русский язык, понимают решительно все.

Рано утром на другой день после спектакля к нам пришел заведующий клубом.

— От всей души поздравляю с успехом! — сказал он. — Я не раз видел «Без вины виноватые», видел в хороших театрах, но я расстроган. А главное, нет, вы послушайте!... Валентина Сергеева, молодая работница, недавно она разошлась с мужем и оставила ему ребенка, а сегодня она вернулась, из-за ребенка вернулась к мужу, а другая, как ее зовут?.. Забыл, не помню... она отобрала у мужа шестилетнего сына. Как вам это нравится?

Мы впервые столкнулись с такой непосредственностью реакций и были приятно удивлены.

В Пеледуе Заполярный театр пробыл пятнадцать дней. За это время мы дали восемнадцать спектаклей и концертов.

Фукина объединила вокруг себя пионеров, разучивала с ними сценки, эскизы и песни.

Перед отъездом мы устроили детский утренник, его участниками были ребята; утренник прошел с большим успехом, и ребята обещали продолжать начатую работу.

С драмкружком взрослых нам удалось провести всего несколько занятий

Большинство участников кружка — молодые рабочие и работницы. Все они охотно отдают свой досуг театральной работе. Но ими руководил местный работник бухгалтерии — типичный представитель старой любительщины, ему не удалось наладить работу, и, по просьбе кружковцев, вернувшись в Москву, мы направили на Пеледуйскую верфь опытного кружководы.

Во время гастролей нам посчастливилось принять участие в обсуждении проекта Пеледуйского дворца культуры, строительство которого началось в 1937 году. Мы проконсультировали проекты зрительного зала, сцены, светоаппаратуры и подсобных артистических помещений.

... 18 июня на верфи узнали о смерти великого писателя Алексея Максимовича Горького.

Вечером. Сидим у раскрытого окна и пьем чай.

В соседней комнате громкоговоритель передает концерт.

Музыка оборвалась.

«Центральный комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров, — услышали мы, — с глубокой скорбью извещают о смерти великого русского писателя, гениального художника слова, беззаветного друга трудящихся, борца за победу коммунизма товарища Алексея Максимовича Горького, последовавшей в Горках, близ Москвы, 18 июня 1936 года».

... В семь часов в клубе начался траурный митинг.

О великой утрате говорили старики, комсомольцы, пионеры.

В президиум поступило предложение возбудить ходатайство о присвоении имени Горького дворцу культуры, план которого мы обсуждали.

После митинга Панин исполнил прелюдии Шопена, Глаголев — русские народные песни, Орлов прочитал «Итальянские сказки» Горького.

Ночь мы провели в разговорах и мыслях о художнике, борце и человеке — Алексее Максимовиче Горьком.

... За пять дней до нашего отъезда состоялась конференция зрителей.

Избран президиум. Немиров выступил с небольшим докладом, и наступило молчание. Продолжалось оно не долго: из первых рядов послышался вопрос, затем — второй, третий, затем на сцену поднялся драмкружковец т. Ковалев. Он оказался темпераментным оратором, его речь всколыхнула зрительный зал. В президиум начали постукивать записки, и вскоре на столе появился лист бумаги, записанный фамилиями желающих высказаться.

Выступавших было очень много. Все расценивали работу театра положительно.

— Мы гордимся, — сказал старый кораблестроитель, — тем, что есть театр, который мы называем: наш!.. наш театр, наш коллектив, наши актеры. Эти актеры дали нам не только культурный отдых, они помогли нам в работе. После первого спектакля «Дальняя дорога» баржестроительный цех за один день спустил на воду три баржи. Небывалый в наших условиях случай. Уже три года как построена верфь, и я три года как работаю здесь, но таких темпов не помню. А после нысы «Без вины виноватые» многие матери, ей-ей, по-другому стали относиться к своим ребятам...

... Вечером двадцать восьмого июня театр дал прощальный концерт. Двадцать девятого началось ожидание парохода. Мы часто подходили к окнам, смотрели на горизонт и прислушивались: нет ли гудков?

Пароход не пришел. Чтобы не терять вечера, мы решили дать еще один прощальный концерт.

Состоялся он на сцене открытого театра. Присутствовало множество зрителей. Вся наша программа — около тридцати номеров — была исполнена в этот вечер.

Около пяти часов утра послышались долгожданные гудки. К Пеледую приближался «Партизан Щетинкин».

«Партизан Щетинкин» — мощный речной буксир с машинами в 1400 сил. В прошлом он плавал по Енисею, в 1934 году обогнул Таймырский полуостров и, пройдя вслед за ледоколом «Ермак» пролив Вилькицкого, вошел в Лену. С тех пор начались его плавания по Лене. В навигацию 1936 года

он должен был буксировать вновь построенные на Пеледуйской верфи баржи в бухту Тикси. С этим караваном нам и предстояло совершить дальнейшее путешествие.

Пароходом «Щетинкин» управлял старый ленский капитан, член Якутского ЦИКа, якут т. Богатырев. Он охотно разрешил нам занять жилые помещения баржи № 17.

Ночью мы погрузили в пустые трюмы театральный багаж и легли спать. Но не успели мы погасить свет, как пришел почтальон:

— Я к вам с телеграммой от начальника Якутского политехотдела.

Черневский посмотрел телеграмму.

— Внимание! Слушайте!.. «Заполярный театр. Черневскому. С глубоким удовлетворением получил информацию о вашей работе. Поздравляю коллектив театра с успехом. Желаю новых успехов».

... Утром первого июля «Щетинкин» составил караван.

Мы снова увидели огромный пловучий город.

На буксире у парохода двадцать четыре судна. Караван составлен не кильватерной колонной, а по принципу концентрации судов: за пароходом пришвартованные борт к борту четыре тысячетонных баржи; за ними три баржи; за тремя — две, затем — одна. Это первое звено. За первым звеном — баржи меньших размеров, построенные в том же порядке, составляют второе звено, и только сзади цепочкой вытянулись две брандвахты.

С баржи на баржу перекинута трапа — по каравану можно пройти, как по улице.

Пловучий город!

На одной из барж — магазин. Здесь можно купить галантерею, продукты, паширсы, табак.

За магазином — фабрика-кухня. Здесь готовят обеды для жителей пловучего города.

За кухней — пекарня.

Слышна песня. Это в хвосте каравана, на брандвахте ноют грузчики, они собрались в далекий путь — в бухту Тикси.

Пронзительно загудела сирена.

Караван тронулся.

... В пути работники Заполярного театра организовали шахматный турнир. Десятки шахматистов часами сидели, склонившись над столиками. Огромная доска, извещающая о результатах игры, привлекала всеобщее внимание.

На барже № 15 были выстроены сценические подмости. Жители «пловучего города» под руководством заведующей постановочной частью Свержевского соорудили из трапов просторный помост, установили вокруг него столбы, соединили их рейками, повесили кулисы, падуги, задник занавес.

Зрительный зал немногим уступал сцене, перед ней были положены бревна, они постепенно возвышались и напоминали амфитеатр. Мостик управления с остекленной рулевой рубкой был использован в качестве балкона.

Первым спектаклем в пловучем театре шел мольеровский «Тартюф». Это было третьего июля. После обеда дежурный по театру известил пассажиров о том, что вечером будет показан спектакль.

В «театре» собрались сотни зрителей. В восемь часов вечера поднялся занавес.

Как-то не верилось, что на шестьдесят четвертой параллели на пловучих подмостках среди безбрежных просторов Ленинградского театра разыгрывает пьесу величайшего драматурга Франции... По пути в Якутск караван ненадолго остановился в Олекминске, где мы купили свежие огурцы, лук и редиску.

10

Через двое суток после остановки мы увидели на горизонте Якутск.

На берегу, в ожидании каравана, находились начальник Якутского политотдела и его заместитель.

Как только караван подошел к берегу, они поднялись к нам на баржу. Мы обменялись приветствиями, наш «кок» предложил гостям позавтракать, и вскоре, сидя за столом, мы рассказывали о работе в Пеледуде и наших планах на будущее.

После завтрака приступили к выгрузке багажа.

Баржи стояли в пяти метрах от берега. Выгрузка была сопряжена с большими трудностями. Нам пришлось соединить металлическим тросом стоявший на берегу столб с мачтой баржи и, привязывая к тросу наши огромные ящики, спускать их на сушу. Эта операция заняла около двух часов.

Начальник политотдела уехал в город и прислал нам две грузовых машины. Мы погрузились на них и отправились в Якутский цушной техникум.

Якутск — город контрастов. В его внешнем облике сохранились черты старой колониальной Якутии, но с каждым годом их все меньше и меньше.

Столица Якутской автономной республики перестраивается и растет вместе со всей страной.

На берегах Лены вы можете увидеть маленькие убогие домики, но рядом с ними возвышаются огромное здание вновь строящейся электростанции, корпуса холодильника, поражающие своими масштабами и скульптурными украшениями, и десятки новых зданий.

Якутск все больше приобретает облик нового советского города. Недалеко то время, когда им будет гордиться вся страна.

... Через полтора часа мы прибыли в Пушной техникум, где нам отвели три светлых чистых комнаты.

Первый день пролетел незаметно, второй был занят составлением репертуарного плана и организационной работой.

В Якутске мы играли на сцене Госдрамтеатра. Выступавшая здесь русская труппа была средним, не требовательным к себе коллективом и рассматривала свою работу в Якутске как временную. Легко поверить, что сцена была в запущенном состоянии и нам пришлось приложить немало усилий, чтобы привести ее в порядок.

На восьмое июля был объявлен первый спектакль. Весь наш репертуар, за исключением «Тартюфа», был сыгран местным театром задолго до нашего приезда. Мы не знали, каковы актерские силы этого театра, и с волнением ждали первой встречи со зрителями.

Наконец наступило время раскрыть занавес.

Зал переполнен. Идет комедия «Шестеро любимых».

С первой фразы публика насторожилась. Вскоре мы услышали первые взрывы смеха, а в конце действия разразилась буря аплодисментов.

— Но это ведь не та пьеса, — говорили зрители во время антракта, — не та пьеса, что мы видели в нашем театре. Это настоящий театр, с настоящими актерами.

Так начались наши гастроли.

В Якутске мы прожили одиннадцать дней. Играли ежедневно. Желавших видеть Заполярный театр было так много, что мы давали только закрытые спектакли. Билеты распределял политотдел, ему часто приходилось выдерживать столкновения с представителями различных местных организаций, которые хотели побывать на спектаклях.

Зрители требовали открытой продажи билетов. Но долго задерживаться в Якутске мы не могли, с трудом успевали обслужить даже работников Севморпути и от открытой продажи были вынуждены отказаться.

После комедии «Шестеро любимых» мы показали «Без вины виноватые», «Тартюфа» и «Дальнюю дорогу». Затем дали спектакль для пленума Якутского областного комитета партии и сделали несколько выездов с концертами и спектаклями — на Капгаласские каменноугольные копи и в лес на массовку работников Севморпути.

Резко-континентальный климат Якутска давал себя чувствовать. Ночью холодно, днем жара достигает пятидесяти градусов. Хочется сбросить одежду и ходить в трусиках. Многие из наших товарищей остряли:

— Мы договаривались ехать в Арктику, а не на экватор.

Жара была особенно чувствительна вечером, во время работы. Театр находится в здании бывшего купеческого лабаза. Здание плохо вентилируется, трудно дышать, толщинки промокают насквозь, грим ручейками стекает с лица, наклеенные носы деформируются, но актеры, не замечая всего этого, играют с увлечением, а в зале негде упасть яблоку.

В Якутске за одиннадцать дней мы успели дать тринадцать спектаклей и концертов.

Восемнадцатого июля начальник политотдела известил нас о том, что караван отправляется в бухту Тикси.

«В тысяча первый раз» приходится готовиться к спешной погрузке.

Вечером мы дали прощальный концерт. После концерта нас пригласили на товарищеский вечер, устроенный для Заполярного театра политотделом. На вечере присутствовали работники политотдела, территориального управления, обкома, члены правительства Якутии и летчики Иркутско-Якутской авиалинии во главе с т. Галышевым.

Начальник политотдела произнес небольшую взволнованную речь, в которой благодарил театр за проведенную работу.

После товарищеской встречи, к зданию Пушкиного техникума прибыли три грузовых машины, они доставили нас на пристань.

В четыре часа утра мы погрузились на караван, где нам были предоставлены — правда, разрозненные, но удобные — каюты на баржах № 17, 19 и 21.

В половине шестого «Партизан Щетинкин» пошел вниз по течению в направлении бухты Тикси.

Следующая за Якутском остановка Заполярного театра — Сангархайские каменноугольные копи.

Переход от Якутска до Сангар-хая занимает около трех дней и лежит через «Турый Взвоз», где корабли трех Ленских экспедиций оставались на зимовку.

На караване появились сотни новых пассажиров. Большинство из них грузчики, едущие в Тикси на выгрузку морских караванов Лено-Карской экспедиции.

Пассажирских помещений нехватает. В трюмах не только покоятся грузы, но и размещены жители пловучего города. Свободными остались только гигантские тысячетонные баржи, построенные на Пеледуйской верфи. Им предстоит на каменноугольных копиях Сангар-хая принять в свои трюмы уголь для морских судов, идущих Северным морским путем.

Как только мы погрузились на караван, инструктор Якутского политотдела попросил нас принять участие в культурно-массовой работе. В первый же день мы начали проводить беседы по вопросам Сталинской Конституции. Интерес к этим беседам был так велик, что слушали их все пассажиры. Затем мы перешли к занятиям по текущей политике.

На переходе из Якутска в Сангар-хая шахматисты продолжали турнир, начатый по пути в Якутск. Около штаб-квартиры театра — каюты, где жили актеры, — снова появилась доска с показателями турнира, и снова с утра до ночи вокруг нее толпились сотни болельщиков.

В пловучем театре возобновились спектакли и концерты. Выступали мы ежедневно.

Во время спектаклей и концертов не раз менялась погода. Солнце исчезало за тучами, ветер надувал сукна и занавеси как паруса, опрокидывал декорации, заглушал голоса актеров, уносил слова в сторону от зрителей. Дождь холодными потоками низвергался на «сцену» и в «зрительный зал», но публичка кричала:

— Продолжайте! Продолжайте!

И только в редких случаях мы прерывали наши выступления.

На пути в Сангар-хая занялись организацией вечеров художественной самодеятельности.

Сперва пассажиры не решались выступать, но когда они ближе познакомились друг с другом и работниками театра, от желающих выступить не было отбоя.

Участники вечеров самодеятельности читали стихи, исполняли классические романсы, народные песни. Обычно вечера заканчивались общими танцами под аккомпанемент баяниста Панина.

Представьте себе огромную Лену, достигающую на многих перекатах ширины в тридцать километров. Тихий летний вечер. С неба смотрит огромная, точно нарисованная луна. На берегах — костры. Из тайги несется вечерний шопот листьев, аромат хвойных деревьев и северных цветов.

А здесь, на чисто вымытой палубе, на возвышении из бревен и досок сидит баянист, и вокруг него под звуки баяна в вихре веселого вальса кружатся пары.

Популярность нашего театра росла с каждым днем.

На каравале явно чувствовался недостаток литературы, и пассажиры часто навещали нашу театральную библиотеку, состоявшую из двухсот томиков. Книги разбирали главным образом грузчики. Они требовали произведения Пушкина, Гоголя, Некрасова, Горького, Шолохова, Новикова-Прибоя, Всеволода Иванова, Федора Гладкова, Маяковского, многие читали и Шекспира и Прево.

Успехом пользовалась и наша театральная аптечка. Грузчики так привыкли обращаться к театру, что и заболев спешили за помощью не к медицинской сестре, а к артистке Светлановой, которая ведала аптечкой.

12

Двадцать второго июля к вечеру, перед заходом солнца «пловучий город» прибыл в Сангар-хая.

Природа Сангар-хая величественна и первобытна. Куда ни кинешь взгляд — в даль уходят огромные горные цепи, это — Саянский хребет и его отроги. На горах густой, дремучий лес, в нем водятся медведи, олени, россомахи и дикие козы.

Лена беспредельно широкая. Противоположного берега не видно: вода сливается с небом.

Угленосные отроги Сангар-хая подходят к реке и обрываются крутыми, почти отвесными уступами.

У реки — штольни и галереи копи. Уголь вывозят из штолен на вагонетках и ссыпают по крутому уступу берега на пристань.

Стоящие у пристани баржи принимают только что добытый сангарский уголь.

На конях Сангар-хая работают главным образом якуты. Большинство из них плохо понимает русский язык. Это осложнило работу театра. Перед каждым выступлением нам приходилось проводить беседы, пользуясь услугами переводчика. Нашим переводчиком был молодой комсомолец якут, он выходил на авансцену и рассказывал содержание спектакля. Обычно после бесед зрители задавали десятки вопросов. Интересовало их все, до мелочей.

Большим успехом у национального населения пользовался спектакль «Тартюф». Мы объясняем это яркостью сценических положений, красочностью костюмов и декораций и удачным музыкальным оформлением. Неменьшим успехом пользовались танцы, музыка и вокальные номера.

... Руководящим организациям Сангар-хая удалось предоставить в наше распоряжение лишь небольшой охотничий домик. В домике поселилось шесть человек. Остальные продолжали жить на барже.

Наша баржа стала под погрузку угля. Мелкая угольная пыль проникала во все щели. От пыли мы избавились, развесив на иллюминаторах и дверях мокрые простыни. Труднее было бороться с комарами, которые бесчисленными полчищами носились по вечерам над рекой.

Сибирский комар отличается от нашего подмосковного и видом и поведением. Он больше «москвича», у него рыжее мохнатое туловище, длинное жало, и кусает он значительно сильнее. Не знаю, что бы мы делали, если бы у нас не было противокомарных сеток. Вечером без сетки невозможно выйти на улицу, но порой и сетки не мешали нам вдыхать вместе с воздухом этих милых обитателей тайги и лесотундры.

Особенно трудно бороться с мошкаррой рыбакам. Ранним утром и на вечерней заре они надевают сетки из цветного тюля, раскуривают огромные козьи ножки с махоркой и разводят дымящиеся костры, но все это мало помогает.

От комаров страдают не только люди: комары не дают минуты покоя лошадям и коровам. Большую часть дня эти умные животные стоят у костров и с печалью в глазах смотрят на просторные зеленые пастбища. Одни только свиньи в своих «панцрях» из грязи, спокойно похрюкивая, копаются в корнях молодых дубков или развалившись лежат в лужах.

Во время нашего пребывания в Сангар-хая стояла сорокаградусная жара. Хотелось ходить босиком, в майках и тру-

сиках, но комары заставляли нас надевать плотную одежду и высокие болотные сапоги.

Жизнь в Сангар-хая не обошлась без приключений. Баржа, где жила большая часть наших работников, стояла в сорока — пятидесяти метрах от берега. Попасть на баржу можно было только на лодке. Труд не малый: чуть зазеваешься — лодку снесет течением.

Как-то Романовская, Орлов и Панин на шлюпке с коварной кличкой «душегубка» направились к барже. Они благополучно подошли, но не успели подать чалку, и течение стремительно понесло их вдоль борта.

Панин безуспешно пытался ухватиться за борт, потерял равновесие и, сильно качнув шлюпку, перевернул ее вверх килем.

С палубы полетели спасательные круги и пояса. Лучшие пловцы — Новиков, Корнеев и Свержевский — бросились в воду.

Подхватив не умеющую плавать Романовскую, Новиков с большим трудом усадил ее на перевернутую шлюпку. На долю Корнеева выпала честь вытащить из воды Орлова. Свержевский, ныряя как дельфин, спасал вещи.

Вскоре рядом с Романовской и Орловым на перевернутой шлюпке появился помощник шкипера баржи с веслом в руках. Он направлял шлюпку к берегу.

Вдали на волнах была видна голова Панина:

— Спасите! — кричал он. — Спасите... мою шляпу!

Наконец все на берегу, один Свержевский все еще продолжает нырять.

С Панина ручьями стекает вода. В одной руке у него учебник немецкого языка, в другой журнал «За рубежом» и бумажник с деньгами. Во время «купанья» он потерял туфель и остался с одним.

Орлов рассказывает, что до последней минуты держал в руках рубашку и брюки, где в карманах находились паспорт и деньги.

Тина Романовская выжимает мокрое платье, мимолетно спрашивая, выловит ли Свержевский ее портфель. Новиков рассматривает спасенную шляпу. Шкипер и Корнеев переворачивают шлюпку.

— Все спасено! — раздается голос Свержевского.

Вскоре Свержевский вылез на берег с портфелем и туфлей в руках, роздал вещи потерпевшим бедствие хозяевам, и вся группа благополучно переправилась на баржу.

Не прошло и получаса, как все сидели за обеденным столом, переживая и пережевывая это трагикомическое происшествие.

К вечеру мы забыли о событиях дня и на маленьком утлом баркасе отправились на концерт в пионерские лагерь, расположенные в семи километрах от поселка.

Неожиданно налетел шторм. Пришлось вернуться.

Мы с большим трудом подошли к барже, но все обошлось благополучно.

Шторм продолжался всю ночь, нашу баржу раскачивало как маятник.

Рассвет был унылый, серый. Дул ветер, падал холодный частый дождь.

В этот день мы должны были сняться с якоря и отправиться дальше, к бухте Тикси.

Утром капитан объявил об отходе каравана.

Спасаясь от шторма, караван уходил в «Соляную протоку», защищенную островом от огромных волн, и, переждав непогоду, должен был тронуться в путь, не заходя в Сангар-хая.

Аврал. Большинство работников театра упаковывает оставшиеся в клубе декорации и костюмы. Рабочие запрягают на обозном дворе лошадей.

Наконец ящики на подводах.

— Галопом! — скомандовал Свержевский, и подводы стремительно понеслись по извилистой горной дороге.

Приближаясь, мы увидели, что баржи забуксированы и стоят в двух — трех километрах от берега.

Шторм усиливается. Хлещет дождь, свистит ветер.

— Эта переправа будет нелегкой! — вздыхает наш добровольный кок.

Нам пришлось переправлять багаж на рыбацком баркасе. Волны бросали его, как щепку. Изю всех сил налегая на весла, гребцы с большим трудом подвели его к барже.

Пристать долго не удавалось. Погрузка заняла около часу. Мы продрогли, промокли до нитки и были счастливы, когда очутились в теплых, защищенных от дождя и ветра каютах.

К вечеру караван прибыл в «Соляную протоку», и после утомительного дня мы крепко уснули.

Утро встретило нас прекрасной летней погодой. На голубом небе виходило солнце.

... В полдень караван двинулся дальше.

Ничто не изменилось в жизни пловучего города. Шахматисты заканчивают турнир. Бригады грузчиков, команды барж и актеры попрежнему живо заинтересованы в победе своих шахматных лидеров. Болельщики часами стоят у досок, спорят о результатах турнира и разбирают сыгранные партии.

Попрежнему работают «универсальный» магазин, фабрика-кухня, пекарня и коммунальные прачечные.

... Перед уходом из Сангар-хая на караване появилась группа охотников-якутов. Охотники шли на Ляховские острова промысливать пушного зверя. Среди них были замечательные певцы.

В тихие теплые вечера мы часами слушали якутские песни.

Сидя на корточках и раскачиваясь в такт мелодии, певец смотрит по сторонам и импровизирует песню. Он поет о том, что видит вокруг себя.

Вокальные интонации большинства певцов так выразительны, что полностью передают смысл.

Завязать знакомство с якутами нам помогла утренняя зарядка. Мы ежедневно проводили ее и предложили охотникам принять в ней участие. Сперва они отнеслись к зарядке с недоверием, но постепенно так увлеклись, что готовы были проводить ее по нескольку раз в день.

... Первой остановкой на пути к бухте Тикси был Жиганск.

Приближаясь к Жиганску, мы решили воспользоваться стоянкой и выступить с концертом. Но мы не были уверены, что за три часа нам удастся осуществить это намерение.

— Вот если бы мы могли прийти в Жиганск раньше каравана — все было бы в порядке, — мечтательно сказала Тина.

— Позвольте, но разве это невозможно? — подхватил Черневский.

С караваном, измеряя глубину фарватера, следовал маленький катер.

— Если мы пересядем на катер, — продолжал Черневский, — мы будем в Жиганске часа за полтора до того, как придет караван.

Всегда гостеприимный и приветливый капитан охотно предоставил в наше распоряжение катер. Погрузившись на

него, мы тронулись в путь, оставляя караван далеко за собой.

Жиганск оказался небольшим поселком. Мы увидели здесь всего несколько домиков, школу, рацию Главсевморпути, пушную факторию и продовольственный склад. Недолго думая, мы решили, что наиболее удобное помещение для концерта — школа.

Вскоре в одном из классов собралось все население поселка.

До того как начался концерт, в публике недоверчиво переглядывались и перешептывались.

В этот день жители поселка впервые побывали на концерте.

Они с исключительным интересом прослушали нашу программу, требовали повторения большинства номеров и преподнесли нам в подарок несколько веток красной смородины, называющейся «Алданский виноград». На ветках были крупные сладкие ягоды, совсем не напоминающие по вкусу смородину средней полосы России.

... Во время концерта караван прибыл в Жиганск.

Когда рабочие заканчивали разгрузку, мы вернулись на берег и вскоре снова тронулись в путь.

14

Через два дня караван подошел к оленеводческому совхозу «Булун». Это, как и Жиганск, небольшое поселение, расположенное на левом берегу Лены.

Остановка в Булуне предполагалась не менее чем на двенадцать часов.

Мы спустились на берег и начали готовиться к постановке комедии «Шестеро любимых».

На этот раз мы покажем спектакль в пушной конторе.

Здесь негде гримироваться, но мы не унываем: у окна изобретательный заведующий монтажной частью разбил палатку — она с успехом заменит артистическую уборную.

Мы будем вынуждены «выходить» на сцену через окно, не беда: разве актеры Заполярного театра не привыкли преодолевать препятствия?

Размеры сцены не превышают четырех квадратных метров, но декорации уже установлены, уже висят кулисы и занавес.

Первый, второй, третий звонок.

Мы играем с большим подъемом, зрители без конца аплодируют.

Спектакль окончен, но его видели всего тридцать человек, а хочет увидеть все население поселка.

— Как быть?

Решили играть вторично.

Снова раскрываем занавес.

Во время спектакля мы услышали гудок «Щетинкина», затем второй, третий, но, оставляя их без внимания, продолжали играть.

Пароход все чаще и чаще дает гудки. Все начинают волноваться, но уже приближается конец последнего действия. Занавес падает, рабочие сцены наспех упаковывают костюмы, сукна и декорации. В окружении толпы благодарных зрителей сешим на берег...

— А вы знаете, — сказал один из грузчиков, когда мы поднялись на баржу, — вы чуть было не остались в Булуне.

Капитан, дожидаясь нашего возвращения, поминутно давал гудки и, в конце концов потеряв терпение, отдал приказ сниматься с якоря.

Жители «пловучего города» и особенно грузчики и команда запротестовали:

— Что вы? Как же мы дадим концы, когда наш театр на берегу!

Спустя несколько часов т. Богатырев рассказывал нам эту же историю и просил больше не испытывать его терпение.

— Я человек горячий, — говорил он на ломаном русском языке, — хорошо, что все так обошлось, а что, если бы мы ушли? Пришлось бы возвращаться. Ведь и я не могу оставить на берегу свой театр.

15

Снова потекла будничная жизнь каравана.

Порой сильное течение Лены заставляет перестраивать суда в кильватерную колонну и передавать обед с баржи по способу подвесной дорожки; порой реку переплывает огромное стадо оленей или вдоль берега бегут медведи, и на палубах появляется множество пассажиров с биноклями и фотоаппаратами.

Каждый день в будничную жизнь каравана вторгались новые происшествия. Для нас они были неожиданностью, а морякам, плавающим по Лене, они давно знакомы.

... лови!.. лови!..

В погоню за белкой пустились десятки «охотников». Люди с криком бегут с баржи на баржу, пытаются сбить на белку пиджаки, фуражки, порожние мешки; а преодолевая все препятствия, уходит.

Кажется, что она вот-вот будет поймана, но в решную минуту, прыгнув в воду и быстро работая лапками, уплывает к берегу.

Охотники остались ни с чем. В руках у них все пиджаки, фуражки, мешки и рогожи.

В этот вечер мы впервые видели, как плавают белки. Узнали, что огромные стада белок в поисках новых богатых кедровыми орехами, переплывают широкую в местах Лену.

... Наша походная сцена была построена над тропой. Перед выгрузкой в Булуне ее пришлось разобрать. Каза «пловучий театр» перестал существовать. Но мы снова дели сцену, ее восстановили грузчики. Сделали они это утром по собственному почину.

На этот раз строители воспользовались трапами больших размеров и увеличили нашу площадку. После спектакля в оленеводческом совхозе эта площадка напоминала сцену столичного театра.

На новой сцене долго выступать не пришлось. Подул верный холодный ветер, солнце спряталось.

Без конца тянутся скалистые берега, покрытые мхом лишайниками. Деревьев и кустов не видно, кругом — тундра заболоченная земля и камни.

Ощущается близость моря Лаптевых.

Мы входим в Быковскую протоку. В двухстах сорока километрах — бухта Тикси.

Низко плывут свинцовые облака.

Солнца не видно. Третий день — ниже нуля: непривычно холодно.

Повернув в Быковскую протоку, караван начал перестраиваться в кильватерную колонну.

Все ожидали шторма, но утром, когда мы вошли в море над горизонтом появилось солнце. Погода была спокойная.

Нас встретила шхуна «Полярная звезда». На борту руководители зимовки, они приветствуют караван, успешно закончивший свой трудный путь в три с половиной тысяч километров.

Еще десять часов пути по спокойному морю, и перед нами открывается панорама бухты Тикси и лежащей близ нее полярной станции Сого.

Тикси — большой промышленный порт. Хотя зимовка на Тикси организована значительно позже чем на Диксона, она крупнее и благоустроеннее.

На крутом склоне горы возвышаются жилые дома, электростанция, силовая радиостанция, гараж для грузовых машин, тракторный парк, механические мастерские, склады, скотный двор, баня, механизированная прачечная, столовая.

На косогоре строят несколько новых зданий и прокладывают насыпные дороги из гравия.

Свою работу в Тикси мы начали с того, что переоборудовали клубную сцену. Она была пригодна только для концертных выступлений. Мы значительно расширили ее и усовершенствовали в техническом отношении.

Первым спектаклем Заполярного театра на Тиксинской сцене была комедия «Шестеро любимых».

Спектакль прошел с шумным успехом.

У входа в клуб толпилось не менее двухсот человек, не попавших в зрительный зал, и, закончив спектакль, мы решили, не отдыхая, играть второй.

Караван, буксируемый пароходом «Щетинкин», был вторым караваном, прибывшим в бухту Тикси. До «Щетинкина» пришел не менее мощный караван и несколько морских судов.

Зрительный зал Тиксинского клуба рассчитан на триста мест, а собралось в Тикси около трех тысяч человек. Чтобы удовлетворить их театральный голод, мы ежедневно давали по два спектакля. После каждого из них мы получали подарки — скромные северные цветы и торты, искусно приготовленные местными кондитерами.

Двенадцатого августа, в выходной день, мы отправились на шхуне «Полярная звезда» с концертом на полярную станцию Сого. В пути мы устроили на палубе танцы, в них приняли участие и актеры и команда — все дружно плясали под звуки баяна.

Полярная станция расположена в шести километрах к востоку от Тикси на 71° северной широты. Она оборудована новейшими радио- и метеоприборами и обслуживает морские

и воздушные корабли, действующие в Советском секторе Арктики.

Концерт состоялся в столовой. После концерта зимовщики угостили нас вкусным обедом, состоявшим, главным образом, из овощей, выращенных в собственной оранжерее.

... В Тикси мы пробыли до десятого сентября.

В то время у входа в пролив Вилькицкого у кромки десятибалльного льда по пути с запада на восток застряли корабли с грузами.

Мощный ледокол «Ермак» не мог форсировать тяжелый лед: проводка судов задерживалась на неопределенное время.

Пробьются или нет? Всех волновала судьба кораблей. От них в значительной мере зависело благополучие Якутии и зимовки в бухте Тикси.

В эти тревожные дни в бухте собрались руководители Якутского территориального управления и политотдела Севморпути.

Принимались оперативные решения. Плававший в Чукотском море краснознаменный комсомольский ледокол «Красин» направился к проливу Вилькицкого форсировать льды с востока. Все считали своим долгом провести четвертый Ленский караван до Якутска с грузом, полученным с морских судов.

За несколько дней тяжелая ледовая обстановка изменилась, корабли прорвались в узкие разводья, прошли проливом Вилькицкого и огласили своими гудками берега бухты Тикси.

Все население было мобилизовано на выгрузку судов и погрузку караванов.

... Когда наступило время готовиться к отъезду, парторг Тикси запросил по радио Политуправление о том, каким путем отправить нас обратно в Москву. Ответ пришел в тот же день, и мы узнали, что вернемся в Москву через Владивосток на пароходе «Смоленск».

«Смоленск» находился у мыса Нордвик. Восьмого сентября он прибыл в Тикси и бросил на рейде якорь.

За короткий срок нашего пребывания на острове мы сдружились со многими зимовщиками. Нигде, ни в одном уголке мира люди не сближаются так скоро, как на Севере.

Грузимся на «Смоленск».

Погрузка не обошлась без курьезов. В пайке, который получили актеры и уходившие на Большую землю полярники, были две свиньи. Их привезли на мол и, погрузив

в баркас, отправили на стоявший на рейде пароход «Смидович».

Свиньи упрямо сопротивлялись и оглашали бухту пронзительным визгом. Пришлось долго повозиться, пока они были погружены на палубу. Но не успели матросы привязать их к мачте, как одна из них ухитрилась сорваться с привязи и бросилась в воду.

На пристани раздались голоса:

— Утонула!

— Пошла на корм рыбам!

Но, пройдя под водой несколько метров, хитрое животное вынырнуло и поплыло, направляясь не к пристани, где были люди, а к берегу.

— За мной! — крикнул наш любитель охоты Свержевский.

Захватив кусок брезента, мы кинулись к берегу. Здесь мы услышали вторую команду:

— Ложись! — шепнул Свержевский, будто свинья уже совсем близко.

Мы легли за прикрытием из камней, бочек и ящиков и стали поджидать беглянку. Как только она вылезла на берег, мы набросили на нее брезент и доставили на пароход.

Наконец погрузка окончилась, и «Смидович» переправил нас к «Смоленску».

«Смоленск» должен был сняться с якоря восьмого сентября, но капитан получил радиограмму с находившегося у острова Колючина ледокола «Красин».

Ледокол ждал встречи с кораблями западного каравана, должен был оказать им помощь в борьбе со льдами Чукотского моря и просил взять для него тысячу пятьсот тонн угля.

К борту «Смоленска» подвели огромный лихтер, и снова началась спешная работа.

Десятого сентября погрузка угля закончилась.

На мачте нашего парохода взвился синий с белым квадратом флаг, он известил тиксинцев о том, что мы скоро тронемся в путь.

Полярники вышли на катерах провожать товарищей и актеров Заполярного театра. В последний раз мы пожали руки гостеприимным хозяевам острова.

Якорь поднят.

Прощальные гудки пронесли над заливом Булункан, над зимовкой, над сопками и рассыпались среди горных ущелий отголосками эхо.

«Смоленск» тронулся в путь, оставляя за кормой вьющуюся полосу воды.

На катерах машут шапками, слышны последние сердечные приветствия. В ответ с парохода грянула песня.

... Пароход вышел в открытое море и взял курс к проливу Лалтева.

Прощай, Тикси!..

17

У острова Айон показались первые льдины. Постепенно увеличиваясь в размерах, они превратились в ледяные поля.

Начались напряженные дни плавания во льдах. Как обычно, регулярно выходила стенная газета, устраивались лекции, доклады, работали кружки, а однажды произошло событие, о котором хочется рассказать более подробно...

Это было в Чукотском море. Мы встретили «Красина» и примкнули к стройной колонне кораблей, следовавших за его кормой.

Караван пробивался сквозь тяжелые льды к чистой воде.

Резко меняя курсы, бросаясь из стороны в сторону, ледокол тяжестью своего корпуса взламывал ледяные поля и открывал путь кораблям.

... Наконец появились разводья. Встречаясь все чаще и чаще, они облегчали путь.

Прошел день. Стрелка кренометра отклонилась в сторону. Корабль качнуло: раз, другой, третий с разными промежутками во времени.

Мертвая зыбь — признак того, что где-то близко чистая вода.

Семь прожекторов вспыхнули на кораблях. Они искали чистую воду.

В ослепительных лучах обломки ледяных полей напоминали фантастических чудовищ. Порой они бросались на караван.

Опытные руки и зоркие глаза рулевых уводили суда от страшных ударов.

Казалось, море и льды хотели отомстить морякам за их дерзкий поход, но караван уверенно шел к цели и утром пробился за кромку льда на чистую воду.

Здесь предстояло расставание. Пять кораблей, отсалютовав гудками «Красину», взяли нужный им курс, и вскоре их очертания растаяли в легкой дымке тумана.

«Красин» и «Смоленск» плавно раскачивались в полумиле друг от друга. «Красину» предстояло вернуться в устье Колымы за оставшимися там кораблями.

В тяжелых условиях ледовых переходов топки «Красина» поглощали много тонн угля.

Наступило время пополнить трюмы ледокола топливом, передать уголь, который мы захватили в бухте Тикси.

Передать уголь во время мертвой зыби невозможно: корабли не смогут пристать борт к борту. До ближайшей тихой гавани несколько сот миль, а время не терпит: каждая минута дорога. Остается бункероваться во льдах, куда еще не докатилась мертвая зыбь.

Обменявшись радиограммами, корабли тронулись в путь и через несколько часов стали борт к борту среди необъятной ледяной пустыни.

«Красин» должен принять полторы тысячи тонн угля.

Командование установило срок бункеровки — двое суток.

Сто человек комсомольской команды «Красина» и двести семьдесят пассажиров «Смоленска» были разбиты на бригады по десять человек в каждой, началась авральная работа.

Бригада Заполярного театра, руководимая Черневским, значилась под номером «28».

Двадцать восьмая бригада работала по-стахановски: вместо ста подъемов за смену она давала сто двадцать — сто тридцать и завоевала любовь и уважение.

Артисты театра Орлов и Карелин превратились в заправских лебедчиков и порой работали по две-три смены, ни на минуту не отходя от лебедек.

Инженеры, геологи, артисты, моряки — все стали грузчиками.

Грохотали лебедки, угольная бадья стремительно перебрасывала топливо на ледокол.

Кипела дружная всепобеждающая работа.

Свободные от бункеровки люди требовали развлечений. Первым мероприятием, организованным Заполярным театром в Чукотском море, были массовые танцы. С корабля на лед спустился наш баянист т. Панин. Над мертвым безмолвием ледяной равнины понеслись звуки баяна, и десятки людей закружились в вихре веселого вальса.

На второй день нашей стоянки во льдах в одном из трюмов «Смоленска» началась работа, не менее спешная чем бункеровка. Свободные от погрузки бригады строили театральные подмости.

появилась игровая площадка.

Вместо занавеса, кулис и падуг развешены сигнальные флаги.

Перед сценой, как и обычно, расположены стройные ряды стульев.

Амфитеатр устроен из досок, приподнятых над партером на бочках и ящиках.

Подмости, украшенные яркими разноцветными флагами, имеют балаганно-красочный и в то же время торжественный вид.

... Вечереет.

Наши будущие зрители покрывают чистыми цыновками палубу и драпируют лестницу. Скоро она превратится в парадный спуск.

У входа в трюм уже висит сирена, она даст сигнал к началу спектакля.

В кают-компаниях, в матросских и кочегарских кубриках, на капитанских мостиках и на палубах уже давно развешены афиши:

*Сегодня в трюме № 4 парохода „Смоленск“
состоится спектакль Заполярного театра
„Тартюф“, комедия Мольера в пяти действиях.*

Начало в 8 часов вечера.

Билеты у помполита парохода.

Счастливые владельцы билетов уже готовятся к спектаклю: идут в баню, бреются.

Пора и нам сменить робы грузчиков на театральные костюмы.

Актеры Заполярного театра собрались в каюте помполита.

Костюмы тщательно разглажены, парики расчесаны.

С особым усердием и любовью мы начинаем гримироваться. Все серьезные, сосредоточены и взволнованы. Волнуются и наши будущие зрители.

Во льдах Чукотского моря, неподалеку от места трагической гибели «Челюскина», впервые в истории театра раскроется занавес и будет сыграна блестящая комедия великого французского драматурга. Мольер в Арктике. Мольер во льдах Чукотского моря! Есть от чего поволноваться.

Наконец все готово. Зрители с боем осаждают вход в театр-трюм. Как это ни странно, и здесь, в Арктике, как и в далекой Москве, множество театральных «зайцев».

Восемь часов. Трижды прогудела сирена, и занавес взвился.

Тишина. Затаив дыхание, зрители горящими глазами смотрят на сцену.

На фоне сигнальных флагов появились герои бессмертной комедии.

Этот спектакль невозможно забыть. Мы поминутно слышали аплодисменты и смех. Реакция была настолько непосредственной и продолжительной, что часто заставляла актеров задерживать, а порой и останавливать действие.

На верхней палубе грохотали лебедки, звенели стальные тросы, раздавались возгласы отводчиков, но никто не обращал внимания на шум.

Зрители и актеры были увлечены спектаклем и полны радостью. Эта радость была так велика, что казалась почти осязаемой.

Во время четвертого акта паруход качнуло. Зыбь докатилась сюда и образовала во льду огромные трещины.

Бункеровка окончилась, но спектакль продолжался.

Качает все сильнее и сильнее.

Порой приходится поддерживать друг друга, чтобы сохранить мизансцену.

Начинает мутить.

Зрители, видя, в каком состоянии находятся актеры, всячески подбадривали их. Так, например, когда в пятом акте исполнитель роли Оргона при сильном крене парухода, потеряв равновесие, упал со стула, зрители хором закричали сказанную им же в третьем и четвертом акте фразу:

— Крепись! Крепись, Оргон!

И «Оргон», а с ним и остальные крепились и довели спектакль до конца, несмотря на все курьезные положения, созданные качкой.

Во время предпоследнего действия корабли снова направились в глубину ледяных полей, чтобы продолжать бункеровку.

Последние сцены были сыграны под аккомпанемент ударов форштевня о лед и льдин о борта корабля. Этот шум мешал так же мало, как возгласы отводчиков, звон стальных тросов и грохот лебедок. Мольер захватил всех, проникал в сердца и заставлял забыть суровую обстановку.

После спектакля аплодисментам не было конца, зрители долго не расходились, благодарили нас, пожимали нам руки и награждали подарками. Один вручал пачку папирос или табаку, другой — банку сгущенного молока, третий — печенье, конфеты, лимоны, фруктовые консервы. Это было все, что можно подарить, плавая в Арктике.

Скромные подарки были очень дороги нам. Они выражали искреннее чувство благодарности.

И сейчас, вспоминая день спектакля в Чукотском море, мы думаем, что этот день один из самых счастливых дней самых счастливых советских актеров. На листке нашего календаря этот день отмечен красным карандашом, как день нашего праздника.

18

«Смоленск» тревожно гудел...

Двигаясь в густом тумане, пароход сталкивался с плавающими вокруг него обломками ледяных полей, вздрагивал всем корпусом и стопорил машину.

Шли «самым малым». По штурманским вычислениям. «Смоленск» находился на траверзе мыса Дежнева, но плотная стена тумана скрывала очертания берегов и не давала возможности определить точное местонахождение.

Вахтенный матрос брал промеры: ежеминутно забрасывал якорь вдоль корпуса парохода и, заметив глубину, монотонно выкрикивал:

- Двенадцать!...
- Двенадцать с половиной!...
- Тринадцать!...

Холодное утро. На пароходе царит большое оживление, палуба заполнена пассажирами. Настроение праздничное, приподнятое. Кончается плавание во льдах. Все хотят увидеть мыс Дежнева, восточную оконечность Азии — ворота из ледяного плена Арктики.

«Смоленск» возвращался глубокой осенью, успешно преодолев тяжелые льды Чукотского моря, и люди поздравляли друг друга с благополучным окончанием полярного рейса.

От Дежнева лежал прямой, свободный от ледяных барьеров путь на Владивосток. Арктика позади...

Внезапно глубина начала уменьшаться.

- Девять!...
- Семь!...

— Шесть!..

— Пять!..

Капитан резко повернул ручку телеграфа, и стрелка аппарата в машинном отделении показала «стоп». Винт парохода перестал вращаться. Двигаться дальше безрассудно. «Смоленск» отдал якорь...

Все погрузилось в тишину. Туман становился гуще, плотнее и волнами наступал на пароход.

Микроскопические частицы воды оседали на такелаж. Посеребренные инеем снасти напоминали причудливые украшения новогодней елки.

Беспрерывные порывистые гудки парохода умирали где-то совсем близко в тумане.

Так прошел час, второй, третий...

Арктика давала последний бой...

Прояснение наступило неожиданно. В течение нескольких секунд плотная стена тумана уплыла на запад.

Справа по борту возвышался утес. Огромная отвесная стена вырастала из моря, поражая своей дикой неприступностью и красотой.

Это был мыс Дежнева.

Белое мохнатое облачко тумана окутывало вершину утеса и казалось шапкой густых седых волос на голове великана.

Только несколько секунд видели мы этот неповторимый пейзаж. Новые волны неизвестно откуда появившегося тумана окружили утес, скрывая его суровую седую девственность от любопытных взоров.

Влево от укрывшегося в тумане утеса виднелась голубая лента Берингова пролива. Белые льдины, подобные чайкам, скользили на ее поверхности, подгоняемые легким ветром.

«Смоленск» полным ходом направился в пролив и через час отдал якорь в небольшой бухте против пушной фактории и поселка мыса Дежнева.

Стоянка длилась недолго. Приняв груз и захватив пассажиров, пароход снялся с якоря и взял курс на бухту Провидения.

Среди новых пассажиров был талантливый чукотский художник-костерез комсомолец Вуквол. Он был командирован в Академию художеств, ехал учиться и одновременно сопровождал экспонаты Чукотского костерезного промысла.

На борту «Смоленска» разместилось пятьсот пассажиров. Это были зимовщики мыса Нордвик, бухты Тикси, мыса Сердце-Камень, Уэлена, Дежнева.

по инициативе полковника, на «Смоленске» была организована выставка художников-костерезов Чукотки, которая привлекала всеобщее внимание.

Комнату отдыха заполняли изделия из кости и китового уса и предметы рукоделия чукотских женщин. Здесь были модели шхун с парусами из кости, не уступавшими по тонкости листу папирсной бумаги; расписанные сложным орнаментом костяные портсигары, чернильницы, ручки, ножи для письменного стола и украшенные рисунками чукотских художников клыки моржей. Большая часть выставленных экспонатов была сделана руками художника-костера комсомольца Вуквола.

... Костерезный промысел Чукотки зародился очень давно. Он берет свое начало от изготовления костяных наконечников для стрел и копий и летоисчисляется веками.

Для дореволюционного костерезного промысла характерна скудость творческой фантазии мастеров-художников. Это явление объяснялось, главным образом, узкоутилитарными требованиями заказчиков.

Не так давно большинство костерезов занималось изготовлением трубок, мундштуков, брошей, рамок для портретов и, в угоду нередко посещавших Чукотку американцев, маленьких костяных идилов.

Эти изделия только в редких случаях являлись произведениями искусства и представляли художественную ценность, чаще они были лишены вкуса и не отличались тщательностью отделки.

Мастера сбывали их американским и русским китобойцам или случайно попавшим на Чукотку туристам, которые вывозили их как память о северной «экзотике».

В тяжелые годы хозяйственной разрухи костерезный промысел был почти забыт. На Чукотке редко появлялись приезжие, и большинству из них было не до покупки костяных изделий. Только когда началось освоение Северного морского пути, мастера вспомнили о костерезном промысле.

Один из организаторов нового советского промысла — Вуквол.

Отец Вуквола был искусный костерез. Все свободные часы он отдавал этому занятию. Сидя в яранге и тихо напевая чукотскую песенку, он резал из кости маленькие статуэтки: моржей, нерп, оленей.

Когда в Уэлен приходила американская или русская шхуна, он вместе с пушницей нес эти незамысловатые

звещки на берег, обменивал их на хлеб и «огненную воду» и всегда возвращался мертвецки пьяным. Так продолжалось из года в год.

Мальчик, внимательно наблюдавший за работой отца, увлекся костерезным искусством, взял как-то нож и начал вырезать медведя.

Медведь получился нескладный. Он стоял на коротких кривых лапах, толстый, неуклюжий, и своей уродливой мордой точно смеялся над молодым резчиком. Первая неудача не смутила мальчика. Напротив, он с еще большим упорством принялся резать нового медведя и сделал его лишь немного хуже, чем делал отец.

После этого мальчик сказал: «Теперь я сделаю оленя»...

И через некоторое время перед ним стоял костяной олень с густыми разветвленными рогами и коротким поднятым хвостом.

Вскоре мальчик резал не хуже отца, за ним устанавливалась слава искусного резчика.

В период, когда костерезный промысел Чукотки был заброшен, мальчик не прекращал своих занятий. Потихоньку ото всех он резал фигурки зверей, отыскивая новые, более выразительные формы. И когда в 1933 году приезжие политотдельцы заговорили об организации костерезного дела, Вуквол с присущим ему энтузиазмом комсомольца отдался весь своему любимому искусству. Прежде всего он добился постройки специального помещения под костерезную мастерскую, собрал старых мастеров-костерезов и привлек к обучению у них комсомольцев и пионеров. Увидев как-то в мельнической мастерской радию токарный станок, он подумал, что не плохо бы такой станок поставить и у себя в мастерской. Такой станок поможет улучшить качество изделий и даст возможность экономнее расходовать время.

Через год с помощью политотдела ему удалось получить токарный и сверловочный станки.

Постепенно костерезный промысел начал налаживаться.

Глядя на произведения советских костерезов, вы видите, как они стремятся передать острую, волнующую тему.

Тов. Вуквола уже не удовлетворяют незатейливые орнаменты.

Нам особенно ярко запомнился один из клыков, украшенных резьбой молодого художника. На этом клыке был изображен старый и новый Уэлен. Одна сторона клыка — старый Уэлен. Берег моря. Вдоль берега разбросано не-

это приехали русские купцы. Чукчи везут на шхуну пушнину, китовый ус, костяные изделия и получают взамен стеклянный бисер, совсем немного муки и «огненную воду». Возле пустых бутылок валяется пьяный чукча, рядом стоит плачущая женщина с ребенком, она держит в руках небольшой мешок муки. Унылое солнце скорбно освещает старый Уэлен.

Вторая сторона клыка — новый Уэлен — тот же берег, снова яранги, но их уже значительно больше. Среди яранг возвышаются европейские здания: райисполком, рация, школа, интегралсоюз, помещение костерезной мастерской. В море стоит пароход. Чукчи везут на пароход пушнину, китовый ус, костяные изделия и получают взамен муку, сахар, масло, мануфактуру, обувь, книги, радиоприемники и орудия олова. Товаров много, их хватит на всю зиму и еще останется на весну и лето. Чукчам не надо бояться голода. На берегу у отъезжающей шлюпки чукчи тепло прощаются с русскими. Веселое солнце радостно освещает новый Уэлен.

В орнаментах Вуквола также много нового. Впервые в истории костерезного искусства Чукотки он использовал мотивы чукотского эпоса. Портсигары он орнаментировал еценками из чукотских сказаний и легенд. Даже в таких работах, как статуэтки зверей, он нашел новые выразительные формы. Статуэтки старых мастеров редко передают характер и движение. Еще недавно костерезы заботились только о внешнем сходстве копий с оригиналом. Вуквол изменил этой консервативной традиции. Его статуэтки характерны, выразительны и всегда — в движении. Бегущий олень, крадущийся медведь, слушающий морж — вот скульптуры, сделанные молодым художником.

В лице Вуквола Чукотка имеет незаурядного художника. Академия пополнит его знания, ознакомит его с законами живописи и скульптуры, сделает его мастером.

Его жажда к учебе огромна. Мы показали ему книгу Рабле — «Гаргантюа и Пантагрюэль» с рисунками Густава Дорэ.

Надо было видеть, с какой жадностью изучал он изумительные по своей выразительности иллюстрации.

Он попросил книгу на несколько дней, мы охотно дали ее. С тех пор он часами, сидя на палубе, рассматривал и зарисовывал иллюстрации на клочках бумаги и прятал эти рисунки в карманы своей гимнастерки.

Молодой чукотский художник учился у непревзойденного мастера иллюстративного рисунка.

Возвращая книгу, он сказал:

— Это очень хорошо. Я тоже хочу делать так, но я не умею.

— Научишься, — ответили мы.

— Конечно, — улыбнулся Вуквол, — я буду долго учиться... Я должен много знать... Потом, когда я вернусь на Чукотку, я буду учить других.

18

Вершина Авачинской сопки растаяла на горизонте. Камчатка осталась позади. Показались огни Приморского побережья.

Завтра Владивосток.

Разрезая гладь Японского моря, «Смоленск» полным ходом двигался к родным берегам.

Тихая теплая ночь висела над морем. Спать не хотелось. Собравшись на палубе, мы любовались огоньками встречных пароходов и светящимися за бортом фосфоритами.

Рейс окончен. Шесть месяцев проведено в Арктике, а вместе с прошлогодней поездкой — одиннадцать.

Хотелось все подытожить, осознать неосознанное, понять непонятое и заглянуть в будущее. Много острых, волнующих вопросов накопилось у каждого из нас, они требовали решения. Но мы молча стояли на палубе, никто не нарушал молчания. Наконец, как бы отгадав общие мысли, один из нас тихо сказал:

— Ну вот, братцы... А что же дальше?

— Дальше Арктика, — ответил другой.

Все переглянулись.

— Третий рейс... тяжелый, трудный, но третий... Я часто спрашивал себя, почему работаю в этом театре — и долго не находил ответа. Потом понял. Не сразу, постепенно, но понял. Подумайте, какая замечательная у нас жизнь. То, о чем люди думали веками, что казалось несбыточной мечтой, за что сложили головы лучшие сыны человечества, — сегодня оказалось былью...

Товарищ умолк. Не так давно мы расстались с Арктикой, но уже снова мечтали о встрече с ее ледяными просторами.

Арктика! Сколько отважных мореплавателей погибло в Арктике от цынги, метелей и жестоких морозов, как часто

ными строчками.

Арктика! Холодом и обреченностью веяло от этого слова. Арктика упорно скрывала свои тайны, а тем, кто пытался их разгадать, платила смертью.

Так было прежде. По-другому стало теперь. Теперь к слову Арктика прибавилось слово «Советская», и там, где раньше погибали корабли мореплавателей, появились десятки советских пароходов; там, где раньше находили дневники с недописанными строчками, высятся мачты мощных радиостанций и растут полные кипучей жизни поселки и города; там, где раньше с тоскливым криком летали одинокие полярные птицы — наполняя небо победоносным рокотом моторов, проносятся эскадрильи самолетов; там, где еще недавно на скудной почве редели мхи да лишайники — в застекленных теплицах зреют овощи и распускаются бутоны.

Когда видишь новую, Советскую Арктику, когда чувствуешь, чья твердая и уверенная рука направляет отважный отряд полярников, чей внимательный, ласковый взгляд следит за ним, чье дыханье отца и друга согревает его — хочется быть бойцом этого отряда.

— Я фантазер и мечтатель, — снова заговорил товарищ, — но я уверен: недалеко то время, когда мы с вами получим новый маршрут. Там, где меридианы земли стянуты в один узел, раскинется новый чудесный город — Полюсград, и мы будем выступать на его сцене с концертами и спектаклями. . . Мы уезжаем из Арктики, но где бы мы ни были, мы вернемся. Мы уезжаем, чтобы вернуться еще более сильными. Для этого есть у нас воля, молодость, сердце, сердце советского актера, а такое сердце — понимать надо. . .

Товарищ снова умолк. Его слова и мысли были понятны и близки нам. Они заставляли каждого восстанавливать в памяти картину бесконечно далекой и бесконечно близкой, родной Арктики.

Розовая полоска света на востоке говорила о наступающем дне.

Впереди показались маяки острова Аскольда.

Транссибирский экспресс уносил нас в Москву. В окнах вагона мелькали сопки Дальнего Востока — места героических партизанских сражений, овеянные неувядаемой славой

Волочаевских дней; проносились частые перелески Приамурья, таяли синие берега Байкала; навстречу бежали полосатые столбы километров, деревушки, поля, шахты, поселки, города.

Приближалась девятнадцатая годовщина Великой Октябрьской революции. Где-то в пути между Красноярском и Новосибирском мы должны были провести этот торжественный день.

В одном из вагонов работники Заполярного театра писали рапорт на имя Отто Юльевича Шмидта.

Сидя у столика, один из наших товарищей старательно выводил:

«Молния

Начальнику Главного управления Севморпути

т. О. Ю. Шмидту

РАПОРТ

Заполярный театр Политуправления Главсевморпути закончил второй рейс. Пройдено 26 500 километров. Обслужены работники Севморпути: Якутска, Кистеневки, Киренска, Пеледуй, 4-го Ленского речного каравана, Кангаласских угольных копей, Сангар-хая, Жиганска, Булуна, Кюссюра, бухты Тикси. Зимовщики: мыса Нордвик, Анабара. Экспедиции: Восточного побережья, пролива Лаптевых, Индигирская, Янская, залива Крест. Пароходы: «Искра», «Ванцетти», «Смоленск». Ледоколы: «Ф. Литке», «Красин». Население: Киренска, Петропавловска на Камчатке, бухты Провидения. Проведено: 98 выступлений, 47 кружковых занятий, 20 громких читок, 12 занятий с пионерами, организовано 2 шахматных турнира, лекции, доклады, беседы, диспуты.

2 ноября поездом № 1 театр выехал из Владивостока в Москву. Поздравляем с праздником Великого Октября.

Готовы к дальнейшей работе.

Коллектив Заполярного театра».

Улан-удэ. Остановка пятнадцать минут.

У маленького окна телеграфной конторы мы встретили старого знакомого — журналистку Эллен Райт.

Встречный поезд уносил ее на восток; она возвращалась в Америку, через Японию.

Стоя у окна, она держала в руке лист бумаги, исписанный мелким женским почерком. Несколько вопросов, и все стало ясно.

фестиваль в Арктике». В коротких, скупых фразах она рассказывала об артистах Академического Большого театра Союза ССР, о группе работников Малого театра во главе с народной артисткой Республики В. Н. Пашенной, о концертной бригаде Московской консерватории, впервые побывавших в этом году в Арктике, и о пионерах театрального дела в Арктике — Московском Заполярном театре Политического управления Главсевморпути...

— Но постойте! — улыбнулась Эллен Райт, когда мы, прощаясь, пожимали ей руку, — вы собирались написать книгу о ваших гастролях?

— Эта книга уже написана, — ответили мы.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ОРДЕНА ЛЕНИНА
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
БОЛЬШОЙ
ТЕАТР СОЮЗА ССР

Г. Шахнарович

ТРИДЦАТЬ
ДНЕЙ
ЗА ПОЛЯРНЫМ
КРУГОМ

*Пятнадцать тысяч пятьсот
километров на поезде, пароходе,
катере, самолете, автомобиле
и тракторе*

В далекий путь

К этому поезду, уносящему людей далеко за Уральский хребет, всегда приходит много провожающих, но сегодня на перроне необычнолюдно, особенно у вагона со световым транспарантом: «Москва — Красноярск».

Здесь у раскрытых дверей и окон шумная, говорливая толпа: артисты, художники, военные, моряки, летчики.

В толпе, пощелкивая лейками, спуют вечно суетливые фоторепортеры, деловито накручивает оператор кинохроники.

Поезд тронулся, а пассажиры красноярского вагона, высываясь по пояс из окон, все еще продолжали пожимать руки провожающим.

... Первая стрелка далеко позади. Чемоданы, рюкзаки и саквояжи покоятся на полках. В них мирно улеглись в несколько странном сочетании летные комбинезоны, дождевые плащи морского образца, фуфайки, шерстяные чулки и болотные сапоги рядом с балетными пачками, трико телесного цвета, изящными мужскими костюмами, вечерними дамскими платьями и лакированными туфлями. Все это дополнялось кипами нот из произведений Глинки, Шопена, Глюка, Даргомыжского.

... Не прошло и часа, как один из пассажиров достал из полевой сумки объемистую тетрадь в сером коленкоровом переплете. На первой странице еще накануне было написано:

*„Государственный Академический Большой театр
Солист оперы П. И. Селиванов“.*

Расположившись поудобнее в углу мягкого дивана, Селиванов сделал первую запись в своем дневнике:

«25 июня 1936 года. Сегодня бригада артистов Большого театра выехала из Москвы. Наш путь лежит через Красно-

ярк на север, в Енисейское Заполярье. Мы будем показывать лучшие произведения искусства жителям тундры, зимовщикам легендарной Игарки, строителям далекого Диксона...

В нашей бригаде четырнадцать человек: артисты оркестра, солисты оперы и балета, в балетной группе заслуженная артистка Республики К. П. Кандаурова.

Все мы необычайно воодушевлены предстоящей поездкой и горим желанием внести свою долю в культурное строительство далекого Заполярья, превращающее страну вечной ночи в страну света и радости».

Провожая артистов, Политуправление Главсевморпути подарило им небольшую арктическую библиотечку.

Когда Селиванов дописывал первую страницу дневника, Борис Холфин объявил, что библиотека открыта.

Началось штудирование арктической литературы. Заслуженная артистка Кандаурова занялась книгой о животном мире Арктики, Холфин — мемуарами полярных исследователей, Зорич — полетами Бэрда над Южным полюсом.

Раскрыв желтый кожаный чемодан, Ольга Моисеева проверяла, в сохранности ли походная аптечка. Здесь было все, вплоть до иглы для зашивания рваных ран. Насмешливые замечания друзей не смущали Ольгу. Она твердо решила ни при каких обстоятельствах не расставаться с аптечкой.

Горячие дни

В апреле 1936 года Политуправление Главсевморпути обратилось к коллективу Большого театра с просьбой организовать концертную группу для гастрольной поездки в Арктику и Енисейское Заполярье.

Желающих принять участие в поездке оказалось больше чем достаточно.

Учитывая трудности передвижения, дирекция не могла организовать большую бригаду и отобрала лучших исполнителей.

Судьбу артистов решили двукратный медицинский осмотр и воздушные «октябрины» на Московском аэродроме.

Бригада была сформирована. Началось обсуждение, с чем выступить в Арктике: с народными танцами или пластикой, с отрывками из опер или с народными и революционными песнями.

Победил здравый смысл. В репертуар артистов балета были включены: «Яблочко», «Кабардинский танец», «Испанский танец», «Гавот», «Финский», танец-лубок. Так же была

разрешена проблема и вокалистами — ноты классических произведений мирового музыкального наследия мирно улеглись в чемоданах рядом с народными и революционными песнями.

Перед отъездом бригада дала два концерта. Первый в Бетховенском зале Большого театра для работников Главсевморпути, второй по радио для зимовщиков Диксона.

Первый концерт был смотром сил и репертуара бригады. Отто Юльевич Шмидт, прослушав концерт, сказал:

— Идейность и дисциплина решили успех челюскинцев, это же будет залогом вашего успеха.

После второго концерта театр получил множество восторженных отзывов от зимовщиков Диксона.

Незадолго до отъезда бригада поместила в газете Большого театра «Советский артист» письмо:

«Приближается день нашего отъезда в Арктику. 25 июня мы тронемся в путь. Этот день навсегда останется в нашей памяти.

Перед нами поставлена ответственная задача: мы должны выступить с лучшими произведениями искусства перед славными полярниками, освоившими Советскую Арктику, мы должны приобщить к искусству национальное население Севера, людей, никогда не видевших артистов и слушавших музыку лишь по радио.

Мы знаем, многие будут завидовать нашему счастью, завидовать тому, что именно нам поручили столь интересную работу, знаем, что наша поездка положит начало большой шефской работе, что вслед за нами артисты Большого театра будут из года в год гастролировать на далеком Севере. Именно это возлагает на нас особо большую ответственность: наш опыт, наши удачи и неудачи послужат практическим руководством для новых поездок, для дальнейшей работы.

Предстоящие трудности не пугают нас. Мы сделаем все, что от нас зависит, чтобы успешно выполнить порученное нам боевое задание.

Мы уезжаем с надеждой на успех и горячим желанием оправдать высокое доверие, оказанное нам Политуправлением Главсевморпути, дирекцией, партийной организацией и всей общественностью театра.

До скорого свидания.

Кандаурова, Шевченко. Зорич, Ткаченко, Моисеева, Габович, Селиванов, Леонтовский, Холфин, Швец, Васильев».

В окнах мелькали станционные домики, водокачки, зеленые нивы, леса, шумные речки, горные кряжи...

Первый маршрут занял три дня.

На платформе Красноярского вокзала долгожданных гостей встретили руководители политотдела и советских организаций.

В девять утра, после митинга и фотосъемки, артисты снова тронулись в путь на автомашинах.

Бригада провела в Красноярске четыре дня. Артисты жили на даче крайисполкома, в сосновом лесу у берега Енисея.

Комбинезоны, варежки и фуфайки пришлось отложить в долгий ящик. В день приезда, когда артисты пошли осмагивать скалы, расположенные на правом берегу Енисея, женщины надели сарафаны и топочки, а мужчины, изнывая от жары, остались в майках и трусах.

Бригада возвращалась с прогулки поздно вечером. Шли берегом. Многоводная река стремительно неслась к горизонту, Красноярск сверкал тысячами огней.

За день артисты отдохнули, и каждый уже рвался к работе. Начались трудовые дни.

Первого июля во Дворце культуры железнодорожников состоялся первый концерт. В зале были лучшие стахановцы Красноярска и руководители красноярских организаций Северного морского пути.

Игорь Лентовский и Тамара Ткаченко выступили с испанским танцем, за ним последовали украинский и венгерский, Селиванов и Зорич исполнили арии из «Онегина».

Третьего июля газета «Красноярский рабочий» тепло отметила удачное начало шефской работы:

«Концерт бригады артистов Большого Академического театра продемонстрировал высокое качество исполнения и большое мастерство исполнителей.

Наиболее интересной частью программы были хореографические номера.

Заслуженная артистка Республики К. П. Кандаурова и молодые солисты балета Т. С. Ткаченко, О. Ф. Моисеева, Б. С. Холфин, И. Д. Лентовский и М. М. Габович, исполнившие ряд классических, характерных и гротесковых танцев, показали высокое хореографическое искусство.

... Хочется только пожелать бригаде несколько расширить вокальный репертуар, включив в программу концерта дуэты из классических опер и арии из оперы «Тихий Дон», с большим успехом поставленной в Москве и Ленинграде и еще не знакомой трудящимся нашего края».

За четыре дня бригада успела дать четыре концерта. Но никто не чувствовал усталости. Всех охватило стремление работать. Каждый понимал, что Красноярск лишь преддверие к напряженной работе, и это не пугало, а радовало.

Особенно запомнился последний концерт. На этом концерте артисты балета не только танцевали, но и пели. Когда вокалисты, прощаясь со зрителями, выступили с песней о Сталине, к ним присоединилась балетная группа, а за ней — все присутствовавшие в зале.

Зрители словно по взмаху дирижерской палочки встали. И мощным раскатом загремели слова:

Воля Сталинская с нами,
Воля Сталинская в нас.

Между последним концертом в Красноярске и вылетом на Игарку прошло четыре дня. Прошли они далеко не бесследно. Бригада успела дать три концерта — для рабочих Придивного, в Красноярском совхозе и в совхозе «Таежный».

Рапорт

Пятого июля артисты мчались на катере в совхоз «Таежный».

Лил дождь.

Катер уверенно шел по бурной реке, мимо порогов, бачинов и плотов. Когда он подошел к пристани, артистов окружила шумная толпа: гостей пришли встречать руководители и рабочие совхоза.

— Просим! — сустился директор. — Вас третий час ждут машины.

Артисты поднялись на гору и зашли во двор сельсовета, где под навесом стояли три форда.

— Располагайтесь, товарищи, — пригласил директор.

Гости заняли места, и машины тронулись в путь. Кругом пни, сосны и ели. Медленно ползут машины по размытой дороге. Лесу не видно конца.

Вот показалась арка, украшенная зеленой хвоей. На ней стяг с надписью:

«Привет работникам искусств!»

За аркой — домики, амбары, сарай. Хотя попрежнему лил дождь, навстречу артистам бежали рабочие совхоза и ребята-типички. Они бросали в машины цветы.

— Привет работникам искусств! — раздавались возгласы.

... Машины остановились у входа в двухэтажное здание.

— Тут вы сможете отдохнуть! — улыбнулся директор, — Прошу, заходите. О вашей квартире мы позаботились: стены оклеили, потолок и пол выкрасили. Этим делом занимались наши лучшие маляры.

В комнате светло и уютно. На окнах шторы, на столах вазы с цветами, на постелях белоснежные одеяла.

Едва дождь прекратился, в комнату постучался директор. Он пригласил артистов обедать.

— По этой дороге легковой машине не пройти — не проехать, — оправдывался он, раскрывая окно, — вы уже простите. Мы переправим вас на грузовике.

Пока артисты обедали, в «театре» начала собираться публика.

Концерт состоялся в недостроенной ремонтно-механической мастерской. Плотники не успели убрать леса, а кровельщики перекинули крышу только над небольшой эстрадой.

Эстрада была затянута пестрым занавесом, стены украшены елкой, цветами и лозунгами.

Зрители расположились на земляном полу, на скамьях, на столах, на переборках лесов.

Поднялся занавес.

Когда Селиванов приветствовал зрителей, снова пошел дождь. Во время концерта дождь усиливался с каждой минутой. Но хотя зрители сидели под открытым небом, а над эстрадой протекала крыша, артисты около двух часов выступали с песнями и танцами.

Этот концерт трудно забыть. Кругом тайга, свистит ветер, льет дождь, а здесь, на маленькой трехметровой эстраде, Селиванов поет арии из «Онегина», Кандаурова танцует «лубок», балетная группа под гармонию, бубен и посвисты вокалистов лихо отплясывает гопака.

Концерт кончился. Возвращаясь домой, артисты промокли до нитки, но были счастливы и не чувствовали усталости.

В эту ночь артисты долго не могли уснуть. Не спали и зрители, на улицах звенели молодые голоса и веселые напевы баяна.

Рано утром в комнату постучались:

— Вас ждет катер.

Катер стоял неподалеку от совхоза, у берега Енисея.

Едва артисты вышли на лестницу, к ним подбежал директор.

— Не знаю, не знаю, как благодарить! — гудел он, пожмывая гостям руки. — Вы принесли нам большую радость... Но ведь и я могу вас порадовать. Я могу рапортовать, могу рассказать вам, что мы успели поднять пары и третьего дня закончили сев. Вот как идут наши дела.

Подарок

... Приближаясь к Придивному, вы видите среди мачтовых сосен скелеты недостроенных барж и баркасов.

На высоком берегу раскинулся поселок. Солнце ярко освещает разноцветные крыши маленьких домиков, напоминающих английские коттеджи.

... Катер у пристани. И здесь артистов окружила шумная толпа. Кругом цветы, плакаты, флаги.

Не успев поздороваться и лукаво подмигивая гостям, директор стройки сообщил, что придивненцы приготовили им подарок.

— Подарок? — переспросил Холфин.

— Так точно. Идемте.

Артисты направились вдоль берега и увидели, как на воду спускают баржу.

— По местам! — раздалась команда.

— Все на местах! — отрапортовал мастер.

— Руби!

Наступила тишина, ее подчеркивает глухой стук топоров. Рабочие подрубают подпорки.

Минута, две, три...

Подпорки затрещали. Баржа вздрогнула, покачнулась, пошла по скату — медленно, быстрее, быстрее, вот она достигла воды и, разбрасывая волны, стремительно понеслась по реке.

Загремели аплодисменты.

Натянув канат, рабочие пришвартовали баржу к берегу.

Это и был подарок.

— По плану, — разъяснил директор, — мы должны были спустить баржу через три недели. Но рабочие решили достроить ее к вашему приезду. И обещание, надо сказать, вы-

полнили неплохо. Вы посмотрите, какая баржа! А теперь милости просим в столовую.

По пути в столовую директор спросил, где будет выступать концертная группа — в клубе или на открытой эстраде.

— Клуб у нас маленький, — сказал он, — готовясь к вашему приезду, мы построили открытую эстраду. В клубе могут разместиться человек триста, а если вы согласитесь дать концерт на эстраде, вас будет слушать весь поселок.

Артисты решили выступать под открытым небом.

Перед эстрадой на скамейках, на заборах, на крышах расположилось все население Придивного, не исключая женщин с грудными детьми и глубоких стариков.

Этот концерт особенно памятен Швецу. Он сопровождал все выступления баяном. Руки были заняты, и его страшно искусала мошкара.

Но хотя мошкара тучами носилась над зрителями и артистами, концерт прошел с огромным успехом.

— Мы будем ваш концерт помнить и помнить, — говорили зрители, провожая гостей в отведенные им комнаты.

Этим концертом счеты бригады с Придивным не кончились. Вечером на банкете стахановцы рассказали артистам, что заканчивают постройку вельбота.

— Работы осталось на три дня, — говорили они, — но вельбот завтра же в вашем присутствии будет спущен на воду.

Работа шла всю ночь. Утром вельбот был спущен на воду, и балетная группа станцевала на его палубе «Яблочко» из «Красного маха».

В полдень бригада снова тронулась в путь. Катер уносил ее дальше, в Красногорский совхоз. Пристань уже скрылась за кормой, но все еще доносились возгласы:

— Спасибо!

— Приезжайте!

— Мы вас ждем!

В Черемшанке

Не менее гостеприимно встретили концертную группу в Черемшанке. И здесь в ожидании гостей у пристани собрались школьники, рабочие и руководители совхоза.

В поселок артисты направились на машинах.

Ехали лесом по крутой, тряской дороге. Едва лес кончился, перед глазами открылись совхозные поля, колосилась рожь.

Директор, сопровождавший гостей верхом, подъехал к первой машине и не без гордости рассказал о замечательном урожае прошлого года.

... Вот и совхозный поселок. Он правильно распланирован, к домам примыкают просторные террасы, двери и окна украшены наличниками с замысловатой резьбой.

— Артисты приехали! Артисты приехали! — кричит детвора, выбегая на дорогу и с интересом разглядывая гостей.

... Перед концертом директор предложил артистам ознакомиться с хозяйством совхоза. Они побывали на молочной и свиноводческой фермах, на огородах и полях.

Концерт начался в шесть часов вечера.

В зрительном зале красногорского клуба триста мест, но расположилось около пятисот человек. Те, кому не удалось попасть в зал, стояли у раскрытых дверей и окон.

... На память о концерте в Красногорском совхозе у артистов сохранилась вырезка из газеты «Большевик Арктики». Вот она:

«... Программа концерта, составленная из произведений первоклассных русских и западных композиторов, не оставляет желать ничего лучшего.

Просто не верилось, что где-то в далекой Сибири, в деревне Черемшанка слушаешь бессмертные произведения Моцарта, Чайковского, Римского-Корсакова...

Надо было видеть, как, затаив дыхание, слушали концерт рабочие совхоза, заполнившие до отказа зрительный зал своего клуба, чтобы оценить значение гастрольной поездки московских артистов...»

Ночью бригада выехала на автомашинах в Красноярск для дальнейшего следования на самолетах в Игарку.

Перед полетом

Восьмого июля бригада простилась с Красноярском. Катер доставил артистов к утопавшему в зелени холмистому островку.

На рейде плавно покачивались самолеты, среди них двухмоторный гидросамолет «Дорнье-Валь» и одномоторный «МБР-2», с ними отправится в путь бригада.

У всех возбужденное настроение. Предстоит полет на десять часов. Впрочем — десять ли? Здесь на такие вопросы

ные октябрьны» над Московским аэродромом в ясную тихую погоду — лишь незначительная детская забава.

Летчики предполагали взять старт в шесть вечера и до наступления темноты сделать посадку в Подкаменной Тунгуске. Но артисты задержались по пути в Красноярск, и теперь было принято решение переночевать на острове и тронуться в путь рано утром.

С вечера рабочие носили чемоданы по самолетам. Этим делом бригадир руководил лично. Во избежание беспорядка и сутолоки никому не было разрешено вмешиваться в «священнодействие» бригадира.

Перед сном артисты долго играли в шашки и шахматы. Все время думалось о завтрашнем дне. Селиванов не переставая твердил:

— Что день грядущий мне готовит? ..

В четыре часа утра артистов разбудили.

— Приказано садиться в самолеты.

Все готово.

Самолеты заправлены.

Замечательный перелет

Первым тронулся в путь самолет Задкова. Он взял высоту, покачал крыльями и полетел вниз по Енисею.

Артисты косо поглядывали на резиновые мешки и держали под носом лимоны, чтобы отбить запах бензина. Но вскоре поняли, что в резиновых мешках и лимонах нет надобности.

... Лишь теперь, сидя в самолете, можно разобраться в массе нахлынувших за последние дни впечатлений и рассказать о них в письмах родным, друзьям и знакомым.

Одни пишут, другие заряжают фотоаппараты, третьи любуются зеркальной гладью Енисея...

Самолет над Енисеем. Временами летчик Задков срезает крутые изгибы реки и летит над загадочной молчаливой тайгой. Позади в легкой дымке затерялся Красноярск с его мрачным амфитеатром горных хребтов. Гигантские леса кажутся зеленым мхом, домики спичечными коробками, а вскоре их совсем не стало видно.

... Показалось Придивное. Видны огромные штабеля строевого леса, у берега вельбот и баржа — те, что были недавно спущены на воду.

... Пройдено много километров. Енисей ширится — здесь он имеет множество рукавов, на солнце поблескивают десятки озер — следы недавнего весеннего разлива.

Енисейск уже позади. По бурной Ангаре мимо порогов стремительно несутся плоты. Это строительный лес, он идет в Игарку для экспорта.

Еще дальше летит самолет. Над рекой поднялись дымки паровозов, видны очертания барж и баркасов.

Веками мчались равнодушные воды Енисея мимо убогих рыбацких становищ, мимо векового молчания, а теперь на берегах реки кипит жизнь, строятся поселки и пристани.

Самолет над Сибирью, над страной несметных богатств, над страной, разбуженной большевиками...

... Пробыв три с половиной часа в воздухе, самолет спустился в Подкаменной Тунгуске для заправки горючим.

Подкаменная Тунгуска — небольшой поселок. В тайге разбросано несколько домиков. Среди них одноэтажный дом фактории Главсевморпути. Артистов встретили работники фактории и жители поселка.

— Я сегодня не ждал вас, — извинялся начальник фактории, пожимая гостям руки, — вы ведь должны были остановиться в Енисейске.

— Да, но политотдел изменил наш маршрут, мы остановимся в Енисейске на обратном пути.

Во время завтрака Селиванов предложил воспользоваться стоянкой и дать концерт. Хотя артисты были утомлены и в ушах звенело, все охотно приняли это предложение.

— Но где вы будете выступать? — спросил начальник. — Поселковый клуб не так близко. Если мы отправимся туда, вы задержитесь часа на три.

— Как же быть?

— Как быть? Мы будем выступать здесь на крыльце.

— Отлично!

Начальник торопливо вышел.

— Не расходитесь! Не расходитесь! — слышался в раскрытое окно его голос.

Началась подготовка к выступлениям. Вскоре выяснилось, что бригадир перепутал чемоданы Игоря Лентовского и Тамары Ткаченко. В самолете Задкова оказался чемодан Лентовского, а чемодан Ткаченко попал в самолет Купчина.

Тамара заявила, что выступать не будет, но ее не пришлось долго уговаривать, она согласилась станцевать кабардинку в болотных сапогах и летном костюме.

расположились зрители. Концерт, перед крыльцом

Селиванов объявил программу. Первым выступил Швец затем танцевала Ткаченко, затем пели вокалисты. Последним номером была русская в исполнении Кандауровой. Она танцевала в парчевых туфлях, парчевом сарафане и кокошнике, украшенном драгоценными камнями. Казалось, что она только что сошла со сцены Большого театра в Москве.

Концерт продолжался около часа. За это время летчики успели заправить самолет, и он снова пошел в воздух.

Через три с половиной часа самолет вторично снизился для заправки в Туруханске.

По пути из Туруханска к Курейке вы видите, как тайга переходит в тундру. Лес начинает редеть, появляется мелко-лесье и кустарник. На солнце сверкают черные, зеленые и голубые пятна болот.

Тамара сидела рядом с Задковым на месте второго пилота. Когда показалась Курейка, Задков наклонился к Тамаре:

— Мы пролетаем шестьдесят шестую параллель, — крикнул он во весь голос. — Здесь начинается полярный круг. Вы видите, в тундре стоит несколько домиков. Сюда был сослан товарищ Сталин.

Там, где небольшая речка Курейка впадает в Енисей, на шестьдесят шестом градусе северной широты, в тундре как бы небрежной рукой разбросано несколько домиков. Живущие здесь старики хорошо помнят товарища Сталина. В страшные годы самодержавия он был сослан в Курейку. Отличался он исключительной выносливостью, ссылка в такой заброшенный уголок не сломила его. Не уступая в ловкости и энергии местным жителям, он, также как и они, занимался охотой, ставил капканы и мастерил орудия лова. Старики с огромной любовью и уважением вспоминают об этом общительном, работающем, чутком человеке.

Задков приветствовал Курейку покачиванием крыльев и сделал вираж, чтобы артисты могли внимательно рассмотреть поселок и запечатлеть его в памяти.

... К вечеру на горизонте показалась Игарка.

Первая встреча с игарцами

Когда вы летите над Енисеем, Игарка внезапно возникает перед вами. Вы видите правильно распланированный город, опоясанный темнозеленой лентой тасжного леса.

Перед полетом на Диксон. Прощальный митинг

Абсолютно
МЦС

В половине шестого самолет Задкова спустился на про-
току.

На пристани школьники, рабочие лесопильных заводов,
политотдельцы.

— Да здравствуют наши дорогие гости! — раздаются воз-
гласы.

После крепких рукопожатий, гостей провожают к дому
авиапорта.

Толпа на площади долго не расходилась. Артисты вышли
на балкон.

Селиванов приветствует игарцев, благодарит за теплую
встречу, говорит о том, с каким нетерпением бригада ждет
первого концерта на игарской сцене.

... Солнце высоко над горизонтом, но уже наступила пол-
ночь.

— Сегодня мы не сможем уснуть! — не раз огорченно
повторяла Тамара, когда артисты, поужинав, возвращались
домой.

После перелета в ушах так звенело, что вокалисты, да и
артисты балета не верили в успех первого концерта, но по-
лярный день не помешал им крепко уснуть, и, когда они
протерли глаза, от звона в ушах осталось одно лишь непри-
ятное воспоминание.

Рано утром бригада решила ознакомиться с игарским
театром и на машине тронулась в путь.

Машина скользит по деревянной мостовой. Здесь все
деревянное: мостовая, тротуар, дома...

Чтобы сократить путь, шофер направился к театру по
территории лесопильных заводов.

Кругом лес. Машина идет узкими переулками, огибая
штабеля строевого леса. Мимо стремительно проносятся лесо-
возы.

— Готовимся к Карской, — поясняет шофер.

Миновав территорию заводов, машина выехала на глав-
ную улицу и вскоре остановилась у клуба.

В игарском клубе просторный театр. Зрительный зал рас-
считан на восемьсот человек, перед вертящейся сценой места
для оркестра, артистические уборные удобны и уютны.

— Кто мог подумать, что в Игарке так замечательно обо-
рудован клуб! — удивлялись гости, осматривая театр, зву-
ковое кино и комнаты отдыха.

Игарский клуб не уступает многим клубам промышлен-
ных городов. Здесь всегда многолюдно: и летом, когда светит

любят клуб ребятишки. Для них совет жен оборудовал одну из лучших комнат. В комнате множество занимательных игрушек и книг, маленькие стулья, столы, кровати, умывальники, на тумбочках вазы с цветами, под вазами салфетки вышитые игарскими активистками. На каждом шагу чувствуется материнская забота о детях.

В день, когда артисты прилетели в Игарку, в местной газете «Большевик Заполярья» было помещено объявление:

«Завтра в городском клубе выступит с концертом группа артистов Государственного Академического Большого театра. Начало в 8 вечера».

Но еще задолго до появления газеты игарцы знали о дне и часе концерта.

Когда поднялся занавес, артисты увидели море голов: люди стояли в проходах, в дверях, сидели на окнах.

Концерт открыл Селиванов. Он говорил о значении искусства в нашей стране и задачах художественной самодеятельности.

С первым номером выступила Тамара Ткаченко. В ее распоряжении попрежнему был чемодан Лентовского, но выступала она уже не в болотных сапогах и летном костюме. По совету Селиванова артисты вскрыли чемодан Лентовского, и Тамара надела его костюм из танца иностранных моряков, а туфли раздобыл работник политотдела.

Обычно танец иностранных моряков Тамара исполняет с партнером, на этот раз партнер был где-то далеко, на самолете, и ей пришлось выступить соло.

Неполадки, вызванные необычным для артистов способом передвижения, не сказались на качестве концертной программы: зал восторженно аплодировал после каждого номера.

Поздно вечером концертную группу отвезли домой.

Этот день был полон радостью. Одно только тревожило артистов:

— Где второй самолет? — поминутно спрашивали они друг у друга.

По знакомой трассе

В ста двадцати километрах от Красноярска самолет «МБР-2» попал в грозовую тучу и пошел на посадку.

У берега рыбаки выбирали сети.

Когда летчик подрулил, рыбаки бросили ему веревку и подтащили самолет к берегу.

За косогором виднелись крыши.

— Никак поселок? — спросил Купчин

— Павловщина, — ответил рыбак.

Лил дождь, но человек тридцать высыпало на берег. В авангарде бежала пестрая толпа ребятишек. Они окружили самолет, забрались на фюзеляж, заглядывали в кабину.

Узнав, что в сельсовете имеется телефон, Купчин поручил механику позвонить в Красноярск, доложить о посадке и запросить метеосводку.

Связаться с Красноярском не удалось. Когда рыбаки узнали, что на самолете артисты и что им придется переждать дождь, к Лентовскому подошел старик.

— У нас хата не богата, — заговорил он, снимая ушанку, — но гостям мы всегда рады.

В дверях артистов встретила гостеприимная хозяйка.

— Заходите, сердечные! — сказала она, приглашая в горницу.

Изба оказалась на редкость уютной и чистой. На стене висел портрет Пушкина.

— Александр Сергеевич, — заметил старик, указывая на портрет. — Картина хорошая, куплена в Красноярске. Это, знаете, подарок сыну. Он у меня большой охотник стихи сочинять... Хозяйка, а хозяйка! — поднимая голос, продолжал старик, — ставь самовар, гостей дождь промочил. Им отогреться надо, да и просушиться не мешает.

Все изрядно продрогли. За ужином Ольга Моисеева решила воспользоваться случаем и оправдать существование походной аптечки, за которую героически перенесла столько насмешек. Ольга извлекла из чемодана бутылку коньяку, поставила ее на стол и сказала:

— Смеется тот, кто смеется последний. Сознавайтесь, кто смеялся над моей аптечкой?

— Я, — поднимая руку, ответил Габович.

— Вот и хорошо, ты коньяку не получишь.

Но вскоре выяснилось, что артисты и летчики и не собираются пить коньяк.

— Кто же пьет во время работы? — сказал Купчин, и на Ольгу снова посыпался град насмешек.

Наступил вечер. Хозяйка зажгла керосиновую лампу.

За столом собралась вся семья. Потянулись долгие разговоры. Хозяин рассказывал о тундре, артисты — о Москве.

— А не пора ли спать? — спросил старик, когда разговор зашел далеко за полночь.

Хозяйка пошла в соседнюю горницу и принесла шесть овчинных полушубков.

Взглянув на портрет Пушкина, Миша Габович прочитал первые строки из «Графа Нулина»:

Пора, пора, рога тругяг...

— Тссс! — шепнул мальчуган.

В горнице притихли. За окнами лил дождь, в стены глухо стучал ветер, скрипели петли дверей, а Миша Габович вполголоса читал стихи Пушкина.

Когда Миша умолк, хозяйка разостлала полушубки, и артисты легли спать.

Ночь. Едва светит огонек керосиновой лампы. Из соседней горницы слышен густой храп хозяина.

— Товарищ Купчин, а товарищ Купчин, скажите, нашу посадку можно считать вынужденной? — шепчет Габович.

— Вынужденной?.. Как вам сказать?.. Ее можно считать посадкой из-за плохих атмосферных условий. Но я бы сказал, что это попросту небольшой перерыв в работе из-за дождя. А вам, видно, хочется, чтобы наша посадка называлась вынужденной? Ведь, правда? Вынужденная посадка, чорт возьми!.. В этом можно усмотреть известную долю романтики.

... Утро было мрачное, серое. Когда артисты завтракали, над селом показался самолет.

— Самолет моего начальника, товарища Липпа, — заметил Купчин.

Летчик сделал круг и пошел дальше, вниз по Енисею. Часа через два у берега остановилась большая баржа,

— Культбаржа пришла, — разъяснил хозяин, — она уже не раз побывала у нас в гостях.

Хотя дождь все еще не унимался, у баржи собралось большинство жителей Павловщины: они пришли покупать газеты и книги.

На палубе находился киоск, под навесом — кинопередвижка, укрепленная на мачте афиша извещала о том, что вечером будет показана картина.

... К обеду небо прояснилось, и только над сопками все еще висело густое облако тумана.

Летчик решил, не дожидаясь метеосводки, тронуться в путь.

Когда самолет набрал высоту, туман начал сгущаться и прибывать самолет к земле, где его подкарауливала длинная цепь сопки, но едва перевалив сопки, он вышел из полосы тумана.

Погода разгулялась. Часа через полтора самолет снизился в Подкаменной Тунгуске.

Пока артисты обедали, бормеханик и летчик заправили самолет, и полубригада полетела дальше.

Купчин рассчитывал вторично снизиться для заправки в Туруханске и в тот же день быть в Игарке, но в трехстах километров от Туруханска заметил зловещую грозовую тучу и сделал посадку в селе Верхнеимбатском. Здесь по пути на метеостанцию артистов безжалостно искусили комары и мошкара.

Перешагнув порог, артисты увидели большую жаровню: по комнатам распространялся густой едкий дым.

— От комаров спасаетесь? — спросил Лентовский, обращаясь к встретившему гостей начальнику станции.

— Да как вам сказать? Все это мало помогает, — утешил т. Черных.

Начальник гостеприимно принял артистов и угостил их ужином. После ужина легли спать. Спали под одеялами в летных пледах и сетках, но и это не помогло укрыться от комаров.

На рассвете перед вылетом на Игарку артисты осмотрели поселок. Он расположен на правом высоком берегу Енисея при впадении реки Имбатки. Здесь всего шестьдесят дворов и четыреста пятьдесят жителей, занимается большинство из них рыбной ловлей.

Жители Верхнеимбатского редко выезжают даже в Енисейск и Туруханск, не видели железной дороги, но хорошо знакомы с самолетом и радио.

Не так давно поселок был заброшенным диким уголком, теперь здесь появились школа-семилетка, радиостанция, механические мастерские...

Поселок ширится с каждым годом. Местные жители любят его и с гордостью говорят, что не за горами то время, когда в культурном отношении Верхнеимбатское сможет соревноваться с Туруханском и Енисейском.

К самолету артистов проводил начальник станции.

— Спасибо за гостеприимство, — сказал Габович, пожимая ему руку, — как приедете в Москву, заходите в Большой театр. Вы скоро будете в наших краях?

рот. Я восемь лет прожил в Верхнеимбатском и на день отлучиться не мог. Недавно меня уговаривали махнуть в Симеиз, привезли путевки в дом отдыха, на всю семью, но я подумал и решил отказаться. Куда я поеду, на кого оставляю станцию? Вот как воспитаю людей, как подрастут мои заместители, — охотно, а пока подождем. Поживем здесь еще годика два, тогда — пожалуй...

Черных тепло попрощался с гостями, и самолет снова пошел в воздух. В Туруханск он прибыл в пятом часу утра.

Артисты едва успели ознакомиться с городом. Им запомнились деревянный тротуар, бревчатые дома и просторное здание городского клуба.

На заборах, на телеграфных столбах и стенах были расклеены афиши. Они извещали о концертах бригады Большого театра. Эти афиши, отпечатанные еще в Москве, бригадир разослал из Красноярска, даты концертов не были представлены.

Не прошло и получаса, как бригада рассталась с Туруханском. В Игарку самолет прибыл в восемь часов утра.

Боевое крещение артистов закончилось весьма эффектно. На высоте шестьсот метров перестал работать мотор, и пилот лишний раз доказал, что советские летчики умеют быть хладнокровными: он уверенно спланировал.

На этот раз посадка была произведена не на протоку, где обычно садятся самолеты, так как в протоке стояли баржи и пароходы и с мертвым мотором можно было легко наскочить на них, а на реку, в пяти километрах от порта.

Второй концерт на игарской сцене

Самолет относил вниз по течению. Механик и пилот занялись починкой мотора. Артисты вылезли на крылья.

Перед глазами плоский остров, покрытый кустарником и мелколесьем, за ним на горе деревянные дома и расставленные в шахматном порядке штабеля леса.

Из-за острова появились две черных точки — это моторные лодки. Они приближаются к самолету.

Вскоре мотор начал работать на малом газе, и самолет перестало относить течением.

Лодки уже совсем близко. На них артисты первой полубригады и местные работники.

Приветственные возгласы заглушают шум моторов.

— А мы вчера успели дать концерт! — кричит Селиванов.

— Вы зачем наши костюмы стянули? — смеется Ткаченко.

— Пересаживайтесь к нам!

Купчин махнул рукой:

— Ладно, ладно, я своим ходом доставлю артистов!

Лодки повернули к острову. Купчин взял старт против течения.

Не прошло и пяти минут, как самолет мягко опустился на протоку.

С пристани подали плюпку, и вскоре участники двух полубригад заключили друг друга в объятия.

За обедом артисты делились впечатлениями. Селиванов рассказал Моисеевой, что из Красноярска Игарский политотдел получил тревожную радиogramму о перелете второй полубригады. В Игарке предполагали, что самолет Купчина сделал вынужденную посадку и что бригаду отвезут обратно в Красноярск на грузовых машинах.

За день до того, как прилетела вторая полубригада, в протоке снизился самолет Липпа.

Сидя за столом, Липп рассказывал, что, пролетая над Павловщиной, он видел самолет Купчина:

— Подумайте, — улыбнулся Липп, — дождь проливной, а на верхней площадке мотора танцует балерина!

— Вы дали концерт на самолете? — удивился Швец.

— Конечно, — ответила Ольга, — жаль только, что товарищ Липп был нашим единственным слушателем и зрителем. . .

Незаметно прошел день.

В восемь вечера в городском театре бригада дала второй концерт. С концерта артистов провожала к аэропорту шумная толпа.

В этот вечер бригадир записал в своем дневнике:

«Сегодня мы выступили в Игарке со вторым концертом.

Когда, в какое время суток состоялся концерт — трудно сказать. Время здесь резко отличается от московского, а если судить по солнцу, то оно стояло высоко над горизонтом, когда мы шли на концерт и когда возвращались домой.

Сейчас, когда я пишу эти строки, учреждения, универмаг, парикмахерская и фотография закрыты. Это значит, что наступила вторая половина суток, ее принято называть ночью.

Наступила ночь, но солнце весело заглядывает в наши окна.

... В клубе во время антракта ко мне подошел представитель политотдела. Он попросил отправить группу артистов в Туруханск.

После концерта я объявил бригаде о составе группы, которая завтра отправится в путь».

В Туруханске

Двенадцатого июля в восемь часов утра самолет Яна Степановича Липца «МБР-2» оторвался от воды и пошел ввысь.

После перелетов и концертов в Игарке хотелось выспаться и отдохнуть, но в Туруханске ждут концерта — отдыхать некогда. Артисты снова на борту самолета.

Самолет, который еще недавно было привычно видеть только высоко в небе, стал основным средством передвижения. Теперь жизнь протекала, главным образом, на самолете и на сцене и лишь в промежутках между первым и вторым — на земле.

— Вы знаете, — сказал Габович, когда самолет приближался к Туруханску, — за эти дни я так привык к перелетам, что переброжки нашей бригады на расстояния, равные, допустим, расстоянию между Москвой и Ленинградом, напоминают мне трамвайные поездки в Покровское-Стрешнево или в Сокольники, только без давки, ругани и распросов: «скоро ли слазите».

Триста пятьдесят километров от Игарки до Туруханска самолет прошел в течение полутора часов.

Артисты прилетели в час тридцать минут по туруханскому времени.

Встретили их необычайно тепло. Школа, где им отвели комнаты, была украшена зеленой хвоей, плакатами и лозунгами. В одном из просторных классов висела карта с маршрутом бригады Большого театра и был накрыт обеденный стол. На уголках скатерти школьницы вышили эмблемы, изображавшие серп, молот и лиру. В соседних комнатах у постелей на столиках лежали папиросы, блокноты, и стояли вазы с цветами.

Зал Туруханского клуба рассчитан на двести пятьдесят — триста человек, но побывало на концерте около пятисот. Среди зрителей было много националов: кето, эвенков, селькупов.

Во время антрактов они приходили за кулисы, расспра-

пивали о Сталине, о Москве, о Большом театре, говорили, что впервые видят музыкальные инструменты, но умеют петь и очень хотели бы научиться играть.

За кулисами артисты познакомились с председателем райисполкома и секретарем райкома. Из беседы с руководителями города они узнали, что представлял собой Туруханский край до революции и чем он стал за последние годы.

Вот характерный штрих. Во время империалистической войны на весь Туруханский край, простиравшийся на тысячу двести километров к югу от Курейки, была одна школа, да и та могла разместиться на четырех партах. В школе училось три национала и пять русских детей — все они были сыновьями крупных торговцев. А теперь в одном Туруханском районе тридцать три школы: одна средняя, две неполных средних и тридцать начальных.

Прощаясь с артистами, председатель райисполкома сказал, что развитие национального искусства одна из очередных задач местных работников и что в будущем году, если бригада Большого театра вторично приедет в Туруханск, он покажет ей олимпиаду художественной самодеятельности Туруханского района.

В Туруханске артисты дали два концерта подряд. Второй концерт кончился поздно вечером, но и здесь солнце стояло высоко в небе, и по пути в школу все недоверчиво поглядывали на часы.

Еще утром самолет Липпа направился с грузом в Красноярск. Концертная группа боялась, что задержится в Туруханске, но долго ждать okazji на обратный путь не пришлось. На следующий день появились два самолета, путь их лежал на Игарку, и летчики охотно согласились принять на борт артистов.

До вылета из Туруханска артисты побывали в домике, где жил в годы ссылки Яков Свердлов, и с волнением переступили порог камеры-одиночки в бывшем доме градоначальника, где когда-то по пути на Курейку четыре дня находился в заключении Иосиф Виссарионович Сталин.

Последние новости

В Игарке артисты рассказывали о том, как тепло и гостеприимно встретили их жители Туруханска.

— Все, что я выслушал, больше чем интересно, — улыба-

нулся пианист Васильев, — а теперь позвольте мне сообщить, что вас поджидает неприятный сюрприз.

— А именно?

— Не торопитесь. Сперва я ознакомлю вас с последними новостями. Вчера мы успели дать два концерта...

Васильев подошел к столу и, подозвав товарищей, показал им статью, опубликованную в игарской газете.

Вот отрывок из этого отчета о первом концерте бригады:

«Восемь часов вечера. Клуб переполнен зрителями. У подъезда шумная толпа желающих попасть в зал. Все хотят побывать на концерте. Ведь сегодня выступают артисты Большого театра.

... Занавес поднят. На сцене заслуженная артистка Республики Кандаурова.

... Русский танец в исполнении Кандауровой произвел на зрителей очень сильное впечатление.

После Кандауровой выступал артист оркестра П. Г. Швед. Он с замечательным мастерством исполнил на баяне чардаш Монти, русскую народную песню и «Колхозную деревню». Во втором отделении он же играл мелодию Массенэ из оперы «Таис», мазурку Венявского и канцонетту Амброзио...

Горячими аплодисментами благодарили игарцы Тамару Каченко и Игоря Лентовского за исполненные ими балетные номера.

... Большую часть второго отделения занял солист оперы П. И. Селиванов. Его пение глубоко и выразительно. Перед нами возникали образы холодного разочарованного Онегина, пронырливого Фигаро из «Севильского цирюльника» и развязного волокиты-маркиза из оперетты «Корневильские колокола».

Рядом с отчетом были опубликованы отклики зрителей:

«Из прожитых мною тридцати восьми лет, — писал стахановец-слесарь затона Белоусов, — я впервые видел и слышал артистов Большого театра. Хотя я не очень грамотен, я научился читать и писать лишь при советской власти, мне приходилось читать о мастерах советского искусства.

Замечательные люди! Как радостно видеть их у нас в Заполярной Игарке.

С огромным наслаждением я прослушал первый концерт. Я глубоко благодарю за заботу о людях Заполярья Отто

Юльевича Шмидта, приславшего к нам лучших представителей советского искусства. Я глубоко благодарю товарищей-артистов за их приезд и за то, что они своим искусством помогают нам в великом деле освоения Крайнего Севера».

«С огромным вниманием, — писал бригадир краснознаменной бригады Карской экспедиции П. Юдин, — следил я за концертом артистов Большого театра. Особенно понравились мне выступления заслуженной артистки Республики Кандаруровой, артистки Ткаченко, пианиста Васильева и скрипача Швец — они выступают с душой. Их трудно забыть».

— А теперь, — сказал Васильев, когда артисты закончили чтение, — я сообщу вам неприятное известие. Завтра мы едем в оленеводческий совхоз «Потапово».

— Почему же это неприятное известие или, как ты раньше сказал, неприятный сюрприз?

— Да потому, что мы не летим, а едем — вернее, отправимся в совхоз на гидрографическом судне «Циркуль».

В оленеводческом совхозе

Тринадцатого июля «Циркуль» бросил якорь у пристани, неподалеку от оленеводческого совхоза «Потапово».

Бригаду никто не встретил. Захватив чемоданы с костюмами и реквизитом, она направилась в дирекцию совхоза.

Директор принял гостей не очень приветливо.

— Я знал о вашем приезде, — сообщил он, — меня известили радиogramмой. Я вам рад, но должен сознаться, что меня куда больше волнуют другие вопросы. Мне нужен бухгалтер. Он по крайней мере поработал бы год, а вы дадите концерт, и поминай как звали.

— Все это так, — ответил бригадир, — однако за неимением бухгалтера пока придется довольствоваться музыкой, пеньем и танцами Большого театра. Но где мы будем выступать?

— Не знаю. В нашей школе есть маленькая эстрада. Пожалуй, это самое удобное помещение.

Директор вызвал секретаря и попросил проводить артистов.

Потаповская школа очень невелика: длина класса, где находилась эстрада, не превышала восьми, а ширина трех метров.

лишнюю мебель и устроили в примыкавшей к эстраде маленькой комнате артистическую уборную.

— А теперь нужно созвать народ.

Несколько ребяташек предложили артистам свои услуги и обошли с ними поселок.

В шесть часов начался концерт. В зале собралось около ста человек. Зрители стояли у входа, у стен, у окон, тесно прижавшись друг к другу. Было жарко, душно и шумно. Но едва на эстраду вышел Швец, зал притих. После баяниста выступала балетная группа. Она была в затруднительном положении. Многие зрители сидели у самой эстрады. Доски эстрады прогибались под ногами, и каждый танцующий рисковал задеть ногой кого-нибудь из зрителей.

В Потапове артисты не только пели и танцевали, они получили еще одну дополнительную нагрузку. Во время концерта в «артистическую уборную» пришло несколько женщин с грудными детьми. Здесь, чтобы не мешать публике, матери успокаивали крикливых детишек. Артисты решили, что зрителей не следует отрывать от концерта, послали их в зал и принялись по очереди нянчить ребят.

Неприветливо встретили бригаду в Потапове, но как ее провожали! Зал ликовал. На эстраде появились цветы. Директор был так растроган, что со слезами на глазах извинялся за негостеприимную встречу.

Холфин предложил сфотографировать артистов и зрителей, все охотно согласилось, вышли на улицу и принялись оправлять одежду и приглаживать волосы.

Среди зрителей была старуха, которая очень неохотно пошла на концерт:

— Я век о театре не слышала и слышать не хочу.

Тамара Ткаченко привела ее за руку.

Когда Холфин спрятал в футляр фотоаппарат, на который подозрительно косилась старуха, она подошла к Тамаре и, обнимая ее, восторженно сказала:

— Спасибо, что привела, спасибо, дочка. Век не забуду!

Ночью после концерта артисты отправились вниз, по Енисею в Усть-Енисейский порт.

Усть-Порт расположен за шестьдесят девятым градусом северной широты, в двух тысячах километров от железнодорожной магистрали. В Потапове артисты видели зеленые пастбища, а в пути между Дудинкой и Усть-Портом берега, покрытые еще не оттаявшим снегом.

На консервном заводе

Два культурных события произошли в Усть-Енисейском порту 15 июля 1936 года. На рейде стал присланный Игарским политотделом культбот «Комсомолка», и в тот же день на берег высадилась группа артистов Большого театра.

Когда «Циркуль» приближался к поселку, артисты увидели оживленную пристань.

С промыслов то и дело подходили к причалам шхуны, боты, рыбацкие и катера, залитые сверкающими серебряными осетрами, максуном и стерлядью.

Везде кипит работа. Тут разгружают рыбу, там ее несут в корзинах к подводам и грузовым автомашинам...

... Бригаду встретили рабочие и руководители консервного завода.

По пути к заводу секретарь партийного комитета сказал, что в Усть-Порту с нетерпением ждут концерта, что выездная редакция газеты «Большевик Заполярья», работающая на путине, посвятила приезду бригады статью и опубликовала несколько писем стахановцев.

Он вынул газету и прочел вслух:

— «Какое замечательное событие — артисты оперы и балета на Севере, в Заполярье, в Арктике. Ударной работой на консервном заводе, на ловле рыбы, на вождении судов мы отблагодарим страну, партию и правительство за сталинскую заботу о нас».

Это писали рыбаки, стахановцы путины.

До концерта бригада осматривала завод.

В 1936 году завод должен выпустить миллион банок консервов. Но рабочие решили перевыполнить план и дать миллион двести тысяч банок.

— Работа у нас идет неплохо, — говорил директор, показывая цеха своего завода. — За первые пятнадцать дней этого месяца мы дали сто семьдесят тысяч банок консервов. Рыбы на Енисее много. Нам только давай! Законсервируем.

Усть-Енисейский порт успел прославиться в крае образцовой больницей, школой и радиостанцией, а популярность молодого консервного завода — ровесника Игарки — давно вышла за пределы нашего Союза. Вы только намекните директору, и он охотно затащит вас в свой кабинет, выдвинет ящик письменного стола и покажет пачку бумаг. Не беда, если вы не знаете европейских языков. Вы можете поверить директору, он вам прочтет и не без гордости переведет от-

звывы иностранных торговых фирм о высоком качестве стерляди и осетра Усть-Енисейского рыбоконсервного завода.

В день приезда артисты дали в Усть-Порту два концерта и, даже не отдохнув, направились в Дудинку.

За кулисами

И здесь бригада успела выступить два раза. Концерты шли точно киносеансы: первый начался в восемь, второй в половине одиннадцатого.

На концертах побывали местные жители и гости из далекой тундры: ненцы, саха, эвенки.

После второго концерта за кулисами собралась шумная толпа зрителей.

Молодой ненец горячо пожимал артистам руки:

— Зовут меня Михаилом, — стрекочендовался он, — я вчера прилетел на самолете из Авамской тундры, поручили мне товары заказать для аймака. Куда как понравился мне ваш концерт. Нам бы ваши песни на нашем языке петь.

Лицо его покраснелось, глаза горели.

— У нас в тундре, — продолжал он, с интересом рассматривая скрипку, — много артистов: поют, танцуют, а скрипки в глаза не видели. Вы приезжайте к нам, хорошо угостим: лучшей олениной, лучшей рыбой, а вы научите нас играть.

— Приезжайте, да поскорей! — перебил его старик в стеганой ватной куртке.

Это был знатный охотник Семен Прокофьевич Потапов.

Он поблагодарил артистов за концерт и, сам не замечая того, начал рассказывать о своей жизни.

Всего три дня как Семен Прокофьевич приехал в Дудинку. Последние пять лет он непрерывно кочевал по Плахинской тундре. Много километров пробежал он на лыжах по крепкому снежному насту, выслеживая или преследуя пушного зверя.

Недавно Семен Прокофьевич за перевыполнение плана заготовки пушнины получил премию.

В Дудинку старый охотник приехал по делам, с поручением сделать заявки на товары. Кроме того у него было много мелких забот: ему уже давно надоело жить в чуме, который отапливается по-черному, и он решил купить большую чугунную печь. Дочь просила его привезти швейную машину, зять — велосипед, соседка-охотница — пятнадцать метров сукна, шелку на три платья и бисер, сосед — кожаный костюм, че-

модан, часы и ларец для чайной посуды, а себе старик хотел приобрести новое ружье, полевую сумку и зажигалку.

Хотелось ему также повидать внучку, которую недавно отвезли в Дудинку, где она учится и живет в школьном интернате.

В Дудинке Семен Прокофьевич не был много лет.

Стоя на палубе парохода, он с удивлением смотрел на приближающийся поселок и не узнавал в нем старого зимовья.

Выйдя на берег, он совсем растерялся: кругом построены дома, в разные стороны расходятся широкие деревянные дорожки, не знаешь, куда идти.

Поднимаясь в гору, Семен Прокофьевич увидел красивое двухэтажное здание. Это была школа, где училась внучка.

Старый охотник навестил внучку, осмотрел школу и пошел в магазин.

Стоя у прилавка, он вспоминал о том, как торговали в старые времена купцы.

Приезд купца был большим событием в жизни поселка.

Товар у купца помещался в небольшом сундучке — там было несколько коробок спичек, две-три осьмушки махорки, иголки, нитки, шилья и пара бутылок водки.

Купец приезжал налегке, чтобы успеть раньше других завладеть шкурами.

Обычно «торговля» начиналась с того, что купец продавал бутылку чистой водки, а порой угощал и даром.

Но едва охотник начинал пьянеть и вновь требовать водки, купец, разбавив ее водой, продавал втридорога.

Уже совсем пьяным он продавал чистую воду, а так как охотники расплачивались пушиной, все шкуры, добытые ими за долгую полярную ночь, вскоре переходили в сундучок хищника.

... Вечером в день приезда Семена Прокофьевича Потапова его пригласили в звуковое кино.

— Совсем как живые, — шептал он, с волнением прислушиваясь к голосам матросов из Кронштадта, глядевших на него с экрана.

После сеанса охотник решил, что, вернувшись домой, пошлет посмотреть картину зятя с дочерью.

— Уж больно переменялась Дудинка, — волновался старик, рассказывая артистам о том, что поразило его за последние дни, — да и жизнь не сравнишь с прошлой. Подумать только: я премию нынче получил, закупил товаров, что и не

пересчитать. Вчера узнал, что пенсию назначили, кино видел, а сегодня на концерт пришел с внучкой.

И ласково поглаживая головку внучки, которая стояла рядом, он промолвил:

— Ну что ж, пожалуй и она тоже... артисткой будет.

... Заведующий клубом рассказал участникам концерта, что в Дудинке не так давно организован кружок самодеятельности, с увлечением говорил о спектаклях, которые готовит кружок.

Среди зрителей, собравшихся за кулисами, было много кружковцев. Селиванов провел с ними беседу о задачах самодеятельности и передал заведующему клубом часы.

— Эти часы, — сказал Селиванов, — вы подарите лучшему участнику смотра художественной самодеятельности.

Бригада распрощалась со зрителями и уже собралась на пристань. В это время за кулисами появился недавно прилетевший в Дудинку легчик Козлов и предложил артистам отправиться в Игарку на его «Дорнье-Валь».

Двенадцать дней в Игарке

Не прошло и двух часов, как самолет доставил концертную группу в Игарку.

Уже наступила ночь, но солнце ярко светило, спать не хотелось, и все разошлись по городу.

Возвращаясь домой, Тамара Ткаченко и Игорь Лентовский встретили начальника порта.

— А вы знаете, — сказал он, — ваш приезд совпал с пятилетним юбилеем летчика Липпа. Ровно пять лет, как Ян Степанович начал работать на Крайнем Севере. Сегодня он получил множество приветственных телеграмм.

Заговорив о Липпе, он увлекся и, поминутно повторяя: «Это замечательный, замечательный человек», рассказал его историю.

... Весной 1931 года в восьмидесяти километрах севернее полярного круга, на Игарскую протоку Енисея плавно спустился гидросамолет «Комсеверопуть-2».

В то время на берегу протоки стояло два десятка небольших домиков и лениво клубился дымок из трубы первого полукустарного лесозавода. Вокруг на сотни километров расстилалась болотистая тундра, покрытая однообразным кустарником.

Зимовщики беспорядочной толпой бросились к берегу. Многие из них впервые видели самолет.

В тот день произошло первое знакомство Яна Степановича Липпа со строителями заполярного города.

Старый, опытный пилот, имевший за плечами десять лет безупречной службы в морской авиации и Красной армии, прилетел в Игарку, чтобы проложить воздушную трассу на Север.

О перевозке пассажиров и грузов тогда еще не мечтали: авиационный парк Красноярска состоял из одной машины — той самой, на которой прилетел Ян Степанович.

Спустя год была открыта авиалиния Красноярск—Диксон. Начальником линии был назначен Ян Степанович Липп. В его распоряжении была одна машина «ЮГ-1» и пилот Василий Сергеевич Молеков.

Годы освоения этой трассы — годы героического самоотверженного труда. После нескольких десятков удачных летних перелетов была поставлена задача — освоить зимнюю трассу.

15 января 1934 года в разгар лютой полярной зимы самолет Липпа «Н-33» направился в Игарку, и с тех пор начались регулярные зимние полеты.

А спустя еще два года Ян Степанович открыл авианавигацию по другим трассам.

— Возьмите карту, — продолжал начальник порта, — и найдите эти точки. Определите расстояние между ними. Возможно, вам покажется, что эти расстояния равны нулю в сибирских масштабах. Но этот вывод будет опрометчив. Больше чем опрометчив — открытие авианавигации на самой короткой линии Крайнего Севера равносильно открытию новой страны. Но вы артисты, и вам это довольно трудно понять.

Начальник умолк. Перед артистами вырос образ замечательного большевика-летчика Яна Степановича Липпа.

Не коммерческие расчеты хозяина-предпринимателя и не спортивный азарт руководят нашими славными Колумбами и Магелланами воздуха, а любовь к родине, желание сделать родину богатой, счастливой и цветущей от края до края. К числу этих людей принадлежит отважный, высокодисциплинированный, требовательный к себе и другим, скромный большевик товарищ Липп.

... Утром, после завтрака Васильев предложил артистам пойти осматривать город.

Узнав, что бригада хочет ознакомиться с Игаркой, начальник порта заехал за ней на машине.

— по-прежнему всего я должен сказать, — заговорил когда машина тронулась в путь, — что если вы новы в Заполярье и будете искать Игарку на картах, вы можете легко сбиться с толку. Вы картам не верьте, они вас могут подвести. Если эти карты изданы два-три года назад, вы просто не найдете на них Игарки. Да, на них будет до совестно обозначена каждая населенная точка, насчитывающая хотя бы десять — двенадцать дворов, но, судя по этим картам, Игарки в природе не существует. А теперь смотрите! — он указал рукой на стройные ряды двухэтажных домов.

Город жил полнокровной жизнью. Здесь только с легковая машина, но по реке стремительно несутся дески катеров, по мостовым мчатся грузовики. Вот поднялся самолет.

— За последние годы, — улыбается начальник, — акция прочно вошла в городской быт Игарки. Вы читали сегодняшняю газету?

Развернув «Большевик Заполярья», он прочел вслух:

— «Вчера в аэропорту весь день кипела работа. В 6 часов поднялся самолет «Н-10», пилотируемый летчиком Кузнецовым, и полетел в Красноярск. В 8 часов из Игарки вылетел в Красноярск самолет «Н-33» под управлением летчика Липша. В 9 часов 25 минут прибыл из Красноярска самолет «Н-53», пилотируемый летчиком Николаевым, с четырьмя пассажирами и 250 килограммами груза и почты. Через час на воду спустился самолет летчика-орденоносца Липша. Он привез из Туруханска пассажиров... Ну вот, посмеет сказать после этого, что воздушный корабль не является в Игарке органическим элементом городского быта? Сам соединил Игарку с Красноярском и Москвой. Игарка, видите, новый город, и он уже занесен на карту мира.

Побывав в здании горсовета, артисты направились к радиостанции, затем в школы, в больницу, в филиал областного союзного института экспериментальной медицины и отравились в Лесокомбинат, снабжающий Карские экспедиции экспортными пиломатериалами. Этот комбинат — главное предприятие Игарки. Он построен в 1928 году. В 1930-комбинате работало сто человек и был всего один завод. В 1931 — были построены еще два завода. Прошел еще год и комбинат был снабжен новейшим усовершенствованным оборудованием. Из года в год растет экспорт леса. В навигацию Игарка ожидает сорок иностранных судов. Ан

чане, французы, голландцы, датчане посылают свои корабли за игарским лесом.

— А теперь я хочу показать вам наши новостройки, — продолжал начальник, когда артисты покинули Лесокомбинат. — Чего только у нас не строят? Хлебозавод, новую школу, стадион. К строительству хлебозавода приступили недавно. Сейчас ведутся земляные работы, на эти работы поставлена одна из лучших бригад землекопов — бригада Ильи Проворова. Пожалуй, сегодня мы не успеем там побывать. Хлебозавод строится около графитной фабрики в северной части поселка Пробуждение. А стадион вы должны осмотреть.

... На строительстве стадиона, как и везде, горячка. Оно должно быть закончено к началу Карской экспедиции. В дни экспедиции игарские футболисты ежегодно устраивают встречи с моряками иностранных судов, и ежегодно гости покидают Игарку, оставаясь восхищенными спортивной культурой, ловкостью, физической силой и сыгранностью своих победителей.

В этом году футболисты будут играть на новом грандиозном стадионе, построенном по всем правилам европейской техники, да еще под музыку духового оркестра.

В последние дни в жизни города заметно особое оживление — Игарка готовится к восьмой Карской экспедиции: все спешат, все заняты делом. Как не похожа эта картина на жизнь дореволюционной, уездной, обломовской России!

Еще недавно артисты думали, что увидят в Игарке холодные скалы, глетчеры, снег и жилье вроде эскимосских чумов, а увидели благоустроенный советский город. На каждом шагу они сталкивались с неожиданностями. Больше всего еще в первый день приезда их поразили цветы. Здесь на каждом шагу газоны и клумбы, куда ни кинешь взгляд — цветы. Краски их необычайно ярки.

Не только цветы выращивают полярники на холодной земле Игарки. В один из первых дней после приезда артистов их угощали помидорами и огурцами, выращенными в игарских теплицах, а когда бригада осматривала город, колхоз имени Кирова приступил к выбору редиса.

— Кто говорит, что в Арктике нельзя сеять пшеницу и сажать овощи? — спрашивает начальник. — На днях в Игарку выехал из Москвы профессор Шитт, он собирается заняться здесь даже ягодоводством. Пока у нас нет своих ягод, но вчера самолет доставил сто двадцать девять килограммов саженцев земляники, яблони и вишни, скоро они будут вы-

меню появится земляника.

В этот день артисты были полны мыслями о замечательном городе, расположенном за шестьдесят седьмым градусом северной широты.

Игарке пять лет. За пять лет в далекой Арктике, куда во времена царизма редко заходили смельчаки полярные исследователи, вырос новый город — столица советского Заполярья.

... Двадцатого июля в Игарском клубе состоялся смотр самодеятельности. Молодежный драмкружок показал третий акт пьесы «Половодье». Затем с песнями и танцами выступали школьники. Даже самый придирчивый из присутствовавших на смотре артистов балета Габович восхищался школьницами Галей Петровой и Ниной Шаверневской, великолепно исполнившими норвежский танец и ритмический этюд. Строгий судья Селиванов одобрительно высказывался о вокальных данных детского хора, около часа беседовал с ребятами и дал им много полезных советов.

После смотра артисты решили, что, вернувшись в Москву, поставят перед т. Керженцевым вопрос об отправке в Заполярье квалифицированных организаторов самодеятельного искусства.

— Да, это необходимо, — говорила Кандаурова, — тут много талантливых ребят. С Керженцевым надо потолковать, а пока мы поговорим в горсовете. Пусть они организуют в пиколе преподавание ритмики и пластики...

... Двадцать пятого июля на заседании горсовета, горкома и лучших стахановцев города подводились итоги работы бригады Большого театра.

Этот день надолго запомнила Тамара Ткаченко. На заседании она впервые в жизни выступила с речью.

Тамара рассказала о том, как артисты Большого театра провели двадцать три концерта, о том, как зимовщики и жители тундры любят искусство, о том, что после концертов она читала на лицах зрителей улыбки благодарности.

Тамара отчиталась в своей работе за двадцать больших в ее жизни дней, и когда она кончила говорить и села на свое место, Ольга написала ей записку: «Молодец, хорошо выступала».

Тамара обиженно ответила:

— Хорошо тебе, ты всегда на партийных собраниях выступаешь, а мне-то каково, впервые!

После артистов выступали стахановцы.

— Сегодня, слушая наших гостей, — начал свою речь рабочий Лесокомбината Лаврищев, — я вспоминал годы, прожитые в Игарке. Я провел здесь пять лет. Приехал в 1931 году. Высадили нас на болоте и говорят: «Тут вы должны построить город». Новый город! А были тут по тем временам одни болота. Трудно приходилось нам, но полярники умею работать без усталости. Поработали пять лет и построили за шестьдесят седьмой параллелью новый город. Вот и вы к нам приехали, дорогие московские гости. Недаром в проекте Сталинской Конституции записано, что граждане Советской страны имеют право не только работать, но и отдыхать.

— У нас сейчас горячие дни — приближается Карская экспедиция, — рассказывала стахановка Лесокомбината Гончикова, — мы напрягаем все силы, чтобы успешно подготовиться к встрече советских и иностранных судов. Но, как много нам ни приходилось работать, когда бывали ваши концерты, мы, не победив, спешили в клуб. И сейчас от имени игарских женщин-стахановок я хочу поблагодарить вас за то, что, слушая ваши концерты, мы отдыхали и после них могли с новыми силами приниматься за работу.

На заседании присутствовал парторг Усть-Порта. Он передал артистам благодарность от рабочих консервного завода. С волнением рассказывал он о творческом подъеме, который вызвали в порту выступления концертной группы.

— За две недели, — говорил он, — рабочие дали восемь с половиной тысяч банок консервов. Это их ответ на приезд московских артистов.

Итоги были подведены. В телеграмме на имя редакции «Советского искусства» бригада сообщила, что, хотя из-за атмосферных условий маршрутный план не выполнен, концертов дано больше, чем предполагалось:

«По первоначальному плану мы должны были дать двадцать концертов, но мы уже дали двадцать восемь и оказали посильную помощь художественной самодеятельности. Горком и горсовет Игарки отметили высококачественную работу бригады. Несмотря на трудности, настроение у всех бодрое, и все полны решимости лететь на Диксон».

После заседания бригада дала прощальный концерт. Этот концерт был не совсем обычен. Вход в горсовет за ночь был превращен в эстраду, площадь была радиофицирована. Артисты выступали под открытым небом и слушала их вся Игарка: зрители расположились перед эстрадой, на эстраде, на балконах и крышах.

Едва кончилось выступление бригады, начался митинг.

Полярники благодарили участников концерта и выражали надежду, что дружба игарцев с Большим театром будет укрепляться с каждым годом.

На митинге было решено переименовать лучшую в городе Экспортную улицу в улицу имени Большого театра.

С прощальным концертом артисты выступили двадцать пятого июля. Двадцать шестого в Игарку приехала бригада Малого театра.

Снова состоялся митинг. Под бурные овации нескольких тысяч человек встретились представители двух старейших театров, близких соседей в Москве.

Выступая на митинге, игарцы приветствовали приехавших и уезжающих. От имени «старых игарцев», артистов Большого театра, Габович приветствовал смену.

После митинга начались расспросы. Актеров Малого театра интересовало, как их товарищи переносят полеты. Певцы и артисты балета с гордостью рассказывали о полетах и только вскользь, небрежно упоминали о качке.

Двадцать восьмое июля артисты провели в ожидании летчика Липпа, он вылетел из Красноярска в Игарку и должен был из Игарки следовать на Диксон.

В ночь на двадцать девятое в общежитие артистов пришел работник политотдела.

— Завтра на рассвете вы летите двумя самолетами в Дудинку. — сообщил он, — там вы пересядете на «Дорнье-Валь» и отправитесь дальше, на Диксон. Лишние вещи и чемоданы останутся здесь. Захватите на обратном пути. Самое необходимое — зубную щетку, мыло, полотенце и сетку от комаров — можно взять с собой...

На рассвете бригада тронулась в путь.

В ожидании летной погоды

И снова самолеты над Енисеем. Снова внизу по широкой ленте реки медленно ползут черные силуэты кораблей и барж.

Прошло полтора часа. Самолеты снизились в Дудинке. Вскоре на рейде появились самолеты, с которыми артисты должны были лететь на Диксон, но с Диксона сообщили, что бухта еще не очистилась ото льда и самолету негде снизиться. Пришлось подумать о ночлеге.

Мужчины заняли одну из комнат фактории Севморпути, женщины остановились в школе.

В восемь часов вечера бригада дала концерт. На следующий день Борис Холфин каждые три часа бегал на радию за метеосводками и, возвращаясь, говорил упавшим голосом: — Ничем не могу порадовать.

Прошел еще день. На рассвете артистов разбудил шум ветра. Ветер был так силен, что многие не решались выйти на улицу. Шторм продолжался до позднего вечера. В доме, где расположились артисты, стало так холодно, что пришлось затопить печи.

Тамара Ткаченко и Ольга Моисеева провели вечер на метеостанции. Они научились принимать метеосводки, по очереди записывали их и сообщали товарищам последние новости. Сводки ничего хорошего не предвещали.

На следующий день пришла радиограмма о том, что бухта очистилась. Все было готово к полету, но ветер дул с прежней силой, и самолеты не могли тронуться в путь.

— Летной погоды и завтра не будет, — говорили местные работники.

Медленно тянулись томительные дни ожидания. Артисты писали дневники, перечитывали письма из дому, дежурили на метеостанции. В Дудинке все часто подтрунивали над Ольгой. У Лентовского разболелись зубы, а походная аптечка как на зло осталась в Игарке.

Наконец бригада начала не на шутку волноваться. Из Игарки пришла радиограмма, и артисты узнали, что в связи с ухудшением погоды политотдел решил вернуть их в Красноярск. Когда бригадир зачитал радиограмму, артисты решительно заявили:

— Мы не вернемся обратно, пока не побываем на Диксоне.

— О возвращении в Красноярск и говорить нечего! — волновалась Тамара. — Жаль только, что мы прилетим на Диксон с опозданием и не успеем на обратном пути дать в Игарке несколько концертов. А следовало бы, ведь началась Карская, в Игарке много иностранных моряков, вряд ли они часто бывают в театре у себя на родине.

Утро принесло радостное известие. Политотдел сообщил по радио, что самолеты могут направиться на Диксон.

Узнав об этом, артисты, торопливо накинув пальто, бросились к самолетам.

— Честное слово, мы с погодой точно в перегонки играем, — смеялся Селиванов, — кто раньше поспеет, тот и хозяин положения.

... Диксон направится только один «Дорнье-Валь» и что он не сможет забрать всю бригаду.

Артисты боялись, что испортится погода, каждый старался попасть в первый рейс.

Завязался спор, летчик торопил артистов, но они не обращали на него внимания. Трудно сказать, как долго продолжался бы спор, если бы молча следивший за товарищами бригадир не заявил:

— Оставим разговоры. Этот вопрос буду решать я.

... Самолет тронулся в путь.

На борту Кандаурова, Ткаченко, Селиванов, Лентовский, Габович и Васильев.

Задков обещал быстро слетать и вернуться за оставшимися.

На Диксоне

Самолет шел к финишу. Артисты увидели слабые очертания острова, напоминающего по форме подкову.

Диксон затерялся в тумане. Зимовщики зажгли маяк.

Летчик определил расположение бухты по радиомачтам и пошел на снижение. Когда самолет был у самой воды, из тумана вынырнула огромная льдина, видимо занесенная в бухту шальным ветром. Летчик снова взял высоту и вскоре вторично пошел на снижение.

Не прошло и пяти минут, как артисты, стоя на крыльях самолета, приветствовали стоявших на берегу зимовщиков.

К самолету подошел катер. Еще несколько минут, и артисты на берегу.

Снег. Это было первое, что они увидели. Они обеими ногами стояли в снегу.

Бригаду встретили старые диксоновцы во главе с начальником полярной станции Боровиковым.

— А вы, должен заметить, — улыбался начальник, пожимая гостям руки, — прилетели к нам с первым рейсовым самолетом после вскрытия льдов.

— Да, — отвечал Габович, — в этом году мы открыли здесь авианавигацию.

В одиннадцать вечера артисты проводили Задкова в Дудинку. После проводов, ровно в полночь, при ослепительном солнечном свете начался первый концерт в кают-компании Диксона.

— Я все еще не могу поверить, что вижу московских артистов, — говорил во время антрактов начальник зимовки.

На следующий день прилетела вторая группа.

— Как я рада, что не попала в первый рейс, — захлебываясь от восторга, рассказывала Ольга, — вы меня не взяли на самолет, зато я летела, сидя рядом с пилотом в кабине.

Вскоре бригада дала второй концерт. На концерт собрались все зимовщики, исключая вахтенных. Шумно и весело проходил концерт в необычной обстановке. Из «зала» то и дело «заказывали» номера, и артисты охотно выполняли требования публики. На Диксоне бригада не может долго задерживаться. Надо поторопиться с осмотром зимовки.

... Многие поразило артистов. И здесь они увидели цветы. Газоны и клумбы рядом с еще не стаявшим в канавах и ложбинах снегом казались декоративными украшениями из оперы или балета, а между тем это были настоящие живые цветы. Но самым удивительным было то, что сделал здешний маг и волшебник Александров.

Московская Тимирязевская академия хорошо знает своего питомца, молодого советского агронома Александрова. За его работой с большим вниманием следят ученые СССР.

Всего год как Александров поселился на Диксоне. С его приездом среди вечных льдов появилась самая северная в мире плантация. С площади этой плантации, равной всего двадцати одному квадратному метру, столовая круглый год получает свежие огурцы, помидоры, укроп, салат, щавель и зеленый лук. Уже созрела в теплицах Александрова савойская капуста, уже тянет к земле свои отяжелевшие стебли спаржевая фасоль, уже поспели кабачки и редис. Все это культивировалось Александровым в маленькой теплице, когда за ее стеклянными переборками бушевала пурга, когда неистовые ветры наметали вокруг огромные снежные сугробы и остров затерялся в темноте полярной ночи. Эти помидоры и огурцы не видели солнца, но они очень вкусны и питательны.

Александров украсил квартиры полярников цветами. На окнах здесь и зимой и летом можно видеть цветы, а с приходом солнца перед домами появляются зеленые клумбы.

Пытливый ум Александрова не успокаивается, агроном хочет, чтобы овощи, которые боятся холода, росли в тундре.

... На следующий день Задков начал торопить с отлетом.

— Если вы не поторопитесь, я улечу без вас, — ворчал он, беспокойно поглядывая на небо.

... и артисты недоверчиво относились к арктической «кухне погоды», на каждом шагу она готовила неожиданные блюда. Но все же было принято решение дать еще два концерта — один в порту, второй — на Новом Диксоне.

Бригада разбилась на две группы и отправилась в путь вечером, собравшись в кают-компаниях, артисты делились впечатлениями.

— Портовая бухта имеет два выхода в море, — рассказывала Ольга, — я предложила Боровикову регулировать движение по примеру уличного: с одной стороны вход, с другой — выход. Боровиков говорит, что со временем, когда здесь будет сооружен большой порт, так оно и будет.

В порту концертная группа обслуживала зимовщиков и сезонных рабочих, они заняты постройкой дамбы и живут неподалеку от берега в шести домиках.

Состоялся концерт в столовой. Эстрада была сооружена из столов. Одеваться пришлось в комнате водолазов, проходить на сцену — через кухню. По поводу этой кухни много острили. После того как Шевченко покинула «сцену», Борис направился к ней с букетом, составленным из... уполовников, ложек и вилок.

Зимовщики долго не хотели отпускать гостей, вызывали без конца, да артистов особенно и не надо было просить. Если бы не эта «кухня погоды», они, пожалуй, танцевали бы и пели до позднего вечера.

— Все это больше чем интересно, — заговорила Тамара, выслушав Ольгу, — но с нашим путешествием на Новый Диксон не сравнить. До сих пор мы передвигались поездом, на самолете, на пароходе, на катере, на легковых и грузовых автомашинах, а на этот раз наша группа ехала на фанерной... ну, как ее назвать? вагонетка, кибитка, короче говоря — фанерный дом на санях.

— И тащили его собаки?

— Где там собаки... Трактор!

Новый Диксон расположен на самом северном берегу острова. Здесь высоко к небу поднялась радиостанция — это самая мощная радиостанция Арктики и Заполярья. Она работает круглые сутки, поддерживает связь со всеми действующими в Арктике судами и самолетами и ежедневно передает в Москву метеосводки.

На Новом Диксоне три дома. Один жилой, во втором радиция, в третьем баня.

Жители Нового Диксона приняли артистов в своем общезжитии. Оно напоминает просторную каюту парохода. Комнаты расположены по обе стороны узкого коридора, в конце коридора кают-компания. Здесь и состоялся концерт.

— Но как нас провожали! — закончила свой рассказ Тамара. — Слов не найду! После концерта полярники вытащили из кувшинов и ваз цветы, а кувшины и вазы там на каждом окне, и преподнесли нам букеты. Вы смотрите, смотрите, сколько цветов!

Прощай, Арктика!

Утром, находясь в маленькой комнате радиостанции, артисты беседовали с Москвой.

Не верилось, что, сидя за столом в обычной комнате, можно разговаривать с родными, друзьями и знакомыми, которые так далеко.

Трудно сказать, как долго продолжалась бы эта беседа, если бы на столе дежурного техника не лежала кина срочных радиogramм.

... В полдень выяснилось, что Задков торопился не зря. Метеостанция сообщила, что на остров надвигается циклон. Если бригада не вылетит немедленно, она может попасть в циклон или надолго задержаться.

После обеда артисты дали последний концерт. Они без конца бисировали. Лишь мрачные взоры сидевшего в зале и нервно поглядывавшего на часы Задкова охлаждали их пыл и напоминали о том, что пора в путь.

Едва Габович закончил свое прощальное приветствие, артисты направились к берегу и вскоре заняли места в катере.

В бухте ждал самолет. Вместо обычных восьми, Задков взял на борт четырнадцать человек, т. е. всю бригаду.

Последний прощальный взгляд на остров.

Нервными рывками передернулись лопасти винта. Лодки побежали по тихой воде. Самолет незаметно оторвался и, набирая высоту, пошел над Енисейским заливом.

Прощай, Диксон!

Вечером, с тремя остановками в пути, бригада прилетела в Игарку. Не верилось, что утром были еще на Диксоне и видели снег и льды.

Высадив пассажиров, Задков полетел обратно на Диксон. Бригада осталась ждать самолета начальника полярной

Шевелева так и не удалось дожидаться, но рано утром с Диксона вернулся Задков, и политотдел поручил ему доставить артистов в Красноярск.

Надо было выбирать: или лететь не всем, или оставить часть вещей. После незначительных препирательств бригада решила на обратном пути в Туруханске и Енисейске проводить концерты в сапогах и летных комбинезонах и взять только самые необходимые вещи.

Наступило время расстаться с Игаркой, которая успела стать для артистов родным «северным домом», с Игаркой, лежащей в шести тысячах километров от Москвы и в тысяче шестистах километров от железной дороги.

...Самолет поднялся к холодному мрачному небу, сделал традиционный круг и понесся на юг.

Резкий холодный ветер хлестал в борта. Через три часа показалась знакомая Курейка. Полярный круг! Все инстинктивно смотрели на часы. Селиванов записал в дневнике:

«16 часов 58 минут. Пролетели полярный круг. Прощай, Арктика! Впрочем, нет, — до свиданья, до скорого свиданья».

В Москву!

И снова бригада в Туруханске.

На этот раз ее приезд совпал со сбором призывников. Многие призывники пришли из далеких районов и никогда не видели даже примитивных музыкальных инструментов.

Едва артисты оказались на земле, началась подготовка к концерту.

Предыдущий приезд бригады всколыхнул жителей Туруханска. Во время концерта секретарь райкома с гордостью сообщил гостям, что райисполком и райком решили строить в Туруханске национальный театр селькупов и кето.

— Мы уже и средства раздобыли, все что полагается, — поспешил он разъяснить, видимо думая, что его могут назвать фантазером.

... Надо было наверстать упущенное время. Бригада то-ропилась в Москву. Едва кончился концерт, артисты, окруженные толпой зрителей, направились к самолету. Несмотря на позднее время, бригаду провожало множество туруханцев, все еще находившихся под впечатлением виденного и слышанного.

Погода портилась с каждой минутой. Казалось, на прощанье суровая природа Заполярья решила устроить артистам экзамен на выносливость. В три часа утра по местному времени самолет с трудом оторвался от бурного Енисея и пошел навстречу ветру и серому облаку тумана. Туман сгущался, ветер швырял самолет из стороны в сторону так же безжалостно, как волны бурного океана швыряют утлый рыбацкий карбас, а порой самолет начинало крутить словно бумажку, занесенную ветром под облака.

Задков снял очки. Дождь заливал их, и в них ничего не было видно. Пришлось сидеть без очков, хотя от козырька самолета и спереди, и сверху, и снизу отскакивали и больно кололи лицо тысячи брызг. Качка поминутно усиливалась и становилась все резче.

Приняв очередную, на этот раз удвоенную порцию аэрона, Селиванов разостлал пальто и, уткнувшись в угол, старался заснуть.

Кандаурова, как и обычно, спокойно сидела с книгой в руке и порой испуганными глазами поглядывала на бледное лицо Ольги.

Кто-то еще пытался острить по поводу аптечки, но никто уже не смеялся.

... Наконец Подкаменная Тунгуска. Самолет пошел на посадку. Рабочие пристани помогли артистам, имевшим не очень веселый вид, выбраться из самолета.

Через двадцать минут был готов горячий ужин, на столе появились яйца, ветчина, масло, сыр, пироги и неизменный в этих краях шоколад.

Ветер усиливался. Казалось, непогода, от которой бригада бежала с Диксона, преследовала ее по пятам. Но никто не хотел ждать утра. Артистов не останавливал ни ливень, ни туман, ни качка. Большинство голосов было принято решение лететь дальше.

Всю ночь, не переставая, лил дождь. На рассвете впереди показалось голубое небо.

Самолету удалось уйти от быстро надвигавшегося циклона: чем ближе к югу, тем становилось спокойнее.

Утром сели в Енисейске.

Сияло жаркое августовское солнце, артисты высыпали на берег и точно дети бросились на яркозеленую траву.

Вдали среди густой листвы виднелись крыши города. В полях шел сенокос. Теплый ветер доносил к реке пряный запах свежего сена.

Гамара предложила пойти осматривать город, но задком отсоветовал:

— Скоро самолет пойдет дальше.

Перед полетом артисты зашли в местную контору Севморпути. Удобная мягкая мебель располагала к отдыху.

Начальник радушно встретил гостей и угостил их завтраком. За чаем с земляничным вареньем и молоком артисты вспоминали путешествие из Туруханска в Енисейск и мечтали о том, как они в будущем году будут пить на Игарке чай с земляникой местного происхождения.

— Пора в путь!

Впереди Красноярск, а за ним долгожданная родная Москва.

Самолет снова пошел в воздух.

На левом берегу Енисея исчезает лес. Справа появились горные хребты. Все чаще мелькают селения, все чаще чернеют полосы распаханной земли. Воздух чист и прозрачен, а по Енисейскому тракту, поднимая клубы пыли, мчатся грузовики.

Кто-то с радостью отметил, что впервые за последний месяц увидел пыль.

... Вот и Красноярск.

За два летных часа бригада преодолела четыреста двадцать километров.

«Арктика далеко позади, — записал в своем дневник Игорь Лентовский, когда артисты расположились на отдых, — позади месяц интересной красочной жизни, месяц большой напряженной работы, плоды которой видишь и ощущаешь»

... Десятого августа рано утром на перроне Красноярского вокзала артисты прощались с работниками политотдела и представителями городской общественности.

Транссибирский экспресс тронулся в путь.

Через трое суток он остановился у платформы Северного вокзала.

Пробыв пятьдесят дней в поездке, из них тридцать за полярным кругом, проделав путь в пятнадцать с половиной тысяч километров на поезде, пароходе, катере, самолете, автомобиле и тракторе, дав тридцать семь концертов в Заполярье и Арктике, бригада ведущих артистов Большого театра вернулась в Москву.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ОРДЕНА ЛЕНИНА
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
МАЛЫЙ ТЕАТР

София Чекина

ПОЕЗДКА,
КОТОРАЯ
НИКОГДА
НЕ ЗАБУДЕТСЯ

1. ПЕРВЫЙ МАРШРУТ

Как обычно, стучат колеса, скрипит чугунная крышка вентилятора, колышутся тиковые чехлы на диванах. Но вы прислушайтесь к разговору:

— Где вы там забились? Когда вас надо, вас тут и нет. Дуры, право, дуры!

— Какой ты, Ермолаич! Да разве я не хозяйка! Туда сунься, за тем погляди, с ног собьешься. Я же такая заботливая, за всякой малостью сама...

— Хозяйка ты! Какое твое хозяйство-то? Грошовое. Тряпки в чулане перебирать. А тут сотни летят. Разевайте рот-то! На овсе-то не много наторгуешь. Петр Мартыныч приехал, слышишь ты!

... Кто это говорит? Это актеры Малого театра в купе у народной артистки Республики Веры Николаевны Пашенной, в манчжурском экспрессе по пути из Москвы в Красноярск репетируют «На бойком месте» Островского.

... Москва далеко позади, но словно перед глазами шумная платформа Северного вокзала.

Среди провожающих руководящие работники Главного управления Северного морского пути и Малого театра, представители печати...

Теплые слова. Горячие поцелуи. Цветы...

Так много цветов, что ими заполнены не только наши купе, но и коридор вагона и вагон-ресторан.

Нас двадцать два человека. Путь наш лежит через Красноярск, на север, в Арктику.

— В Арктику?

— Вы решились поехать в Арктику?

— Вы будете плавать в полярных морях и летать по арктическим трассам?

— Вы будете гастролировать на Игарке и Диксоне?

— Вы думаете, это легко? Нет. Не забывайте, вы не молоды, вы люди солидного возраста, у вас и нервы и сердце, да и весь организм успели основательно устать и расшататься...

С такими словами к нам часто приходили родные, старые друзья и знакомые.

Ответ был один:

— Что за вздор! Замечательная поездка. Да разве от нее можно отказаться?

Побывать за полярным кругом, увидеть Арктику и показать спектакли Малого театра героям, освоившим Советский Север, было так заманчиво и увлекательно, что мы не задумывались над трудностями путешествия и необычными средствами передвижения.

Задолго до отъезда все наши мысли были заняты гастрольной поездкой.

... Кабинет директора.

Речь идет о наступающем тридцатилетии работы Пашенной в Малом театре.

Входит Вера Николаевна.

Я спрашиваю:

— Вера Николаевна, вы окончательно решили вопрос о пьесе?..

— О какой пьесе? — перебивает Пашенная.

— О пьесе, которую мы покажем к тридцатилетию...

— Ах, к тридцатилетию!... Да, но сейчас я ни о чем не могу думать. Ничего не знаю. Все мои мысли в Арктике. Вот как вернемся — потолкуем.

... Зачеты в школе Малого театра. Ко мне подходит заслуженный артист Республики Николай Федосеевич Костромской.

— Итак, скоро в Арктику, — улыбается он, пожимая мне руку. — Скоро... скоро... Я верю в огромное культурное и политическое значение наших гастролей. Я счастлив. Да что говорить, все мы на седьмом небе.

Наконец наступил долгожданный день.

Тронулся поезд.

За окном мелькают реки, перелески, леса...

Утром и вечером релетиции в купе у Пашенной, а в свободное время знакомый разговор:

— Что нас ждет впереди?

— Как встретят нас за полярным кругом?

II. МАЛЫЙ ТЕАТР В КРАСНОЯРСКЕ

Контрасты

В Красноярск мы приехали шестого июля, в серое, дождливое утро.

Нас гостеприимно встретили начальник политотдела, работники партийных и советских организаций.

После крепких рукопожатий, заняв места в автобусах, мы отправились по размытой дороге в отведенные для нас квартиры.

Театр пробыл в Красноярске одиннадцать дней. Мы успели ознакомиться с городом и побывали в его окрестностях.

— Но вы смотрите, здесь на каждом шагу контрасты! — часто повторяла Паппенная, когда мы осматривали город.

— Да, контрасты на каждом шагу, — соглашался Николай Федосеевич.

Красноярск — столица молодого Красноярского края — поражает внешней противоречивостью. На центральных улицах новые дома, большие благоустроенные магазины, кинотеатры, но только эти улицы вымощены. По остальным в дождливую погоду трудно пройти и не менее трудно проехать. Здесь рядом с прекрасными зданиями часто попадаются старые, ветхие домики; и не только здесь, но даже на главной улице, идя по вечерам на спектакль, мы не раз должны были уступать дорогу стаду коров, торжественно шествовавших по мостовым и тротуарам.

Противоречия на каждом шагу. В жаркий летний день приятно посидеть в парке культуры, но по пути в парк можно задохнуться от пыли. Когда нет дождя и светит солнце, Красноярск превращается в пыльное царство. Над городом проносятся тучи пыли, вы чувствуете пыль на зубах, часто протираете глаза и после прогулки находите песок даже в карманах.

— Вас поражают контрасты, — улыбался начальник политотдела, когда мы делились впечатлениями от города. — В прошлом году они поразили бы вас куда больше, а скоро все они уйдут в прошлое. Там строят, тут мостят...

Не только город меняет облик. Красноярский край — огромный, необъятный по своей территории, с разнообразным и по национальности, и по культуре, и по бытовому укладу населением, с парадностями и оседлыми и кочевыми — из дикого захолустья превращается в цветущую землю.

... Каждый день, прожитый в Красноярске, приносил новые впечатления. Трудно забыть встречи с красноярскими большевиками, трудно забыть красноярских зрителей. Но когда рассказываешь о наших гастролях, ярче всего вспоминается физкультурный парад, посвященный Дню Конституции.

День был нестерпимо жаркий, город затерялся в облаках пыли, а мы, не обращая внимания на пыль и солнце, стояли на площади Революции.

Перед нами прошло больше десяти тысяч физкультурников.

Вот идет Техникум физической культуры — колонна жизнерадостных юношей и девушек, задорных, сильных, они шагают стройными, выверенными рядами.

Вот вторая колонна, за ней третья, четвертая — и так без конца.

Запомнился лозунг над колонной Осоавиахима: «Снайпер — и один в поле воин», трудно забыть замечательные колонны динамовцев, водников, лыжников и колонну детей с моделями самолетов и планеров, рядом с которыми мирно уживались игрушки.

Все это сливалось в такую блестящую иллюстрацию счастливой жизни и так убедительно говорило о смелости и дисциплинированности нашей молодежи, о ее любви к родине, к партии, к родному, великому Сталину, что трудно было остаться только зрителем — хотелось примкнуть к этим стальным рядам и долго-долго идти с ними.

В тот день мне вспоминались слова начальника политотдела о том, что контрасты Красноярска скоро уйдут в прошлое. Скоро, скоро так оно и будет.

Спектакли Малого театра в Красноярске

В Красноярске по заданию горсовета мы дали тринадцать спектаклей. Они были показаны в драматическом театре и на сцене Дворца культуры.

Судя по тому, что нам рассказывали о работе Красноярского театра представители печати, работники партийных и советских организаций, красноярский зритель не избалован хорошими спектаклями. Возможно, что отчасти и поэтому — Малый театр был встречен восторженно.

Весь показанный в Красноярске репертуар — «Любовь Яровая» К. А. Тренева, «На бойком месте» и «Без вины вино-

ватые» А. Н. Островского и «Женитьба Белугина» Островского и Соловьева — был принят необычайно горячо.

В Красноярске работа Малого театра протекала в окружении большого внимания и сердечности.

Нам говорили, что Красноярск не театральный город, что он равнодушен к искусству. Готовясь к первому спектаклю, мы были тревожно настроены. Но едва кончился первый акт, как все мы лишний раз убедились в том, что советский зритель ценит и понимает искусство на всей необъятной территории нашего Союза, но зритель вырос, его уже не удовлетворяет суррогат, он требует от художника большой творческой правды.

Среди актеров Малого театра, принявших участие в гостевой поездке, были выдающиеся мастера, и если я скажу, что наши спектакли действительно стояли на большой художественной высоте, меня не обвинят в отсутствии скромности.

Тринадцать спектаклей было показано на сцене Красноярского гортеатра и во Дворце культуры. Во время спектаклей я сидела в публике. Наблюдая за реакцией зрительного зала, я видела, как живо, непосредственно, страстно откликался он на все происходящее на сцене.

Десятки реплик долетали до меня:

— Замечательно играют!

— Вот это актеры!

— Не могу без волнения смотреть!

Надо было слышать, как театр заливался безудержным смехом на спектакле «На бойком месте», как реагировал он на каждую фразу Евгении; надо было видеть, как притихли зрители и сколько пролили слез на спектакле «Без вины виноватые»; надо было видеть, как принимали «Любовь Яровую», как жадно ловили каждую реплику, какие восторженные аплодисменты гремели посреди каждого действия, что творилось в зрительном зале по окончании спектакля; надо было видеть, как принималась «Женитьба Белугина», чтобы оценить значение гастролей Малого театра.

Наш приезд был большим событием в жизни Красноярска. Я часто встречала в театре одних и тех же лиц и спрашивала, почему они по два-три раза смотрят один спектакль.

— Как не ходить? Мы смотрим ваши спектакли с восторгом. Чем мы их чаще видим, тем больше любим мы ваш театр, — отвечали одни.

— Если бы вы дали вдвое больше спектаклей, мы бы все равно ходили на каждый, — восклицали другие.

Но зачем слова? Реакция зрительного зала, гул аплодисментов достаточно убедительно говорили о том, что Малый театр произвел сильное впечатление на красноярских зрителей.

В Красноярске на двух спектаклях Малого театра побывал Герой Советского Союза Василий Сергеевич Молоков. Во время одного из спектаклей он зашел к Пашенной, крепко пожал ей руку и тепло благодарил за проведенную работу.

На смотрах художественной самодеятельности

Десятого июля мы узнали из газет, что отдел народного образования организует во Дворце культуры детскую художественную и спортивную олимпиаду. Вечером я встретила в театре инструктора крайкома.

— Вы знаете, что через три дня открывается детская олимпиада? — спросил он.

— Знаю.

— Хорошо бы вам выбрать свободный час и заехать посмотреть наших ребят. Среди них много талантливых.

В день открытия олимпиады я побывала в зрительном зале Дворца культуры, а незадолго до нашего отъезда приняла участие в смотре драматических и вокальных кружков Дома учителя, железнодорожников и «Красманвагонстроя».

Детская олимпиада лишней раз убедила меня в том, что не только в провинциальных городах, но и в краевых центрах все еще мало культурных руководителей художественной самодеятельности.

На сцену выходит конференсье — инструктор горно по внешкольной работе.

— Сейчас, — говорит он, — будет исполнен отрывок из классической оперетки Даргомыжского «Щелкунчик».

Если работник горно не знает, что «Щелкунчик» балет Чайковского и оперетты «Щелкунчик» не существует в природе, — что спрашивать от ребят?

Не только недостатком культуры страдает художественная самодеятельность Красноярска. В работе кружковцев нет четкости, нет дисциплины.

Приходим на смотр вокальных и драматических кружков — Вера Николаевна и я.

Зрительный зал встречает Пашенную горячей овацией.

Мы занимаем места.

Десять, пятнадцать, двадцать минут...

Сидим и ждем.

Взволнованная восторженным приемом, растроганная и смущенная, Вера Николаевна не решается сказать, что пора начинать, что смотр назначен на семь часов, а теперь уже восемь.

Наконец к нам подходит директор Дома учителя.

— Вы простите, — говорит он, — мы вам «Периколу» не покажем.

— Почему?

— У нас нет костюмов, обычно нам давал костюмы театр, а сегодня...

— Не дал?

— Да нет, мы не успели договориться.

— Что ж, покажите спектакль без костюмов.

Важно послушать голоса, ознакомиться с работой режиссера и техникой исполнения и поделиться с кружковцами впечатлениями.

— Да нет — без костюмов неудобно. Не стоит. Еще раз простите, но мы ничего показать не можем.

Так и не показали.

А теперь вернемся к олимпиаде детской самодеятельности.

Зал переполнен юными зрителями. Детвора с восторгом смотрит и слушает маленьких исполнителей.

Судя по манере петь и читать, ребята позаимствовали у преподавателей дурной вкус. И певцы и декламаторы размахивают руками, не могут покойно стоять на месте, вертятся во все стороны, порой недостаточно грамотно говорят. Но среди ребят много талантливых пианистов, скрипачей, танцоров, певцов. Вас подкупает их непосредственность и музыкальность, вы слышите приятные голоса, яркое убедительное чтение.

Я с увлечением смотрела и слушала маленьких исполнителей и горячо аплодировала им.

Не менее сильное впечатление произвел смотр самодеятельности железнодорожников и «Красмашвагонстроя».

И здесь подчеркнутый грим, излишняя жестикуляция и зачастую неправильное произношение слов говорили о неопытности и некультурности режиссера. Но среди кружковцев много интересных дарований, большинство исполнителей играло чутко, вдумчиво, с молодым задором и горячей искренностью.

после этого Пашенная долго беседовала с кружковцами, говорила о недостатках, давала советы.

Я видела, с каким напряженным вниманием следили за беседой кружковцы, слушала их выступления и могу сказать, что самодеятельность Красноярска критически относится к своей работе и хочет изжить недостатки. В Красноярске много одаренных кружковцев, творчески пытливых, любознательных. И если ими будут руководить культурные педагоги, кружки окрепнут и будут успешно работать.

Кружковцы просили Пашенную взять шефство над самодеятельностью Красноярска.

— Малый театр должен помочь, — говорили они.

— Я сделаю все, что смогу, — обещала Пашенная.

Наш предпоследний спектакль в Красноярске был отдан рабочей самодеятельности. Показывали мы «На бойком месте» Островского.

В антрактах за кулисами появлялись зрители.

— Замечательный, замечательный спектакль! — говорили они, пожимая актерам руки, и снова просили помочь в работе кружков:

— Вы поможете нам, Пашенная обещала.

— У нас много талантливых исполнителей, но нам тяжело: нет у нас культурного руководства.

— А театр мы любим, мы очень любим театр, мы отдаем ему свободные вечера, выходные дни...

«Сколько хорошей взволнованности звучало сегодня в каждом слове наших гостей... Какая тяга к культуре... Какая ненасытная жажда знаний... И много еще радостных незабываемых встреч ждет нас впереди». Это строки из дневника, куда я записывала пережитое, передуманное, пережитое за время наших гастролей на Севере.

В лагерях Красноярского гарнизона

Мы распрощались с кружковцами и вышли из театра.

По пути Пашенная напомнила о нашем решении дать спектакль в лагерях Красноярского гарнизона.

Утром мы зашли в крайком, сказали, что хотим выступить в лагерях, и попросили предоставить в наше распоряжение транспорт.

— В любое время. За спектакль в лагерях мы будем очень признательны.

На следующий день за нами приехали два автобуса.

Больше недели, не переставая, лил дождь. Дорога была размыта.

Автобусы часто останавливаются, с трудом преодолевают рытвины и ухабы, нас поминутно подбрасывает, качает, трясет. Ноет тело, и кажется, что машины вот-вот сломаются.

Но как только мы попали в лагерь, на нас повеяло таким теплом, что усталость была забыта.

Радостно, бодро, весело в гостях у красноярских бойцов, командного и начальствующего состава.

Мы должны сыграть «На бойком месте» и провести беседу о творческом пути Малого театра, о задачах нашей поездки и планах работы в Заполярье.

Надо было видеть, с какой готовностью красноармейцы помогали нам. Один бежит за красным сукном на стол, другой несет графин с водой, третий — стаканы, а те, на чью долю не выпала радость помочь гостям, наперебой предлагают свои услуги.

— Позвольте, я вам помогу отпереть чемодан.

— Не закрыть ли окно? Сквозит, вы не привыкли. Как бы не простудились!

Перед вступительным словом я решила поговорить с красноармейцами. Спускаюсь к зрителям, они расположились на скамейках, стоят вокруг эстрады и в проходах.

Разговариваю с отдельными группами.

Все проявляют живой интерес к Малому театру и расспрашивают о нашей поездке.

Вопросам и пожеланиям, казалось, не будет конца.

— Вы побываете на Игарке и Диксоне? — обращается ко мне старшина.

— А в пути вы будете давать спектакли? — перебивает его командир отделения.

— Когда повернете в Москву, заезжайте к нам, расскажите об Арктике, — врывается в разговор молодой курсант.

— С вами народная артистка Пашенная и заслуженный артист Костромской. Ему, говорят, больше шестидесяти лет. Вы ему передайте нашу красноармейскую благодарность.

... Но вот поднялся занавес.

Надо ли говорить о том, с каким энтузиазмом принимали спектакль и как внимательно прослушали вступительное слово.

После спектакля бойцы горячо благодарили коллектив.

Не успели актеры снять грим, как их пригласили обедать.

За столом так задушевно, так тепло протекает беседа, что не хочется уезжать. Но мы должны торопиться, нас ждет работа.

Снимаемся на прощанье с дорогими хозяевами и садимся в автобусы.

— Спасибо!

— Не забывайте!

— Загляните на обратном пути! — несется нам вслед.

И хотя попрежнему трясет в автобусе, нас не утомляет обратный путь. Перед глазами молодые лица, мы слышим звонкие голоса:

— Не забывайте!

— Загляните на обратном пути!

... И мы счастливы.

Прощальный спектакль

Двадцать первого июля театр дал последний спектакль в Красноярске. Этот спектакль был показан работникам Красноярского политотдела и совхоза «Таежный». Играли «Любовь Яровую».

Наша последняя встреча с красноярским зрителем превратилась в демонстрацию подлинной дружбы и любви.

После спектакля зрители отправили телеграммы О. Ю. Шмидту, Всесоюзному комитету по делам искусства и трезугольнику Малого театра. Приведу выдержки:

«Москва. Главсевморпуть. *О. Ю. Шмидту*

Мы приносим Вам, дорогой Отто Юльевич, глубокую признательность за доставленную нам радость и счастливы, что наши молодые товарищи получают в Арктике прекрасный подарок в лице коллектива Малого театра».

«Москва. Комитет по делам искусств. *П. Я. Керженцеву
и М. О. Еоярскому*

Спектакли Малого театра и вся широко развернутая им культурно-массовая работа — крупное событие в культурной и общественной жизни Красноярска».

«Москва. Малый театр. Дирекция, партийный комитет.

... Спектакли Малого театра оставили неизгладимое впечатление своим блестящим ансамблем и выдающимся мастерством. Мы глубоко уверены, что гастроль театра будет и на Дальнем Севере огромным событием и принесут полярникам незабываемую радость».

Это были последние отзывы, а сколько их собралось в моем портфеле за время наших гастролей в Красноярске! Вот выдержки из них:

«Для нас, бойцов Красной армии, спектакли Малого театра — большое и радостное событие».

«Мы видели много постановок, но никогда еще не получали от них такого большого удовольствия, таких больших впечатлений, какие испытали на спектаклях Малого театра».

«Самое замечательное в том, что Островский прочитан по-настоящему».

«На спектаклях Малого театра зрители видели прекрасную игру Пашенной, замечательную сыгранность коллектива, высокую культуру исполнителей».

«Счастливые люди — актеры Малого театра, едущие в Арктику, счастливые люди Арктики, которые увидят и услышат артистов Москвы».

«Мы не можем не приветствовать поездку Малого театра в Заполярье. С приездом театра народы Севера лишней раз наглядно почувствуют большую заботу партии и правительства и испытают неузнанное еще художественное наслаждение. Нам очень хотелось бы, чтобы почину Малого театра последовали и другие театры Москвы, чтобы наш зритель имел возможность широко ознакомиться с настоящим большим советским искусством».

Последние дни в Красноярске

Скоро мы тронемся в путь. Жить в Красноярске осталось считанные дни.

Партийное и административное руководство края и города устраивает в честь Малого театра ужин.

Столовая партактива утопает в живых цветах. Никто не произносит официальных речей. Задушевно, тепло, искренне звучат приветствия. Все говорят о том, как велико значение гастролей Малого театра, и просят нас вновь приехать будущим летом.

нашему коллективу, — отвечает Пашенная на приветствия. — Встречи с красноярским зрителем надолго останутся в нашей памяти, и, уезжая дальше на Север, мы не хотим говорить «прощайте». Мы говорим «до свиданья», дорогие товарищи, до новой встречи...

Работа в Красноярске закончена. Мы ждем отъезда. Все наши мысли, все наши чувства уже далеко в Арктике. После ужина один из работников политотдела сообщил Пашенной, что в наше распоряжение будет предоставлено недавно спущенное со ступеней гидрографическое судно «Нордвик».

Готов не только маршрутный, но и календарный план. Все учтено — каждый час, каждая минута, назначен день отъезда.

Радости нашей нет границ.

Но едва мы начали упаковывать чемоданы, выяснилось, что «Нордвик» получил ответственное гидрографическое задание и не придет за нами.

Теперь неизвестно, когда и как мы отправимся в путь.

Прошел день.

— А вдруг мы не попадем в Арктику! Корабли и самолеты заняты перевозкой грузов, перекинуть наш коллектив не так легко...

Минуты кажутся часами, часы неделями.

— Вы не волнуйтесь, товарищи, в Арктику мы вас отправим, — успокаивает начальник политотдела. — Вы поедете с опозданием на пару дней, это неприятно, но не так страшно.

На следующий день нам сообщили, что семнадцатого июля мы тронемся в путь.

— Итак, вы должны были расстаться с Красноярском пятнадцатого, вы задержались на два дня, но за потерянное время получите прекрасную компенсацию: мы отдаем в ваше распоряжение теплоход «Красноярский рабочий».

Мы опять счастливы и начинаем поспешно укладываться. Но и на этот раз не успели мы запаковать чемоданы, как пришло известие, что «Красноярский рабочий» на день задержался в пути.

Чтобы мы попусту не теряли времени, нам предлагают съездить на небольшом буксирном пароходе «Парижская Коммуна» в Красногорский совхоз, а оттуда проехать в Придвинное.

Пароход так невелик, что на его борту не может разместиться весь коллектив.

Как же быть?

— А вот как, — предлагает Пашенная, — одиннадцать человек буксир может захватить. Больше и не надо. Мы покажем рабочим совхоза «На бойком месте». Восемнадцатого теплоход заберет оставшихся в Красноярске, заедет за нами в Придивное, и мы все вместе двинемся дальше.

Начинаются новые волнения. Не участвующие в спектакле «На бойком месте» огорчены, все хотят поехать, осаждают Пашенную:

— Что вы от меня хотите, — нервничает Вера Николаевна, — что я могу сделать — на полу, на палубе прикажете вас положить? Ведь мы не на юге. Польет дождь, поднимется ветер...

И вдруг не менее резкая реплика:

— Вы знаете, лучше валяться на голом полу и работать. Мы не отдыхать поехали! — это говорит обычно сдержанная и спокойная артистка Баринова.

Пашенная разводит руками:

— Тяжело с вами, недисциплинированная вы у меня публика.

Так как я должна была выступить со вступительным словом, а главное работала над книгой, я с большим трудом включилась в поездку.

Пашенная предупредила меня, что не знает, будет ли для меня место.

Это не смутило меня, но, боясь, что и в дальнейшем затруднения с транспортом заставят нас часто прибегать к постановке «На бойком месте», я зашла к начальнику политотдела и, крайне обеспокоенная, говорю, что не уверена, удастся ли мне попасть во все точки.

— Что будет, если нам придется возить только «На бойком месте»? Из Игарки на Диксон мы, возможно, отправимся самолетами, и скорей всего полетит только группа участников «На бойком месте». Как же я напишу книгу?

— Не беспокойтесь, вы побываете везде, хотя бы и на самолете. Если у вас произойдут осложнения — телеграфируйте, мы вам поможем.

Итак, мы едем. Семнадцатого июля в четыре часа дня наша группа прощается с Красноярском. Нас провожают руководители партийной организации, административное и профсоюзное руководство края и города, работники Красно-

ярского политотдела, представители печати и наши красноярские друзья. . .

Опять теплые слова.

— Спасибо!

— Помните!

— Приезжайте!

Опять цветы, прожекторы, киносьемка.

До свидания, гостеприимный Красноярск! До новой радостной встречи!

На палубу летят цветы, раздаются последние приветственные возгласы. . .

Пароход медленно отходит от пристани.

Несколько мгновений, и Красноярск позади. . .

III. В ПУТЬ

На «Парижской Коммуне» действительно тесно.

— Вас двенадцать человек? — волновался капитан, встречая гостей. — Не знаю, что придумать. Три человека могут расположиться в каютах, шесть — в красном уголке. . . правда, там всего две скамейки. . . А вот остальным я не могу предоставить места.

Теснота мало смущает нас: до верфи всего сто шестьдесят километров. Сидя на палубе, мы любуемся зелеными берегами бурной реки.

Прошло три часа. Внезапно навстречу пароходу сплошной массой ринулись бревна. Позднее, в Придивном мы узнали, что в день нашего отплытия из Красноярска в устье реки Маны разорвалась запань и в Енисей понесло десятки тысяч кубометров леса.

Тяжелая картина. Кругом лес. Он заполнил всю ширину реки. Наступает вечер, его сменяет ночь. Пароход с трудом пробирается меж бревен.

Ночь темная, дальше плыть невозможно.

Мы пристаем к берегу. Матросы разжигают костер, его окружают «бесприютные» и большинство из нас, размещенных в Красном уголке.

Кругом ни шороха ни ветра.

Ярко горит костер на фоне ночного сибирского неба.

Но не прошло и часа, как подул холодный ветер, и все поспешили на пароход.

. . . Светает. Я стою у поручней и перелистываю страницы дневника.

— Софья Семеновна! — окликнул меня знакомый голос..
Я оглянулась.

Ко мне подошел Костромской.

— Не знаю, — говорит он, — как вам рассказать... Вот бывало, в царские времена, приезжает актер в заброшенный провинциальный город. Нужна ему комната, и ходит он из дома в дом, из квартиры в квартиру, и куда ни пойдет, осматривают его подозрительно с ног до головы и скажут: «Нет, батенька, не сдаем»... О нас думали так: «Ты актер, знаем мы тебя, ты, чего доброго, уедешь, за квартиру не заплатив». Ну, если известный артист или артистка — полбеда, а рядовому, скромному труженику сцены трудно приходилось. Сколько унижений, сколько моральных шлепков переживал он. А сейчас... куда мы ни едем, нас ждут с нетерпением, мы почетные гости... Так вот, вы понимаете, что я, старый актер, должен чувствовать? Я ведь помолодел душой. Я хочу долго жить и работать, работать и работать, и я прошу вас — эти мысли записать в дневник и занести на страницы вашей будущей книги. Да, да, не знаю, как это назвать, но мне очень дорого то, что я переживаю...

К утру река очистилась. Плыли отдельные бревна: лес удалось перехватить.

Мы тронулись дальше, и в полдень восемнадцатого июля подошли к Придивному.

IV. ПЯТЬ ДНЕЙ

Спектакль на площади

В Придивном на пристани парторг и трое рабочих.

— Мы ждали вас вчера, — говорят они, встречая гостей. — Собралось тут половина поселка. Но дождаться не удалось. Лес помешал.

Не зная, когда придет «Парижская Коммуна», парторг и рабочие провели ночь на берегу, что одновременно и очень тронуло и очень смутило нашу группу: ночь была холодной, ветреной, и встретившие нас товарищи продрогли и устали.

Весть о приезде Малого театра мгновенно облетела Придивное. Нас окружают рабочие и множество ребят.

Ребята особенно огорчены нашим запозданием: накануне они, несмотря на ливень, ходили в тайгу за цветами, мечтали торжественно встретить гостей, а встреча сорвалась.

В пять часов вечера начался спектакль. Так как он прошел в совершенно исключительных для нас условиях, я расскажу о нем поподробнее.

Приходит к нам парторг и говорит:

— Где вы хотите играть? Есть у нас клуб и открытая сцена. Клуб вмещает немногим больше трехсот человек. А в Придивном пять тысяч семейств, и все хотят видеть ваш спектакль. Может быть вы согласитесь играть на открытой сцене, на площади? Там можно разместить тысячи три зрителей.

— Ну что ж, будем играть на площади, — не долго думая, отвечает Пашенная.

— Как на площади? — недоумевают товарищи.

— Придется форсировать голос, исчезнут полутоны, оттенки, интересные детали...

— Нельзя же, Вера Николаевна, нельзя идти на такой компромисе.

— Да погодите вы! — пытается ответить Пашенная, но ее не слушают:

— Пусть наш спектакль покажут стахановцам, пусть его увидят не все, но увидят спектакль...

Вера Николаевна начинает сердиться:

— Простите, но вы говорите пустяки. На то мы и мастера, пора научиться в любых условиях делать свое дело. Мы поехали обслуживать массы, о чем же спорить? Короче говоря — я художественный руководитель поездки и отвечаю за все спектакли... Ведь надо же понять: Малый театр, выступая в таежной глуши на площади, делает огромной культурной и общественной важности дело.

Спорить дольше бесполезно. Спектакль идет на площади.

Представьте себе сибирское июльское, невыносимо палящее солнце. К площади тянутся сотни людей. Все тащат табуреты, скамьи, диваны. Крыши домов переполнены ребятами. К эстраде уже не пройти. Вы видите здесь молодежь, стариков, женщин с грудными детьми. Одни, защищаясь от солнца, надвинули на лбы шапки, у других головы укрыты платками, третьи держат над головой газеты.

Я должна сказать вступительное слово Выхожу. Смотрю на это море голов, вижу маленьких ребят на крыше, женщин, неистово качающих грудных младенцев, и окончательно теряюсь.

Кто меня услышит? У кого из нас хватит голоса, чтобы перекричать эту гудящую площадь?

На открытой сцене в Придивном

Абонмент
МЦГБ

Но говорить надо. Начиная. Приятное разочарование. Шум стихает, беспокоившая меня детвора сидит смирно. Все внимательно слушают.

После вступительного слова я решила пройти к зрителям, но это невозможно — меня затирают в толпе, я делаю большой крюк и попадаю в самый конец площади. Надо прямо сказать: в задних импровизированных зрителями рядах слышно не очень важно, но, с огромным трудом протискиваясь в разные уголки площадки, я убеждаюсь в том, что до большинства зрителей доходит все.

Спектакль нравится очень, хлопают без конца, а ребята неистово вопят — другого слова не могу подобрать — «бис, бис, бис!»

Хожу я между зрителями, прислушиваюсь к их разговорам, беседую с ними, вижу, как они рады, как благодарны за спектакль, и убеждаюсь в том, что Пашенная была права, решив показать спектакль на площади.

Как и везде, меня забрасывают вопросами:

— А завтра вы будете играть?

— Сколько вы у нас проживете?

В разговор врываются дети:

— Оставайтесь, оставайтесь! — настаивает мальчуган в пестрой рубашке. — Дождя нет, можно в тайгу сходить, цветов нарвать.

Маленькая синеглазая девочка берет меня за руку:

— Тетя, а тетя, я все дороги знаю, я с вами пойду за цветами.

— Ничего ты не знаешь! — кричит на нее мальчик. — Я вас провожу, я и мои товарищи, мы для вас большие букеты нарвем. Мы такие места знаем, в каких никто не бывал. Истинное пионерское.

Я с трудом освободилась от этих маленьких театралов, назначив им свидание на утро и пообещав сказать, сколько мы здесь проживем.

По окончании спектакля — встреча с общественностью Придивного. Как и в Красноярске, все мы собрались в уютной столовой.

И здесь много цветов, и здесь, что особенно нам приятно, не произносят пышных торжественных речей: участников спектакля благодарят тепло, задушевно, искренно. И мы в свою очередь благодарим за теплый прием и расспрашиваем о том как живут и работают в Придивном. Так в дружеской беседе мы проводим первый наш вечер в поселке.

мы встречали рабочих. Большинство из них подходило все с одной и той же просьбой дать еще спектакль. Не удастся ли нам еще раз играть в Придивном? Мы зависим от того, когда придет «Красноярский рабочий», и ничего определенного ответить не можем.

По плану мы должны девятнадцатого утром поехать в Красногорский совхоз, сыграть там «На бойком месте», после спектакля вернуться в Придивное, не заходя домой отправиться в клуб на смотр художественной самодеятельности, а ночью отплыть дальше. Но к этому я еще вернусь, а пока давайте покинем Придивное и будем жить по календарю. Итак, девятнадцатого рано утром мы выехали в Красногорский совхоз.

В Красногорском совхозе

Переправляемся катером на правый берег Енисея, куда из совхоза за нами обещали выслать машины. Льет дождь. На берегу не видно машин, стоят маленький шарабан и три телеги.

Когда мы вышли на берег, представитель совхоза извинился и, указывая на дорогу, сказал:

— Грязь жуткая. Выслать машины не удалось.

Наш путь лежит через густую, вековую тайгу. Дорога размыта. На каждом пгалу ухабы и лужи, по своей величине напоминающие озера.

Трясет нас так, что поездка в лагерь кажется пустяком. Со мной в телеге Николай Федосеевич Костромской. Внешне он мужественно переносит тряску и учит меня:

— Вы сидите совершенно свободно, тогда вас не будет так подбрасывать.

Что значит «сидеть свободно», я так и не поняла и чувствую себя отвратительно.

До совхоза восемь километров. Дождь льет не переставая, кусает сибирская мошкара. Но все кончается. Приходит конец и нашей тряске в телегах.

Подезжаем. Что это? Мы никого не видим, но слышим тоненькие детские голоса. Разобрать слов не удастся.

Проходит пара минут. Теперь перед нами выстроившиеся в ряд пионеры. Они держат огромный стяг. На нем написано: «Привет работникам искусства». У каждого по букету цветов.

Мы поравнялись с ребятами, они высоко поднимают букеты и звонко кричат:

— Привет работникам искусства! Ура! Ура! Ура!

Не знаю, поверит ли мне читатель, — но, как бы мы ни устали, как бы труден ни был наш путь, горячие встречи трогали нас так сильно, что мы забывали о пережитых неприятных часах и думали только о том, как бы полностью оправдать внимательное, теплое отношение наших будущих зрителей.

... Наскоро умывшись и почистив платье, забрызганное липкой, густой грязью, мы идем в клуб.

Красногорский клуб вмещает около четырехсот человек, но зрителей много больше — они сидят на окнах, стоят в проходах, в открытых дверях.

В оркестре ребята, у каждого из них в руках цветы. Перед началом спектакля они стройно и музыкально поют детские песенки, свое нетерпение поскорее увидеть московских артистов они не могут скрыть: после каждой песенки край занавеса чуточку приподнимается, и множество оживленных любопытных глазенок смотрит из-под него на сцену.

Как всегда, я говорю приветственное слово, на этот раз в значительной части адресованное к детворе. Начинается спектакль.

Едва успели поднять занавес после первого акта, как ребята забрасывают сцену цветами.

Во втором антракте я вышла на улицу. Меня окружают дети. Три мальчика горько плачут: не хватило места — они не попали в клуб.

Многие ребята в марлевых масках, защищающих от свирепой мошкеры. Я говорю, что и мне хотелось бы купить маску, и они предлагают проводить меня в лавку.

Вернулась я к концу спектакля. Гремят рукоплескания. На сцену все еще летят цветы.

Спектакль окончен. Нас приглашают обедать в столовую. Мы очень торопимся, но приходится уступить настоянию любезных хозяев. И здесь мы слышим краткие, простые, но взволнованные слова. Мы видим, как нам рады, как хочется нашим хозяевам подольше побыть с нами, как они разочарованы, что мы должны сейчас же ехать обратно. И мы жалеем о том, что не можем расспросить о работе и жизни в этом большом овощном и животноводческом совхозе, но что делать? Мы вынуждены жить по жесткому календарному плану.

Выходим на улицу. Снова садимся в телеги, забираем вороха подаренных нам цветов и едем — вернее, трясемся — назад в Придивное.

Еще долго мы слышим крики «спасибо» и громогласное «ура» бегущих за нами ребят.

Снова в Придивном

Попрежнему льет дождь, попережнему трясет невыносимо, и немилосердно кусает мошкара. Со мной в телеге опять Николай Федосеевич и сопровождающий нас работник Красноярского политотдела.

Мальчик-возница обрадовал нас тем, что обычно ехать много лучше.

— Вам же повезло, — сказал он. — Дожди. Когда дождей много — лучше не ездить. А в хорошую погоду неплохо. Едешь тайгой и песню поешь, кругом все ель да сосна, смолой пахнет.

— А ты учишься? — спрашивает Костромской.

— А то как? Начинаю учиться. Здесь всех учат, мы скоро все учеными будем.

— А как живется — не скучаешь?

— Некогда скучать — работы много, да у нас тут и поют, и танцуют, и спектакли разыгрывают свои артисты.

Приезжаем мы в Придивное поздно вечером и, с трудом передвигая ноги, направляемся в клуб.

— Вы простите, — встречает нас с растерянной улыбкой начальник клуба. — Мы не успели подготовиться к смотру. Много кружковцев занято на производстве. Но завтра мы вам все покажем.

— Как завтра? Да ведь мы уедем. . .

— Нет. Мы получили радиogramму. Ваш пароход задержался и придет двадцать первого. Видите, как придивненцам везет: еще пару дней вы нас порадуете.

Откровенно говоря, и мы очень рады, нам хочется отдохнуть, но в то же время начинают мучить беспокойные мысли — план срывается. Мы злимся на товарищей, оставшихся в Красноярске.

— Как им не стыдно! — возмущается Вера Николаевна. — Мы здесь волнуемся, а им трудно сообщить, почему они задержались.

Когда мы пришли домой, я и Пашенная свалились на постели, ноет тело, болит покусанное лицо. Но ведь надо успеть ознакомиться с поселком, побывать на верфи, и, по-

лежав минут десять, я с небольшой группой придивненцев, зашедших навестить нас, отправляюсь бродить по улицам.

— Видите, какая густая, вековая тайга окружает нас. Летом в свободную минутку приятно поваляться под ее тенистой листвой, но зимой, когда бушует метель, когда ветер обжигает лицо и стоят морозы в пятьдесят—шестьдесят градусов, эта тайга кажется непроницаемой завесой, отделяющей от всего мира.

— Ну что ты сгущаешь краски? Какая завеса! Тайга и зимой имеет свою прелесть, — весело и задорно обрывает моего спутника молодая комсомолка — работница судостроительной верфи. — И весной у нас много заманчивого, хотя разлив Енисея приносит немало хлопот. Эта река шутить не любит. Вот посмотрите. Я случайно захватила несколько снимков.

Мы садимся на лавочку.

— Видите, вода подошла к окнам, — продолжает девушка, перебирая фотографии. — А вот, вы думаете, эти лодки плывут по реке? Нет — это наша придивненская Венеция: улицы затоплены, и жители поселка пробираются к своим домам на лодках. Здорово! а? Не поселок, а море необъятное.

Я с удивлением смотрю на девушку, она так весело, в таких жизнерадостных тонах рассказывает о разливе Енисея — точно это не тяжелое испытание для придивненцев, а только своеобразное по своей красоте зрелище.

Как бы разгадав мои мысли, в беседу вступает пожилой рабочий:

— Да, много волнений приносит нам разлив, — говорит он, — много волнений. Весь поселок глаз не смыкает ни днем, ни ночью. Все на-чеку. Но радостно, знаете, край наш суровый, а ты работаешь, засучив рукава, и видишь, как он превращается в счастливую землю.

Идем дальше. На улице грязно, но везде проложены доски, ходить по ним легко и удобно.

— Вот говорят, Придивное заброшенный уголок, — продолжает рабочий, — а вы загляните в наш универмаг.

Заходим в магазин. На полках шелка, белье, трикотаж, обувь. Не верится, что это в тайге, в ста шестидесяти километрах от железной дороги.

— Ну как, не плохие у нас магазины? — улыбается мой собеседник. — Мы любим хорошо одеться, зайти в кино, в клуб. И ребята наши живут неплохо. Вы не хотите побывать в детском саду? Он в десяти шагах, вон там, за косогором.

Мы осмотрели просторные комнаты детского сада, игрушки, шкаф с книгами, а ребят не застали, но с ними я успела познакомиться в день приезда. Приятно было смотреть на здоровых, крепких, чисто одетых ребятшек, вступивших со мной в оживленную беседу. Им обо всем хотелось узнать: «Тетя, расскажите о метро! Тетя, в Москве есть детские театры? А вы были во Дворце пионеров? А елку в Москве устраивают? Там, видно, еще веселее, чем у нас?» Когда мы вернулись из совхоза, моя дружба с ребятами укрепилась. Куда бы я ни пошла — на почту, в столовую, в клуб, — ребяташки были моими веселыми спутниками.

Наша прогулка кончилась поздно вечером. В окнах зажглось электричество.

Захожу в комнату. На столе букеты свежих цветов. Это новые дары придвиненских ребятшек.

Двадцатого июня после обеда нас пригласили в клуб на смотр художественной самодеятельности. Первое, что нам показали, это отрывок из незнакомой нам пьесы, содержание которой мы забыли, не успев выйти из клуба. Судить по этой примитивной пьеске о творческих силах кружковцев невозможно. В памяти остался один кружковод. Исполняя обязанности суфлера, он читал даже ремарки и при том так громко, что сперва мы слышали его, а потом уже исполнителей.

Но вот кончился этот скучный отрывок, началось концертное отделение.

Мы прослушали несколько басен и стихов в исполнении рабочих. Они волнуются, но читают с огоньком, с подъемом, с несомненным темпераментом.

После чтецов выступил оркестр. Музыкальное отделение радует нас. Небольшой хорошо слаженный оркестр скромно исполняет несколько произведений. В игре много вкуса и талантливости.

Концерт окончен.

Работники театра говорят много неприятной правды кружковцам. Пашенная и Костромской разбирают исполнение, указывают на недостатки.

— Нас заставляют выступать с трех-четырёх репетиций, — жалуются кружковцы.

— Кто заставляет? — спрашивает Пашенная.

— Кружковод!

— А меня заставляет начальник клуба.

Мы долго беседовали с молодыми исполнителями и разъяснили начальнику клуба, как организовать работу кружка.

— Надо помочь кружковцам, — сказал по пути к нашему общежитию Николай Федосеевич, — завтра я проведу с ними беседу.

Рано утром Костромской снова пошел в клуб, а мы, сидя на берегу, с нетерпением ждали появления парохода.

Парохода все еще нет.

Удобно расположившись на лавочке, я начинаю писать статью о Малом театре и наших впечатлениях от придивненской самодеятельности для многотиражки. Вдруг слышу голос Костромского:

— Хорошо мы побеседовали! Нашли общий язык. Славные здесь кружковцы, да и руководитель неплох. Ну да ничего — я уверен, что дело наладится.

... Наконец пришел «Красноярский рабочий».

Мы так рады, что не особенно браним товарищей за молчание.

Коллектив соединился. Теперь можно показать придивненцам нашу советскую постановку «Любовь Яровая».

Льет дождь. Спектакль решено показать не на площади, а в клубе стахановцам Придивного.

В клубе триста мест. Надо ли говорить, что в этот вечер собралось не триста, а около пятисот зрителей!

Двери раскрыты настежь, зрители толпятся в проходах, в коридоре...

Несмотря на дождь, на улице долго не расходилась толпа, люди думали, что из раскрытых дверей можно будет если не видеть, то хотя бы слышать спектакль.

Успех огромен. Когда мы возвращались домой, нас останавливали зрители, они вручали нам короткие, но горячие записки и благодарили за доставленную им радость.

Днем двадцать второго июля «Красноярский рабочий» закончил выгрузку и погрузку.

Снова теплые проводы, снова грустно расставаться, и, снова расстроганные, мы думаем о чудесном зрителе, о прекрасных чутких людях, населяющих все уголки нашей родины.

V. НА ЕНИСЕЕ

Несколько мгновений — и позади остается Придивное.

Мы задержались, не можем остановиться в Енисейске и Туруханске и утешаем себя тем, что полетим туда на самолете.

проведем на Енисее, так поразившем нас своей величественной красотой.

«Красноярский рабочий» мощный теплоход, выстроенный в 1930 году. Здесь уютно и ослепительно чисто.

Мы единственные пассажиры теплохода, но он ведет караван из пяти барж, со строительными материалами и продовольствием для зимовщиков, и лихтер с людским пополнением для лесостроительных работ и зверобойных промыслов.

Караван растянулся так, что мы не можем охватить его глазом.

В первый день плавания мы сдружились с командой теплохода и выездной редакцией газеты «Большевик Арктики».

Беседуя с матросами, я узнала, что наш теплоход имеет славную историю: с давних пор он является флагманом большой флотилии Главсевморпути и доставляет грузы для строительства Норильского комбината.

Капитан Лиханский плавает на теплоходе с 1930 года и очень популярен среди полярников. Ему не раз приходилось попадать в штормы и метели, и он неизменно с честью выходил из поединков с суровой природой Севера.

Недавно «Красноярский рабочий» оказал помощь знакомой нам «Парижской Коммуне».

На Енисее есть коварное место — «Казачинские пороги» — с узким, трудно проходимым фарватером и бурным течением. На этих порогах «Парижская Коммуна» потерпела аварию: лихтер и баржа, которые она вела на буксире, попали на камни и получили серьезные повреждения. Помогая каравану, теплоход мог разбиться о камни, но он блестяще выполнил рискованное задание.

... Чудесные дни и ночи провели мы на Енисее. Трудно забыть его бурные воды и зеленые берега.

До Енисейска на нашу долю выпали яркие солнечные дни, но чем ближе подходили мы к Туруханску, тем реже появлялось солнце.

Енисей пенится, весь он в стремительной волне, и еще шире и беспредельнее кажутся его глубокие воды.

Сейчас, когда я пишу эти строки, три месяца отделяют меня от дней, проведенных на Енисее. Но стоит мне перелистать страницы дневника — лаконичные, скупые, — как все пережитое с непередаваемой силой встает перед глазами.

Плавая на «Красноярском рабочем», мы так сроднились с нашими хозяевами, что нам захотелось отблагодарить их за гостеприимство.

Мы решили показать им спектакль.

Команда теплохода и каравана с восторгом приняла наше предложение.

Спектакль решено показать в пути. Теплоход не остановится ни на минуту. Пассажиры и команда соберутся на лихтере, актеры загримируются и наденут костюмы у себя в каютах и переправятся на лихтер шлюпками.

Программа спектакля: «На бойком месте». Перед спектаклем мое вступительное и приветственное слово.

Как задумано, так и сделано.

Подают шлюпку.

Ветрено. Шлюпку качает. Мы успели привыкнуть к бурному Енисею — волны не пугают нас. Но вот шлюпка подошла к лихтеру: предстоит новое испытание. С палубы брошен веревочный трап; мои спутники — матросы и помполит — много моложе и крепче меня, они не очень растерялись, но я, откровенно скажу, была больше чем смущена: лихтер высокий, ветер бросает шлюпку, веревка качается точно маятник. Преодолевать трудности такого необычного для меня порядка я еще не научилась, и мне казалось, что я со стыдом вернусь обратно, так и не побывав на лихтере.

Даже сейчас смешно вспоминать, как я неловко поднималась по веревке. Немного утешает, правда, то, что и мои молодые спутники поднимались без особой грации.

— Но как Пашенная и Костромской? Как они попадут на лихтер? — забеспокоилась я на палубе. — Невозможно, да и неудобно заставлять их подниматься по веревке.

Оказалось, что на лихтере был и деревянный трап, но товарищи, видимо, решили, что раз мы отправляемся в Арктику — все мы ловкий, физически гибкий народ и свободно поднимаемся по веревке.

Вслед за нами к лихтеру подошла шлюпка с Пашенной, Костромским и другими участниками спектакля. Поднялись они по деревянному трапу и, узнав о том, как я беспомощно барахталась на веревке, долго подтрунивали надо мной.

С нашим приездом началась подготовка к спектаклю. Зрители помогли нам соорудить сценическую площадку, она была очень примитивна: на бревна были положены три больших доски, но и стол, и шкаф, и скамейки великолепно разместились на них. Занавеса не было, без занавеса часто

играют даже в московских театрах, и его отсутствие мало смущало нас.

Приготовления закончены.

Трудно передать, что творится. На крышах кают, на бортах, на выступях подъемного крана — везде зрители. Еще до спектакля они горячо пожимали нам руки и говорили, что не могли предположить, что им удастся на лихтере видеть у себя в гостях Малый театр.

И вот на фоне каравана и меняющихся берегов под нестерпимо жарким солнцем и жужжанием шмелей сыгран спектакль.

Исполнители играли с большим увлечением, зрители заразительно весело смеялись и восторженно аплодировали. После спектакля мы с огромным трудом пробирались к шлюпкам: нас долго не хотели отпускать, десятки рук протягивались, чтобы поддержать нас, когда мы спускались по трапу.

— Спасибо! Никогда не забудем! — раздаются возгласы. Мелькают шапки, шляпы, платки.

В этот вечер мы долго делились впечатлениями от пережитых счастливых часов, а утром в корабельной многотиражке прочитали отзывы о нашем спектакле — безыскусственные, трогательные. Один из них я приведу здесь:

«Наш ответ

Впервые в истории плавания по Енисею мы видели спектакль на караване. Спектакль взволновал нас и доставил нам огромное наслаждение. С чувством глубокой благодарности и признательности мы расстаемся с нашими дорогими гостями — группой московского Малого театра. В ответ на исключительную заботу, проявленную к нам, работникам Севера, мы обязуемся безаварийно работать и закончить навигацию 1936 года со стахановскими показателями.

По поручению команды командир теплохода
Лиханский,
предсудкома *Селезнев*».

... Много передумано, перечувствовано в дни, проведенные на Енисее. Много радости выпало на нашу долю, — но и не мало скорбных мыслей овладевало нами, когда мы шли мимо Енисейска и Туруханска, куда царские опричники ссылали лучших сыновей и дочерей нашей родины.

Туруханск позади. Чем ближе к Заполярью, тем оживленнее становится Енисей: чаще встречаются небольшие поселки и чумы националов, вот идут пассажирские пароходы, вот теплоход, за ним лихтера, плоты, баржи.

Весь коллектив на палубе — скоро мы будем проходить мимо Курейки, где отбывал ссылку великий Сталин.

Напряженные минуты ожидания. И самый старший из нас, Костромской, и самый юный, сын покойного заслуженного артиста Республики В. Р. Ольховского, ни на минуту не отрываясь, смотрят в даль.

Появляются очертания всем нам родной и близкой Курейки.

Мы с трудом различаем несколько небольших домиков.

К нам подходит капитан.

— Вот, — говорит он, — перед вами устье реки Курейки. Здесь ловил рыбу товарищ Сталин. Тогда на берегу было всего только две избушки, и назывались они две избы Семена, а теперь здесь дом отдыха арктических работников.

Много скорбных воспоминаний, много печальных дум навевают эти далекие берега, и мысль переносится к бесконечно родному, близкому Сталину.

Нет уже Курейки. Мы пересекаем полярный круг...

Стих ветер, тепло.

Неужели это зона вечной мерзлоты, суровая Арктика?

Мы смотрим в безоблачное бирюзовое небо и жмуримся от сверкающего солнца.

— Так вот какое оно, Заполярье! Да ведь здесь чудесно! — говорит, обращаясь ко мне, Костромской.

Завтра утром Игарка. Совсем близко осуществление нашей мечты.

Пашенная предлагает украсить пароход.

— В Игарку он должен прийти ликующим, нарядным, радостным.

Актеры разошлись по каютам. Одни готовят в подарок теплоходу на память о нашем рейсе новый флаг, другие шьют стяги, флажки. Все за работой. Я остаюсь одна на палубе и поспешно заново в дневник свои впечатления. Как много их...

Никто из нас не может заснуть в эту ночь. Ночь? Да ведь с ней мы уже распростились. Уже вчера я работала на палубе до двух ночи. Уже вчера не спалось. Как можно спать, когда светло как днем? А сегодня — когда мысленно мы уже в Игарке?

В двенадцать ночи из Игарского политотдела сообщили по радио, что наш пароход ждут к десяти часам утра.

Я долго не покидала палубы. Дороги эти последние часы на теплоходе.

Стоя у поручней, я пишу в многотиражку от имени коллектива наш прощальный привет.

Теплый ветер свистит в вантах, за кормой с криком несутся чайки.

Я спускаюсь в каюту.

Лежу с закрытыми глазами, но сна нет.

Страстные нетерпеливые мысли стремительно рвутся в Игарку, и последние часы тянутся так бесконечно, томительно долго.

VI. В ИГАРКЕ

Незабываемая встреча

Жаркое летнее утро. Около десяти часов. Вот, наконец, и долгожданная Игарка. Неужели и это Арктика? Неужели залитая ослепительными лучами знойного солнца, нарядная, сверкающая яркими цветами флагов и знамен Игарка находится далеко за полярным кругом? Неужели это страна, где зимой неделями воют ветры и бушуют неистовые метели?

Высокая, крутая лестница ведет к зданию Управления порта, где мы должны остановиться.

Лестница усеяна людьми, перед зданием — людское море. Сотни полярников вышли встречать старейший театр страны. В стройные колонны выстроились здоровые, крепкие ребята. Они подносят нам цветы. Цветов так много, что наши руки не могут их удержать и они падают на землю.

Гремит музыка, мощное «ура» гулко разносится по площади.

— Да здравствует московский Малый театр! Пламенный привет дорогим гостям!

Эти восторженные возгласы сливаются с звуками оркестра, с криками «ура».

Приветствия написаны на стягах, на плакатах, мы читаем их в улыбках взрослых и детворы. Мы шепчем «спасибо, спасибо», глаза заволакивают слезы — трудно говорить.

Пробираемся к зданию порта.

На балконе руководители Игарки и представители общественных организаций.

Как только мы поднялись на балкон, раздался стихийный гром аплодисментов.

Нас окружают полярники, в руках у них подносы с игарскими овощами.

... Начинается митинг. Представители общественных организаций выступают с приветствиями — горячими, страстными, им не менее страстно аплодирует огромное людское море, а у нас катятся слезы, и удержать их невозможно. Да и зачем удерживать эти слезы гордости, радости, счастья от чудесной встречи с Игаркой?

Среди встречающих — бригада артистов Большого театра. Она гастролировала на игарской сцене и в день нашего приезда должна была дать последний концерт.

От бригады выступил т. Габович, он говорит о замечательных людях Игарки, о том, что содружество с игарцами принесет нам большую радость.

Мы слушаем молча и с любовью смотрим на игарских полярников. Незабываемая встреча с ними окрыляет нас и заставляет верить, что молодой энтузиазм участников поездки старейшего Малого театра в Арктику претворится в ценную работу, в подлинную радость для Игарки.

Надо отвечать на приветствия. Я мечтаю выступить, но чувствую, что волнение не даст мне говорить. Несколько горячих слов говорит Пашенная, хотя и ее голос прерывается от слез. Чтобы понять, что мы пережили в эти минуты, надо было видеть эту счастлившую встречу.

... Кончается митинг. Мы уже хотим расходиться, как вдруг из толпы раздается голос:

— Дети Игарки хотят знать, сыграете ли вы для них?

— Обещаем, — отвечает Пашенная, — мы дадим для детей советскую пьесу «Любовь Яровая».

— Спасибо! — несутся восторженные детские голоса, и снова громом аплодисментов гудит площадь, берег, порт.

... Нас провожают в комнаты. На столах и окнах — цветы. Все залито солнечным светом, и комнаты кажутся особенно радостными; кажется, будто их стены хотят выразить нам свой привет, свое радушие и гостеприимство.

Первый день

Хотя мы знали, что проживем в Игарке не менее двух недель, успеем осмотреть город и познакомиться с его строителями, нам хотелось, чтобы время двигалось как можно мед-

мы выступим перед столицей Заполярья.

Я уже говорила, что мы остановились в порту, а театр в городе, куда можно попасть на катере или машине. Пок в Игарке только одна машина, на первый спектакль она увозит Пашенную и Костромского, а мы переправляемся катером.

Вот и город. Мы идем по его оригинальным деревянным тротуарам мимо маленьких деревянных домиков, за нами навстречу идет множество людей, и в воздухе висят радостные фразы:

— Это артисты Малого театра.

— У меня есть билет, я бегу в театр.

— Я не достал на сегодня, я иду завтра.

— А я раздобыл билеты на все спектакли.

Игарский театр вмещает около восьмисот человек. Легко поверить, что на спектаклях нашей бригады эта норма значительно поднялась.

Театр очень уютен, с вертящейся сценой, помимо партера имеет бельэтаж и ложи бенеуара.

Трудно передать, как радостно и беспокойно бились наши сердца перед началом первого спектакля на игарской сцене.

Я не смогла приветствовать игарцев на митинге, но сейчас должна выступить с приветственным словом.

Третий звонок.

Выхожу. Гремят аплодисменты. Я безумно волнуюсь и бессильна взять себя в руки. Но вот я у рампы.

Я говорю о том, что встреча с Игаркой принесла нам огромную радость — зал гремит, я говорю, что эти часы одни из самых счастливых в нашей жизни, что мы не забудем их, пока живем на свете — зал отвечает горячими рукоплесканиями, я произношу имя творца замечательной жизни во всех уголках нашей родины — и буря оваций потрясает театр.

Вернувшись за кулисы, я все еще продолжаю волноваться и вижу, что актеры волнуются не меньше моего.

Спектакль «На бойком месте» проходит с большим блеском, с виртуозной отделкой мельчайших деталей.

После третьего действия в зрительном зале меня окружила группа девушек.

— Никогда, никогда я не забуду сегодняшнего дня, — говорит одна из них.

Я ничего не могу ответить. Мне кажется, что все слова сказаны, и я крепко целую эту славную незнакомую мне девушку.

Спектакль окончен. В поздний час заполярной белой ночи мы собираемся в столовой. Мы устали от всего пережитого и счастливы, что долгожданная встреча с зрителями Арктики вылилась в такой праздник.

Белая ночь тянет на воздух, хочется побродить по затихшим улицам порта.

Только отдаленные звуки песни доносятся с реки.

Город спит, а на лесозаводах и лесной бирже работают ночные смены.

Небольшими группами с нашими игарскими друзьями тихо ходим мы по площади порта и слушаем рассказы о легендарной Игарке.

В 1929 году в дикой тайге, среди непроходимых болот началось строительство порта. Тогда на берегу Игарской протоки, где теперь возвышается здание Управления порта, стоял маленький станок, в нем жила семья тунгусов, и вся она была задрана медведями. С тех пор прошло семь лет, и на много километров растянулся новый город.

... Бьет семь часов утра, мы расходимся по своим комнатам.

Я одна. Совсем тихо. Берусь за дневник. Заношу свои впечатления.

За окнами ярко горит солнце, им залита вся моя комната. Первый день нашей жизни в Игарке окончен.

По улицам горда и порта

Рано утром мы пошли осматривать Игарку.

На игарских заводах из сосны, лиственницы и пихты выпиливают замечательный строительный лес. За ним в короткий период летней навигации ежегодно приходят десятки иностранных судов.

Мы осматривали лесобиржу в яркий солнечный день.

Здесь несколько улиц с деревянной мостовой, по ее сторонам тянутся деревянные срубы — это штабеля леса. Когда они освещены солнцем, кажется, что в доски можно смотреть как в зеркало.

С этим лесным царством не хочется расставаться.

Игарка строится. Здесь преобладают деревянные одноэтажные дома, но все, что строится вновь — в два этажа, итальянскими окнами и балконами.

В Игарке четыре клуба, театр, звуковое кино, и строится еще одно новое, в Игарке десять школ, шесть детских садов,

детские ясли, сансултации, и уже начато строительство новых школ, новых детсадов, новых яслей. Всего не перечесать, что строится в Игарке: и новые лесозаводы, и водопровод, и гостиница, и педагогический техникум.

Город расширяют, озеленяют, его соединит с портом мост. Строится. Какое это привычное для Игарки слово!

Мне показывают больницу и говорят:

— Скоро будут ввстрены новые.

Я осматриваю дома стахановцев и слышу:

— Мы заканчиваем строительство новых домов.

Перед зданием горсовета строят стадион, разбивают скверы.

Осматривая Игарку, иностранцы не верят, что она так молода. Надо жить в нашей стране, чтобы понять, как молниеносно могут вырастать новые города.

На улицах шумно, оживленно, кипит работа. Игарка становится портом мирового значения.

В 1934 году полярники решили игарский «кочевой» порт на пловучих причалах сделать «оседлым».

Строительство постоянных морских причалов надо было закончить в 1937 году, но работа закончена на год раньше срока.

Игарский порт — образцовый морской порт, с постоянными морскими съездами.

Закончив реконструкцию порта, стахановцы написали письмо в газету «Большевик Заполярья». «Зимой, — писали они, — несмотря на пургу и пятидесятиградусные морозы мы выполняли нормы на двести процентов. Еще выше поднялась производительность труда, когда пришла весна, и затем, когда наступили жаркие дни лета. Двести двадцать восемь процентов — наш средний показатель за последние дни работы». Строители порта кончают свое письмо следующими словами: «Заботы партии и правительства о нас, трудящихся Заполярья, велики, и мы их должны оправдать стахановской работой».

Малый театр приехал в Игарку двадцать седьмого июля, в период круглосуточного дня, но уже с августа здесь наступает осень. Второго августа — правда, еще совсем не надолго — на улицах зажглось электричество.

С наступлением темноты деревянные улицы лесобиржи, порт и город, залитые морем огней, причудливо отражающихся в глубоких водах протоки Енисея, напоминают пейзажи северных сказок.

Три встречи с иностранными моряками

Тридцать первого июля один за другим появились первые английские пароходы.

На башенке Игарского порта подняты флаги. Иностранные суда отдают салют. К ним подходит пароход «Молотов». Несколько мгновений, и они у пристани.

Вечером один из работников политотдела сообщил нам, что первого августа на спектакль «Любовь Яровая» придут команды иностранных судов.

Мы пишем статью о Малом театре, о его прошлом, настоящем и наших гастролях в Арктике. Статью переводят на английский язык и, размножив, раздадут морякам.

Первого августа английские моряки задолго до начала спектакля пришли в театр. Они с любопытством осматривали зрительный зал и нарядно одетых полярников.

На спектакль пришли и капитаны.

— Где вы нас посадите? — спросили они.

Им ответили, что они будут сидеть в первых рядах партера, откуда прекрасно слышно и видно.

— О нет! — возмутились капитаны. — В партере сидит наша команда. Мы не можем сидеть рядом. У нас это не принято.

«Достоинство» капитанов не было «шокировано» — они заняли места в ложах.

Перед спектаклем я выступила с приветственным словом, которое было переведено на английский язык.

Поднялся занавес. Гости с огромным интересом смотрят спектакль, часто аплодируют посреди акта и после каждого действия шумно выражают свой восторг. Им так нравится спектакль, что они просят принять их делегацию, приходят к нам большой группой в последнем антракте, и мы беседуем через переводчика.

— Вам не скучно смотреть спектакль, не зная языка?

— Что вы? Мы все понимаем!

— Мы будем смотреть все ваши спектакли.

— Мы никак не ожидали, что в Арктике увидим знаменитый русский театр.

И нам начинают задавать вопросы, кстати, достаточно тенденциозные:

— Что вас влечет в Заполярье?

— Как вы решились ехать так далеко? Кажется, все вы не молоды?

отвечаем на вопросы.

Мы говорим, что люди нашей страны не боятся расстояний, что в пути нас окружили вниманием, что мы ехали в прекрасных условиях.

— Мы знаем, как героически работают за полярным кругом, — говорит Пашенная, — и хотим нашим приездом принести полярникам радость. В нашем театре было много желающих принять участие в этой поездке, и мы счастливы, что на нашу долю выпала честь гастролировать в Арктике.

Прощаясь, иностранные моряки крепко пожимали нам руки.

На следующий день мы встретились вторично в интернациональном клубе.

Этот клуб не велик, но очень уютен. Здесь много иностранной литературы, часто устраивают игры и танцы. Заботливые полярники сделали все, чтобы гости могли отдохнуть и повеселиться.

Второго августа группа актеров Малого театра, в компании игарских товарищей, зашла в клуб.

Нас окружили иностранцы, и незаметно завязалась беседа.

Когда полярники рассказывали о жизни в Игарке, о культурном росте молодого города, о его замечательных людях, когда летчик Тихонов говорил о победах советской авиации, когда мы говорили о том, как много строят у нас новых театров, кино, концертных площадок и клубов — взволнованные слушатели бурно аплодировали.

Наша беседа зашла далеко за полночь. В этот вечер и мы выслушали много рассказов. Особенно запомнился рассказ английского кочегара о голоде и безработице.

С каким волнением говорил он о миллионах безработных, о том, как мечтал увидеть Советский Союз и как восхищен нашими успехами, с какой ненавистью говорил он о том, что империалисты готовятся к новой войне.

— Красное знамя, — сказал он, прощаясь, — наше знамя, оно и нам принесет победу.

Среди команды иностранных судов немало негров. Пятого августа рабочие «Северстроля» пригласили их в гости. После товарищеского ужина они пели и танцевали, забывая о своей тяжелой жизни, о своем бесправии.

— Мы едим за одним столом, — говорили гости, — мы поем, танцуем, смеемся, и вы называете нас товарищами.

— С малых лет ни разу мы не бывали так счастливы, как сегодня.

И когда самый старый игарец подвел одного из пегров к портрету Сталина и сказал: «Вот кто принес нам счастливую и радостную жизнь» — гул аплодисментов прокатился по залу.

Интересно, что думали бы капитаны иностранных судов, не считающие возможным сидеть в партере рядом с командой, — если бы они видели, как счастливы их матросы и кочегары среди трудящихся Заполярной Игарки.

На кабриолете и телеге по Игарке

Время идет. С неизменным успехом проходят спектакли нашего коллектива. День за днем все больше роднит нас с Игаркой и приносит новые впечатления, я бережно и любовно заново их в дневник.

Все реже мы видим солнце, все чаще нас мочит осенний колючий дождь и пронизывает резкий ветер.

Заботливые игарцы предоставили в мое распоряжение маленький шарабан, он возил меня в театр, на лесозаводы, на лесобиржу. Мой шарабан полярники в шутку называли кабриолетом.

В одно пасмурное, дождливое утро я узнала, что владелец кабриолета вернулся из отпуска, и решила поговорить в горсовете о новой коляске.

— Мой экипаж всегда к вашим услугам, — сказал, выслушав меня, один из местных работников. — Но простите, он далеко не роскошен.

На следующее утро, стоя на крыльце в компании нескольких товарищей, я поджидала экипаж.

Долго ждать не пришлось. К нам подъехала телега.

— Кто здесь Чекина? — останавливая лошадь, крикнул возница.

Это и был мой новый «экипаж», он не раз возил меня по улицам города и порта.

Возница — мальчик — живой, разговорчивый, веселый, рассказывал мне о спортивных соревнованиях игарских школьников, о пионерских кострах и часто спрашивал:

— Я не очень скоро? А то, может, сильно трясет?

Дорога была размыта дождями, в ухабах и рытвинах, ездить в новом экипаже было далеко не приятно, но постепенно я привыкла к своей телеге и теперь с благодарностью

вспоминаю о том, как она помогла мне разрешить «проблему» передвижения по Игарке.

Об одном из путешествий на телеге я хочу здесь рассказать.

— Не понимаю,—заметила как-то Пащенко за вечерним чаем,— Игарку нередко навещают журналисты, пишут они о лесозаготовках, о лесной бирже, но ни разу не писали о чудесной игарской детворе.

Утром я попросила возницу доставить меня в горсовет.

Возница поднял кнут, и мы тронулись.

... Подъезжаем. Горсовет расположен в двухэтажном просторном доме. Я поднимаюсь по широкой лестнице в вестибюль и, миновав коридор, захожу в Отдел народного образования.

Меня радушно встретили. Я сказала, что решила писать очерк о детях Игарки, и выслушала много интересного о работе школ.

— Вы не вовремя приехали,— заметил один из работников, заканчивая свой рассказ о школах,— у ребят каникулы, но с нашей детворой вы давно успели познакомиться; о том, как она учится, мы вам рассказали; теперь остается познакомить вас с пионервожатой Тamarой Тюменцевой, она скоро придет. А пока я советую вам заглянуть на курсы националов.

Он подошел к окну и, раскрывая его, указал на двухэтажный деревянный дом.

— Видите, они совсем близко, в двух шагах. Национальная молодежь ежегодно приезжает учиться в Игарской совпартшколе, она выпускает пропагандистов и советских работников для далеких районов.

Во время гастролей Малого театра в совпартшколе шел ремонт, но незадолго до нашего приезда открылись курсы по подготовке националов в пушной техникум.

Гостеприимные работники горсовета предложили проводить меня, я не хотела их беспокоить и, поблагодарив за любезность, одна направилась на курсы.

На курсах националов

Небольшая комната. Парты. Группа слушателей оживленно разговаривает. Я знакомлюсь и говорю, что хочу побеседовать о работе курсов и жизни тайги и тундры.

— Посидите в приемной,— просят меня,— у нас через

пять минут начнется урок, но с минуты на минуту придет заведующий. Пока мы будем заниматься, он вам расскажет о курсах, а потом мы поговорим все вместе.

Ждать придется очень недолго. Заведующий уже узнал о цели моего прихода.

— Вы здесь увидите саха, долган, кето, якутов, тунгусов, ненцев, — рассказывает он, — среди наших слушателей есть жители далекой Хатанги, Таймырского округа, Авамского района, Усть-Енисейского, Дудинского, Туруханского... Учатся они, надо сказать, отлично, и все как один горят желанием сделать тундру культурной. Да вот, посмотрите сами.

За беседой незаметно промелькнуло время.

— Урок кончился, — раскрывает дверь приемной один из курсантов.

Идем в класс.

— Дорогие товарищи, — говорю я, — я знаю, что вы были у нас в Малом театре, видели, как мы работаем, ознакомились с нашим творчеством, теперь мы хотим знать, как вы живете, как живут ваши старики в тундре. Вы расскажете мне об этом?

— Расскажем! Конечно, расскажем!

— Спасибо. Кто хочет начать?

— Я! — стремительно поднимает руку самый юный из курсантов. — Мне четырнадцать лет. Я из тундры Хатанга. Кончил три класса в своей школе. Теперь хочу подготовиться в пушной техникум. У нас хорошо в тундре. Летом отец занимается рыболовством, а зимой охотится на песцов. Теперь у нас живут не так, как раньше. Я, правда, не знаю, не видел, а родители говорят, что раньше было плохо. Голодно было, грязно. А теперь у нас в семье детей много, и на все хватает. Мы сытно живем и летом все закупаем на зиму. Вот у нас зимой все и есть.

— А учиться у вас в тундре любят? — спрашиваю я.

— А то разве нет? У нас вся молодежь учится, теперь и старики учатся. Правда, летом им некогда: они зимой. «Учитесь, — говорят нам старики, — много знать — это хорошо. Только тундру не надо бросать. Надо обратно в тундру. Надо в тундре работать, помогать нам, старикам».

...Рассказывает девушка из Дудинки. Она учится в педагогическом техникуме, но хочет изучить и пушной промысел. Она с гордостью говорит о том, как в тундре выросла женщина.

— Жизнь строит, как хочет, учится. Теперь женщина и член кочевого совета, и в рике есть женщины, и на культурной работе. Раньше девушка даже жениха не могла выбрать, теперь совсем не то. Кого полюбит, за того и пойдет. Была женщина рабой мужа, а теперь — друг, товарищ: помогает ему в работе, интересуется всеми его делами. Женщина тундры хочет быть образованной, нарядной, хочет иметь и шелковые платья, и лакированные туфли, и модное пальто.

Поднимается курсант, приехавший из Авамского района.

— У нас, — рассказывает он, — в оленеводческом совхозе две с половиной тысячи оленей. Разве когда-нибудь мы жили так богато? Старики мои не жили, а мучились, а теперь живут чисто, все что надо имеют.

Я задаю вопросы. Каждый высказывается, и постепенно из рассказов, лаконических фраз и коротких реплик вырисовывается картина жизни националов.

С момента Великой Октябрьской революции жители тундры свободно вздохнули. Старики рассказывают детям о том, как в былые времена их обманывали купцы, как они, спаяв охотников водкой, отбирали у них дорогие меха.

Еще не так давно националы жили в грязных, шестовых, дымных, сырых чумах, не знали, что такое мыло и чистое белье, голодали, проклинали свою жизнь.

С приходом большевиков облик тундры резко изменился. Появились нарядные чумы, школы, избы-читальни, кино, радио.

— Вам надо приехать к нам в тундру, — приглашают меня курсанты, — вам, конечно, и не представить себе, как у нас теперь весело и хорошо.

— А кочевой совет популярен? — спрашиваю я.

— Очень. Его все население тундры любит. Как беда — бегут: «Помоги!» «Эго, — говорят старики, — наша власть, советская, нас, — говорят они, — не даст в обиду. Эту власть дал нам Ленин. Мудрый, ученый был человек. Он тундру от голода, от унижения избавил. А теперь Сталин нам помогает, о нас заботится». Старики очень любят Сталина, очень его чтут, а про молодежь и говорить нечего. Сталин наше солнышко, он дал нам все — образование, радость, зажиточную жизнь, счастье. Только с одним у нас не совсем хорошо. Есть еще такие, что шаманам верят, но мало их. Умные люди к нам приходят, разъясняют. У нас теперь есть и коммунисты — в советах, в культбазах... Будет больше школ в тундре, работников образованных, — и нечего там делать тогда шаману.

— Приезжайте к нам, — снова приглашают меня курсанты, — в театре наши старики еще не бывали, обрадуются они.

Я не стану передавать, что говорилось о нашем театре, и приведу лишь выдержки из писем националов, напечатанных в газете «Большевик Заполярья».

Вот отрывок из первого письма:

«Вас ждет тундра

Очень понравилась нам игра артистов. Беда как хорошо играют, настоящую жизнь показывают.

Мы очень просим вас, товарищи артисты, пойти к нам в тундру, на станок Хатанга, пусть наша молодежь, наши старики и старухи посмотрят вас.

Теперь тундровые люди живут хорошо и весело, хлеба много, сухарей много, сушек много, чаю и сахара — сколько хочешь.

Приходите, товарищи артисты, мы будем вас хорошо кормить, на хороших оленях возить быстро, мясо жирное дадим, чай дадим крепкий, приходите, пожалуйста, поскорее».

А вот вторая выдержка:

«В Игарку мы приехали недавно. Приехали мы учиться, получить квалификацию и пополнить свои знания.

Наши отцы такой возможности не имели, ее дала нам советская власть.

Мы впервые видим театр. Пока в тундре у нас нет театров, и мы очень благодарны за то, что к нам на Север послали артистов.

Раньше мы жили в шестовых грязных чумах, дымных, сырых. Скучная была жизнь. Теперь жить стало веселее, и мы, люди тундры, смотрим тех же артистов, что и Москва.

Хорошо жить в нашей свободной стране, где нет купцов и господ, оставшихся только в пьесах да сказках.

Большое спасибо за то удовольствие, что доставил нам московский Малый театр».

Под письмами четырнадцать подписей.

Разве не стоило ради того, чтобы получить такие письма и слышать простые, правдивые, искренние повествования о людях, возродившихся к новой жизни, предпринять нашу трудную поездку?

... С курсов националов я снова направилась в гороно и познакомилась с Тамарой Тюменцевой.

Во время наших гастролей я несколько раз встречалась с Тамарой и многими ребятами, и теперь хочу рассказать читателям о том, как живет и учится игарская детвора.

Дети Игарки

Две тысячи игарских школьников — это армия задорных, жизнерадостных талантливых ребятешек, им не страшна ни зимняя стужа, ни пурга, ни бесконечная полярная ночь.

Среди школьников много отличников учебы, много юных артистов, художников, поэтов и деткоров газеты «Пионер Заполярья».

Отличники учебы с готовностью помогают отстающим и порой пишут заметки в газету, отдавая на суд детской общности недисциплинированных ребят.

Вот, например, заметка Эммы Васюковой:

«На уроках разговаривают

У нас в III классе «В» есть плохие ученики. Они не слушают учительницу, на уроках разговаривают. Это Ягудин и Осокин. Они плохо ведут себя на уроках, плохо проводят перемены».

Бывает и так, что рядом с заметкой ребята помещают карикатуры и пишут к ним «ядовитые» стишки.

Ира Иванцова рассорилась во время урока с подругой, шумела и нагубила учительнице. На следующий день в газете появились карикатура и четверостишие:

*Ты все уроки превратила
В сплошное пеньё и галдеж.
Авось, попав ко мне на вилы,
Ты по-другому запоешь.*

Школьники, о которых пишут неодобрительные заметки, живо откликаются на них и дают на страницах газеты обещания хорошо учиться и хорошо вести себя.

Часто ученики-отличники через газету делятся с товарищами своей радостью по поводу интересных уроков.

О всех событиях школьной жизни, о школьных планах пишут ребята в свою газету, все они обсуждают коллективно.

Ребята не только сами учатся, они учат взрослых. Прочи-

тали они письмо Надежды Константиновны Крупской о том, что школьники должны ликвидировать неграмотность взрослых, и на страницах «Пионера Заполярья» появились статьи и заметки ребят с призывом проводить занятия с неграмотными. Вскоре был организован пионерский кружок по ликвидации неграмотности, и школьники начали заниматься с неграмотными родителями.

Впечатлительные, чуткие ребята знают, как внимательно следит за Арктикой вся наша страна, и хотят, чтобы весь мир знал, что и за полярным кругом живется радостно и счастливо.

В 1935 году они послали письмо великому писателю Алексею Максимовичу Горькому.

«Сейчас нам не светит солнце, — писали школьники, — только три часа мы видим дневной свет, наступает полярная ночь, уже ударил мороз, и метет пурга».

Полярная ночь не пугает ребят, их письмо дышит бодростью, они рассказывают о том, как живут и учатся, и сообщают, что хотят написать книгу о жизни детей Заполярья.

Алексей Максимович прислал ребятам в ответ замечательное большое письмо, одобрил решение написать книгу, дал много советов, как эту книгу писать, и горячо советовал «учиться много, серьезно и честно».

Ответ любимого писателя глубоко взволновал ребят Игарки. На страницах «Пионера Заполярья» появились горячие отклики и обещания хорошо учиться, начался конкурс на лучшую школу.

Ребята снова написали восторженное письмо Алексею Максимовичу и немедленно принялись за книгу.

Писали они и Ромэн Роллану, они и ему рассказали о своей жизни и работе над книгой и просили написать о том, как живут дети в Швейцарии.

Вот ответ, присланный игарским ребятам Ромэн Ролланом.

«Я очень был рад узнать, что за полярным кругом у меня две тысячи маленьких друзей и что они радуются своей жизни и, как я вижу, полны веры в будущее и в то, что они все сделают, чтобы мир стал лучше. А вы должны об этом думать, ведь миру всегда нужны будут люди бескорыстные и честные, хорошие работники».

Ромэн Роллан просит прислать ему книгу, которую пишут ребята, напоминает, что книга не должна отвлекать их от учебы, спрашивает, занимаются ли они иностранными языками.

«Так как я почетный пионер, — пишет он, — я получил

это звание, когда был в Москве прошлым летом — я не хотел отставать и стал изучать русский язык».

Свою большую телеграмму детям Игарки Ромэн Роллан кончает очень трогательно: «Шлю вам мои самые сердечные пожелания, мои милые белые медвежатки. Работайте хорошенько и никогда не падайте духом перед трудностями. Трудности созданы для того, чтобы их преодолевать и чтобы, преодолевая их, стать более сильными».

В последнее время ребята очень заняты своей книгой. При газете «Пионер Заполярья» и школах организованы литературные кружки. В них работают наиболее способные ребята. Как же они работают?

Как правило, ребята сами выбирают тему, а когда это кому-нибудь не под силу — редакция «Пионер Заполярья» приходит на помощь и предлагает на выбор несколько тем.

В своей книге ребята пишут о том, как учатся и проводят досуг, о встречах с лучшими людьми нашей страны, о природе, о забавных эпизодах из своей жизни.

Газета «Пионер Заполярья» уже печатает материалы из этой будущей книги. Вот, например, стихотворение, написанное Степой Перевало — учеником четвертого класса, четырнадцатилетним отличником учебы:

Весна в Игарке

Вы пришли,
желанная весна,
здравствуйте...
Вы что-то запоздали?..
Май к концу,
А мы
еще вчера
По сугробам с лыжами ныряли.
А сегодня —
лыжи в уголок...
Снег ползет от солнечной атаки,
здесь ручьи,
а там —
уже поток.
Ель вадымает к солнцу ветви-лапки.
Мох зеленый,
рыжий
и седой
В кучках-кочках
скромно распушился,
Косогор,
что к солнцу
над рекой,

сбросив снег,
в траву принарядился.

Птицы

хоровод заводят по утрам,
воробьи щебечут
деловито,

И гусиный
первый караван

Нам привет от юга
прокурлыкал.

Солнце бродит

сторожем кругом,
день —

длиннее песни эскимоса.

Енисей,

беснуясь подо льдом,

Силится разрушить власть торосов.

Крепость — вздор.

Напор ревущих вод

Трехметровую броню ломает,

Кроет бурей

Буйный ледоход,

Рвет,

Чудит,

Грохочет, загопляет.

В Игарке ребята с огромным нетерпением ждут весну и наступлению весны часто посвящают свои литературные произведения. Вот и пионерка-школьница Маня Нагленко пишет на эту же тему:

Прощай, зима!

Май в Игарке

наступает,

День веселый настает,

Снег в сугробах оседает,

С бугорка ручей течет.

Снегири к нам прилетели.

В небо — дым из труб столбом...

Через две или три недели

Почернеет все кругом...

Над рекой помчатся чайки,

Разломает лед в реке,

Завиднеются лужайки

На полянке вдалеке...

Здравствуй, здравствуй,

Май прекрасный.

Долго ждали мы его.

Длинный день, и вечер ясный...

Ну прощай, зима. Всего.

дети Игарки любят заниматься птицами, рыбами, различными, как они их называют, «зверушками».

Есть семьи, в которых несколько ребят, и все они заняты воспитанием своих «зверушек», они дрессируют их, любовно ухаживают за ними. В семье Баженовых, например, у ребят есть белая крыса, мышонок, белая куропатка, в аквариуме уже два года живут рыбки.

Ребята любят в полярную ночь, когда бушует пурга, видеть в школе цветы и зелень. О том, как ребята растят животных и украшают свои классы, они также напишут в книге, появления которой ждет вся Игарка.

Школьники в Игарке не только хорошо учатся, они умеют хорошо отдыхать и веселиться: часто устраивают пионерские костры, бегают на коньках, занимаются лыжным спортом и много времени отдают самодеятельности.

В зимние каникулы 1935 года они провели олимпиаду художественной самодеятельности, на которой с большим успехом выступали шумовые оркестры, хоры и было показано много характерных танцев и лубков.

В прошлую зиму в школе была организована выставка детского творчества, ребята выставили свои работы: рисунки, вышивки, угольники, циркули, модели паровоза, самолета и т. п. Многие работы были премированы.

Игарские школьники переписываются с детьми тундры и полярных зимовок.

Очень хочется знать игарским ребятам, какая погода в других городах Советского Союза. В этом году они встречали Первое мая в шубах, весело провели его, но знали, что на Большой земле грело солнце и было тепло.

Семнадцатого мая они лепили снежные бабы, но им было известно, что в этот день на Большой земле во многих городах стояла жара. Они читали об этом в газетах, слушали по радио, но решили о погоде в мае и особенно о первом и семнадцатом числе запросить ребят Большой земли, разослали ребятам различных городов письма, получили ответы и напечатали их в своей газете.

Игарские ребята живо интересуются политической, производственной и культурной жизнью нашей страны и стран, расположенных за нашими рубежами, и ни одно событие не проходит мимо их газеты.

В Игарке бывали Герои Советского Союза Отто Юльевич Шмидт и Василий Сергеевич Молоков — это любимые друзья игарских ребят, о встречах с ними ребята с восторгом рас-

сказывают и пишут. Часто бывают в Игарке летчики, с ними школьники с давних пор в большой дружбе.

... В день приезда мы обещали показать ребятам «Любовь Яровую». Выполнив наше обещание, мы лишний раз убедились, какая в Игарке дисциплинированная и чуткая детвора.

Театр был переполнен до отказа. Перед началом спектакля в зрительном зале было очень шумно. Я должна была рассказать ребятам о нашем театре и приветствовать их, но боялась, что меня никто не услышит.

Поднялся занавес. На сцену вышла Пашенная.

— Тише, ребята! — сказала она. — Мы слово сдержали, играем для вас «Любовь Яровую», но вы должны обещать нам не шуметь. Если обещаете, мы вам сейчас расскажем о нашем театре, о том, как мы живем и работаем.

— Обещаем! — в один голос дружно ответили ребята, а было их свыше тысячи. И слушали они изумительно и меня и весь спектакль.

В антракте за кулисы пришла Тамара Тюменцева, она сказала, что ребята просят нас не уходить:

— После спектакля они хотят говорить с вами.

Кончился спектакль. На сцену выходит группа пионеров.

Ученик пятого класса средней школы Коля Дардаев говорит четко, громко, очень серьезно:

— Дорогие товарищи из Малого театра, вы доставили нам большую радость. Мы знаем, вам трудно было приехать к нам так далеко за полярный круг, но вы не побоялись трудностей. Нам очень понравился ваш спектакль. Мы его никогда не забудем. Малому театру пионерское ура!..

И восторженный хор детских голосов подхватил:

— Ура, ура, ура!

Среди ребят много родившихся в Арктике. Но какие это прекрасные, упитанные малыши! В мае 1936 года здесь был проведен смотр детей в возрасте от двух до четырех лет. За самых здоровых, сильных, упитанных матери получили премии. И здоровых, прекрасных малышей набралось столько, что было очень трудно выбрать «лучших из лучших».

Многие школьники старшего возраста никогда не видели Большой земли, с огромным интересом расспрашивали меня о Москве и просили рассказать московским ребятам о том, как живут дети Игарки.

Так вот как живут, учатся и творчески работают, как любознательны и предприимчивы ребята Игарки. Поэты,

...растение реонга, из которых растет крепкая, закаленная, в вая смена, глубоко любящая свою великую родину.

Много замечательного запечатлела в нашей памяти Ига И на всю жизнь запомнились ее смелые, талантливые, чут ребята — энтузиасты, строящие свою жизнь содержател радостно, счастливо.

Совхоз „Полярный“

Возвращаясь в порт после встречи с Тамарой Тюм цевой, я в нескольких шагах от дома встретила товарищ — Где же вы были? — спрашивает у меня актриса Ба нова.

— Была в гороно, на курсах националов, а вы?

— Да мы в совхозе «Полярном» были! То, что мы дели — просто сказка, это так замечательно, что я и расс зать не могу. Там чудесные цветы! А овощи! Свежие огури капуста, свекла, брюква! Ну, право, как в показатель московском магазине. Но, главное, вы понимаете, в теплиц и парниках посажена земляника — мы были поражены! как же это случилось, что вы не поехали?

Рассказ Бариновой меня совсем расстроил. Я уехала в род, а товарищи неожиданно собрались в совхоз. Я знал что в совхоз направляются организованной экскурсией, ч вряд ли мне удастся одной побывать в совхозе, и, не дол думая, направилась в горсовет рассказать о своей печали.

Работники горсовета, как и обычно, приветливо встретил меня и, выслушав мою просьбу, обещали помочь.

— Вы не волнуйтесь, мы все устроим, — повторил оди из них, когда я уже собралась уходить. — В совхозе ва надо побывать. И с профессором Шитт надо познакомиться Вы, вероятно, слышали, что в Игарку недавно приехали и вестный профессор Тимирязевской академии Шитт и доцент кафедры плодоводства Лебедев? Отто Юльевич дал им задние организовать здесь первую в Заполярье опытную плододягодную станцию; они посадили землянику... Да, впрочем о землянике вам уже рассказывали. Мы надеемся, чт к Первому мая у нас будет своя заполярная земляника Кстати, она посажена не только в парниках, но и прям в грунт. Скоро будет создан и заполярный плодовой питомник, — уже привезены мичуринские сорта яблок, вишне крыжовник, смородина... Вот видите, я вам тут о совхоз

целую лекцию прочитал. Должен еще заметить, что, когда в Игарке был Отто Юльевич, он посетил совхоз и дал ему очень высокую оценку: «Меня, — говорил он, — охватило чувство гордости, когда я увидел, с какой любовью выращивают в совхозе прекрасные плоды и овощи — культуры, о выращивании которых даже в более умеренных широтах не смели мечтать буржуазные ученые».

Мы попрощались, но не успела я раскрыть дверь, как меня снова остановил мой собеседник.

— Для полноты лекции, — весело улыбнулся он, — я должен добавить, что в «Полярном» сто прекрасных дойных коров. Совхоз славится своими стахановками-дойярками. У них каждая корова дает тысячу шестьсот литров молока в год, но они говорят, что этого мало, и обещают выдаивать тысячу восемьсот литров. Телята, если и этот вопрос вас интересует, растут в совхозе великолепно. Наше свиноводство славится своим породистым составом, в этом году у нас появились пятьсот поросят... Но какие поросята!.. Жирные, упитанные... Нет, вы должны побывать в нашем совхозе.

Из дневников и записных книжек

Мы прожили в Игарке около месяца. Многие стали нам знакомым, родным и близким.

Мы ежедневно видим, как на голубые воды протоки Енисея снижаются самолеты и как они гордо и плавно поднимаются ввысь.

Трудно забыть, как однажды прилетели шесть самолетов; освещенные солнечными лучами, они казались прекрасными птицами, расправляющими свои крылья, чтобы немного отдохнуть на воде.

Пилоты заполярной авиации товарищи Липп, Тихонов, Задков, Орлов, Рябицкий, Купчин, Еремеев — и сколько их, нам незнакомых, — с молниеносной быстротой совершают свои трудные рейсы, перевозят грузы для новых социалистических строек и помогают людям в часы преодолевать тысячи километров.

Семь суток надо плыть по Енисею от Красноярска до Игарки, и всего семь — восемь часов занимает этот маршрут на самолете.

Самолет перебрасывает грузы в Нордвик, на строительство нефтяных промыслов; в Норильский комбинат, где разрабатывают залежи железа, никеля, угля.

Прожив лёд в Заполярье, мы знаем, как напряженно приходилось бороться со льдами нашим морским судам и как героически работали полярные летчики. Их разведки помогали капитанам выбирать путь и штурмовать льды.

Своевременное начало Карской экспедиции было в значительной мере обеспечено замечательными полетами гордых полярных соколов.

Во время наших гастролей в Игарке настольной газетой стал у нас «Большевик Заполярья».

Мы видели, с каким нетерпением ждут здесь выхода газеты. Она освещает все, что волнует Советский Союз.

Когда мы жили в Игарке, редакция вела большую кампанию за образцовое проведение Карской экспедиции и выпускала для иностранцев страничку на английском языке. Это помогало иностранцам знакомиться с жизнью Советского Союза, и я не раз видела, как они с жадностью набрасывались на газету и, собираясь группами, оживленно обсуждали прочитанное.

С каждым днем мы все ближе знакомимся с Игаркой, и каждый новый день, прожитый здесь, приносит новые впечатления, наплывающие одно на другое.

Сегодня утром мы были на лесозаводе № 2. Он оборудован по последнему слову техники. Мы видели, как моют бревна, как их раскалывают и распиливают на доски.

— Наша доска, — поминутно повторял главный инженер, показывая нам завод, — славится по заслугам. Вы посмотрите, какими добротными пиломатериалами снабжаем мы границу.

Достаточно одного взгляда, чтобы оценить качество игарского леса.

Осматривая завод, мы жалели, что не можем захватить эти доски с собой и похвастать ими в Москве.

Нам, впервые попавшим в Заполярье и Арктику, было очень трудно справиться с охватившими нас впечатлениями и осознать то, с чем раньше не приходилось сталкиваться, но что в условиях Севера играет огромную роль.

Утром мы были на лесозаводе, после обеда — на мерзлотной станции.

Игарка расположена в зоне вечной мерзлоты. Это неблагоприятно отражается на зданиях: оседает фундамент, трескаются стены.

Борьба с вечной мерзлотой выпадает на долю мерзлотной станции.

Много дум рождает эта станция, эта новая для нас страничка из жизни Заполярья, и грустно, что внимательно приглядеться к ней мы уже не успеем.

Так же грустно, что только мимолетно задержались мы на метеостанции. Кому из нас приходило в голову, что где-то в далекой Игарке каждые шесть часов записывают температуру воздуха, его давление, силу ветра, значение солнечных лучей, и что без этого страна не могла бы иметь четкой синоптической карты погоды.

В одном из номеров игарской газеты «Большевик Заполярья» помещен портрет старшего метеоролога Игарки, под ним краткая информация о работе станции. Приведу выдержку:

«Агрономы, садоводы и огородники ревниво следят за погодой в Арктике — она «делает» погоду на полях, в садах и бахчах. Заполярье — «мастерская погоды». Знать ее, изучить ее повадки и поведение — значит сохранить виноградники, значит обеспечить летнюю работу самолетов по расписанию».

Хотелось бы ближе познакомиться и с радиоцентром.

Разве радист не делает огромного дела? Разве радио в Игарке не служит крепкой связью с Большой землей? Разве одна из самых мощных полярных станций, находящаяся здесь, не радуется жителей тундры и далеких районов своими передачами?

Чем больше мы жили в Игарке, тем сильнее тянуло нас как можно ближе ознакомиться с ее своеобразной природой. Мы часто ходили по городу, не обращая внимания на туман, ветер и мелкий назойливый дождь.

Как-то во время одной из наших прогулок артист Савельев нашел маленькую лопатку.

— Интересно, — сказал он, — что за грунт под этими стружками?

Под стружками лежит снег. А мы видим на этой земле цветы, овощи и фрукты.

В Игарку нередко приезжают корреспонденты иностранных газет. Пораженные ростом молодого города, они пишут о его замечательных делах. Наши друзья делают это искренно, враги вынуждены констатировать неопровержимый факт. Замолчать преобразование Советской Арктики не решился никто.

... Главы, посвященные знакомству с Игаркой, заканчиваются. Каждому ясно, что за чудесными, поразившими нас

делами стоят сотни и тысячи партийных и непартийных большевиков.

Особенно хочется отметить, что в далекой Арктике в борьбе с суровой природой закаляется женщина. Игарка замечательна своими женщинами-стахановками. В горкоме, в политотделе, на морских причалах, на заводах, на лесной бирже, в совхозе, в школе, среди пионервожатых — да разве можно перечислить, где работают и руководят работой игарские женщины!

Славные имена игарских женщин будут занесены на страницы истории Советской Арктики.

Игарка ликует

На долю Игарки выпала честь провести у себя пятнадцатый тираж выигрышей Займа четвертого, завершающего года пятилетки.

Празднично разукрашен порт и город, на улицах нарядная шумная толпа.

Со всех концов Красноярского края съезжаются гости, здесь и якуты, и саха, и ненцы.

Заместитель председателя Совнаркома Союза ССР т. Чубарь, секретарь Западносибирского краевого комитета ВКП(б) т. Эйхе, секретарь ВЦСПС т. Шверник и начальник Главсевморпути т. Шмидт — присылают горячие приветствия.

Газета заполнена статьями, посвященными тиражу.

Даже арктическая природа дарит игарцев в эти радостные дни теплом и солнцем.

Установилась летная погода, в воздухе реют самолеты, они сбрасывают листовки и, кружась над городом, приветствуют игарцев.

Несколько актеров Малого театра — на самолетах, пилот Тихонов показывает им с высоты птичьего полета ликующий город.

Театр иллюминирован, украшен портретами вождей, лозунгами и флагами.

Над входом ярко горит слово «Тираж».

Одиннадцатого августа на утреннем торжественном заседании выступают представители общественных организаций, рабочие, моряки. . .

Радость и благодарность правительству, партии, родному Сталину и беззаветная любовь к родине звучат в горячих словах игарцев.

Наш коллектив и горд и счастлив: Вера Николаевна Па-
шенная и Николай Федосеевич Костромской — члены тираж-
ной комиссии...

... На сцену выходят дети. Маленький Коля Дардаев,
который не так давно приветствовал наш коллектив, читает
стихи, написанные в честь тиража от имени двух тысяч
школьников Игарки пионервожатым отряда им. Косарева —
Борей Веревкиным.

С этими стихами мне хочется познакомить и вас, чита-
тель.

Товарищи родители,
Товарищи старшие,
Давайте поделим
Праздник наш.
Учебу закончив
И сдав экзамены,
Пришли мы
Приветствовать наш тираж.
Вы ждете,
Уже карандаши отточили...
Кому принесут
Колеса успех?..

А мы
свой выигрыш уже получили —
счастливое детство
и радостный смех...
Сталин сказал нам:
„Живите и радуйтесь,
Время невзгоды сотрет в порошок“.

Любим Игарку мы,
Весело стало здесь.
Жить стало весело,
Жить — хорошо.

Летят самолеты,
Плывут пароходы,
Артистов московских
В Игарку везут.
Костры в лагерях
прогулка,
походы
И зелень в полях,
И птицы в лесу...
Летом — купанье
Зимой — салазки.
Мы не страшимся
Полярных угроз.
Яркое солнце
Сталинской ласки
Нас согревает
В пургу и мороз.
И ныпче тому,

Кто решает задачи
Радостей наших
И наших побед, —
Свой пионерский и
Октябрючий,
Самый сердечный
И самый горячий
Шлем заполярный
Игарский привет!
Ладно скроена,
Крепко сшита
Наша
Советская детвора.
Вырастут Чкаловы!
Вырастут Шмидты!
Вырастут
Сталинских дел мастера!
Стройтесь, заводы,
цветите, колхозы.
Жизнь —
это тоже
Огромный тираж,
Мы покорим
И пургу и морозы,
Счастье за нами,
Выигрыш наш.

Начался тираж вечером одиннадцатого августа.

На сцене тиражные кассы. Игарские пионеры стоят у касс и вынимают билеты.

На электроуказателе зажигаются цифры: это выигравшие номера серий и облигаций и суммы выигрышей.

Празднично и радостно в зрительном зале.

Работы Малого театра в Игарке

Мы показали в Игарке пятнадцать спектаклей, весь наш репертуар просмотрели игарцы. Какая постановка понравилась им больше, трудно сказать: каждый спектакль принимался горячо, каждый вечер гремели аплодисменты.

Наша работа в Игарке не ограничилась спектаклями, мы проводили творческие консультации и беседы со зрителями.

Полярники часто приходили к нам с вопросами. Прошлое Малого театра, его репертуар, театры Москвы, советские драматурги, новые пьесы — все это интересовало наших зрителей и особенно участников драматических кружков.

Немало статей, посвященных творчеству нашего театра и его репертуару, мы дали в газету.

Провели мы и смотр самодеятельности, но во время смотра невольно вспоминали о кружках Красноярска и Придивного.

Организация смотра и здесь оставила желать много лучшего: выявить, что представляет собой рабочая самодеятельность Игарки, не удалось.

Хотя день смотра был согласован с кружковцами и с работниками клуба, нам показали только один из четырех кружков.

— Время горячее, много кружковцев занято на Карской, — оправдывались кружковцы.

Начался смотр. В зрительном зале далеко не многолюдно, но очень шумно: ежеминутно входят и уходят, разговаривают — трудно смотреть и слушать.

На смотре мы видели отрывки из пьесы «Половодье» и прослушали в небольшом литературном отделении рассказы Чехова, басни Крылова и стихи Маяковского.

Есть ли среди кружковцев одаренные люди? Несомненно. Большинство из них играет и читает вдумчиво, с настроением, но речь их не отшлифована, жестикуляция назойлива, чувствуется недостаток культуры и такта.

А какая переоценка собственных сил и боязнь самокритики выявились в прениях!

Все говорили, что надо объединить лучшие силы кружков и возглавить их квалифицированными кружководцами.

До последнего времени кружководы часто сменяли друг друга. По словам кружковцев, они совершенно не удовлетворяли их требованиям. Но каковы их требования, так и не удалось выяснить. Очень уж расплывчато и неопределенно рассказали они об этом.

Пашенная «по-душам» побеседовала с болезненно самолюбивыми кружковцами, да и все мы критически расценивали их работу и нетерпимое отношение к критике.

С твердой уверенностью, что наша дискуссия не пройдет бесследно и в работе игарской самодеятельности наступит перелом, я перехожу к откликам игарцев на спектакли Малого театра и процитирую ряд выдержек из писем зрителей, напечатанных в газете «Большевик Заполярья».

Пишут рабочие, моряки, метеорологи, радисты, педагоги, учащиеся, домохозяйки.

Начну с выдержки из письма работницы «Северной», посвященного впечатлениям от первой встречи с Малым театром:

«И никогда не забуду 27 июля 1936 года. Яркий солнечный, теплый день. Все спешат в порт, все хотят встретить артистов Малого театра.

Собрались. Ждем теплохода.

У причалов играет оркестр. Серебрится протока. Деревья качают своими макушками, как бы кланяясь, приветствуя артистов Малого театра и прощаясь с артистами Большого театра, уезжающими дальше на Север.

Вот подошел к порту разукрашенный морскими флагами теплоход «Красноярский рабочий». На нем наши дорогие гости.

Что пережила я, когда увидела коллектив Малого театра, одного из лучших театров нашей страны, — трудно передать.

Я не могла удержать слезы радости, когда народная артистка Республики Пашенная говорила свою первую приветственную речь нам, игарцам».

За этим откликом в газете появились десятки других, не менее прочувствованных и теплых:

«Шлю горячий привет артистам Малого театра — славным советским артистам, посетившим наше Заполярье».

«Какая радость увидеть в Заполярье спектакль московских артистов».

«Слушая замечательных людей искусства, забываешь, что находишься за полярным кругом, в далекой Игарке».

«Чувствуя, как о нас, полярниках, заботятся партия и правительство, я счастлив и остаюсь работать в Заполярье».

«Мне хочется поблагодарить начальника Главсевморпути Отго Юльевича Шмидта. Побывав у нас в прошлом году, он не забыл о нас и в этом году послал к нам таких дорогих гостей, как артисты московского Малого театра».

«И вот в далеком от всех центров Заполярье я снова увидела пьесу Островского; на этот раз она была сыграна нашим советским театром так, как мне еще не приходилось видеть. Никогда я не видела такого прекрасного исполнения произведений моего любимого драматурга.

Спасибо артистам Малого театра за их прекрасную игру, спасибо товарищу Пашенной за ее неподражаемую передачу материнских чувств и за искренние материнские слезы, которые она заставляет проливать».

«Мы очень благодарны Малому театру за постановку «Любовь Яровая». В этом спектакле театр показал нам высокое мастерство своих артистов. Просмотрев этот спектакль, мы получили огромное удовлетворение».

«Несмотря на трудности, которые встретили артисты Малого театра у нас в Игарке: совсем непривычную для них сцену и т. п. — их спектакли замечательны. Я хожу на спектакли Малого театра ежедневно, и хотя уже успел пересмотреть все четыре пьесы, иду смотреть их во второй и в третий раз и смотрю с неослабевающим интересом».

«В 1936 году Игарка впервые увидела настоящее искусство. Особенно радостно отметить, что артисты Малого театра играют у нас так же, как и у себя в Москве, а не так, как это обычно делают гастролеры: «лишь бы с плеч свалить», публика, мол, все равно не поймет. Нет. Наши советские зрители понимают искусство и потому так горячо приветствуют настоящих мастеров».

Незадолго до нашего приезда в Игарку прибыли участники спортивно-туристского похода Красноярск — Игарка. В этом походе участвовали шесть студентов Новосибирского института инженеров транспорта. Весь путь по Енисею они прошли за четырнадцать дней на шлюпках. Туристы посетили места ссылки И. В. Сталина и Я. М. Свердлова и собрали большой материал о гражданской войне и партизанском движении.

Посмотрев спектакль «Любовь Яровая», участники похода послали в газету письмо. Приведу выдержку:

«Многие из нас, участников шлюпочного похода Красноярск — Игарка, впервые видели спектакль Государственного Академического Малого театра.

Выезжая из Новосибирска и направляясь на шлюпке из Красноярска за полярный круг, мы никак не ожидали увидеть там замечательных артистов столичного театра.

Мы восхищены спектаклем «Любовь Яровая», так прекрасно смонтированным народной артисткой республики В. Пашенной. Это великолепный спектакль и в художественном и в идейном отношении, отображающий героику гражданской войны.

Выражаем благодарность всему коллективу артистов, показавшему нам большое искусство за полярным кругом».

В заключение приведу две выдержки из статей, посвященных нам редакцией газеты «Большевик Заполярья».

«Большой утомительный путь пределали наши дорогие гости артисты Московского Государственного Академического Малого театра, пока добрались из столицы до Заполярной Игарки. Утром 27 июля 1936 года они впервые вступили на землю, лежащую за полярным кругом, за тысячи километров

желтом доме у памятника А. Н. Островскому на Свердловской площади Москвы.

Радостная встреча, взволнованные слова приветственных речей, цветы, музыка, несмолкаемые аплодисменты — так началось знакомство театра с игарцами и игарцев с театром.

Общий подъем этой встречи был так велик, что актеры, не замечая усталости и даже не отдохнув с дороги, вышли на сцену городского клуба с первым в стотридцатилетней истории Малого театра заполярным спектаклем. Он состоялся вечером того же 27 июля.

На сцене — герои, созданные великим русским драматургом Островским. Как живо, как убедительно передает театр замыслы драматурга! Зрителям остается только благодарить артистов и их замечательного художественного руководителя Пашенную за хороший, веселый и содержательный спектакль. Эту благодарность зрители выражают долгими дружными аплодисментами, снова и снова вызывая на сцену талантливых мастеров советского искусства».

А вот вторая выдержка:

«Уже шестой день, как сцена Игарского городского клуба привлекает внимание и симпатии трудящихся Игарки.

Как только кончается работа утренних смен на лесозаводах, на строительстве школы, как только кончаются занятия в учреждениях, тот, кто смог достать билет, торопится занять место в зрительном зале клуба.

Сперва сотни, а теперь уже тысячи игарцев познакомились с подлинным актерским искусством.

... Каждый спектакль — это волнующая встреча не только с актерами, но и с героями и героинями, созданными ими на сцене.

Каждая встреча неизменно заканчивается бурной овацией. Зрители благодарят коллектив мастеров советского искусства, осваивающий заполярную сцену».

Последний спектакль в Игарке был сыгран двенадцатого августа, в день тиража.

В этот день зрители и актеры узнали о том, что горсовет постановил присвоить городскому клубу наименование «Театра имени народной артистки Республики В. Н. Пашенной» и переименовал Почтовую улицу в улицу имени Малого театра.

Празднично и радостно закончил свою работу в Игарке коллектив Малого театра.

Карская экспедиция

Как я уже говорила, первые четыре иностранных судна появились в Игарке первого августа. После этого, во время наших гастролей, пришло еще девять судов.

Лето в Арктике короткое, Игарка должна успеть за сорок—сорок пять дней погрузить десятки лесовозов.

В навигацию 1936 года суда удалось провести через Карское море, когда оно было еще сковано льдами.

За полтора месяца из Игарки нужно вывезти около двадцати девяти тысяч стандартов пиломатериалов.

В первые же дни погрузки полярники опрокинули старые нормы. Среди стахановцев и навалыщики, и коновозчики, и вильчманы.

Успешное проведение Карской дает стране миллионы валюты, досрочная погрузка иностранных судов — «диспач», премию в золотом рубле. Но если пароходы задержатся хотя бы на час, если на борт будет погружена хотя бы одна отсыревшая доска, иностранцам надо будет платить золотым рублем штраф — «клеймсы».

— Заработать диспач! Провести погрузку образцов! — только это и слышишь, когда идешь по лесобирже, когда говоришь с рабочими, с любым мальчуганом-коногоном, с любой девочкой-клейменщицей.

Бригады грузчиков вступают в соревнование на досрочную высококачественную погрузку пароходов. Грузчиков не удовлетворяет норма суточной погрузки в сто восемьдесят стандартов, они хотят довести ее до двухсот восьмидесяти и с каждого парохода получить «диспач».

Начало августа было мрачным, дождливым. Это сопряжено с вынужденными простоями.

Игарка в тревоге. Настроение игарцев передается и нам. И среди грузчиков и среди коногонов у нас не мало знакомых, и мы по нескольку раз в день справляемся, как идут дела с погрузкой.

При нас ушло несколько пароходов. Несмотря на простои, пароходы были погружены до срока, погрузка была проведена образцово, и с каждого парохода Игарка получила «диспач».

Экспорт игарского леса растет с каждым годом.

В 1931 году в Игарский порт пришло двенадцать иностранных судов, в 1935 — сорок, а в 1936 ждали их много больше.

В 1930 году было вывезено на экспорт две тысячи стан-дартов, в 1936 — эта цифра возрастает до двадцати девяти тысяч.

Англия, Германия, Бельгия, Дания, Финляндия, Эстония, Норвегия, вывозят наши лесоматериалы, а вместе с ними за рубежом идет весть о сказочных успехах Игарки.

Бьет ключом жизнь на празднично разукрашенных при-чалах. Работа не останавливается ни на минуту.

Я не записывала имен стахановцев, но если в непогоду, холод, дожди Игарка умудряется получить «диспач», как много там этих замечательных людей!

Наша страна может гордиться энтузиастами шестьдесят седьмой параллели.

Последние дни в Игарке

Еще за несколько дней до нашего последнего спектакля мы напряженно ждали разрешения вопроса: полетим ли мы на Диксон?

Не только отсутствие свободных самолетов задерживало нас в Игарке: не было летной погоды, и бухта Диксон еще не очистилась ото льда.

Мы знали, что бригада Большого театра застряла в Ду-динке и не может продолжать путь.

Начались томительные дни и ночи...

Мы часто спрашивались в радиоцентре о погоде. Хорошей погоды метеосводки не обещали, природа точно подсмеивалась над нами: лили дожди, часто спускался туман, бушевал ветер, бухта была скована льдом.

На Диксон мы стремились горячо и неудержимо и счита-ли, что наши обязательства не будут выполнены, пока мы не выступим за семьдесят третьей параллелью.

Все мы усиленно расспрашивали летчиков о том, при каких условиях можно летать, стали «крупными» специали-стами по определению летной погоды: терпимо относились к ливням и возненавидели туман и шторм, точно сговорив-шиеся помешать нашим гастролем на Диксоне.

Трудно передать, что мы переживали, когда пришло из-вестие о том, что на Диксон подул сильный ветер и бухта очистилась от льда. Первая преграда устранена, но летной погоды все еще нет.

В горсовете начали поговаривать о том, что на скорое улучшение погоды рассчитывать трудно, что перелет ослож-

няет отсутствие удобных пассажирских самолетов и что скорей всего от гастролей на Диксоне придется отказаться.

Местных работников смущало, главным образом, «почтенный» возраст большинства наших актеров. «Участники концертной группы Большого театра, — говорили нам, — моложе, крепче, сильнее вас, им легче перенести арктический перелет на неприспособленных для пассажирских перевозок самолетах».

Все складывалось против нас.

Осенняя ненастная погода, с дико завывающим ветром и густым туманом, отсутствие пассажирских самолетов и, главное, настроение местных работников заставили многих актеров призадуматься. Прежнее единодушие было сломлено, и порой казалось, что от твердой решимости лететь на Диксон не осталось следа.

Наконец мы узнали, что Большой театр на Диксоне и что наступили летные дни. У нас все сомнения как рукой сняло, но в руководящих организациях вопрос о нашем полете еще не решен.

Мы ждем. Проходит день, второй, третий.

Возвращается концертная группа Большого театра.

С необычайной яркостью запомнилась встреча с артистами, прилетевшими с Диксона. Они устали, но какие у них счастливые лица, как гордо звучат голоса!

— Я не могу без волнения вспомнить о том, как нас горячо встретили, — говорит артистка Шевченко. — Все мы были так потрясены, что, разговаривая по радио с Москвой, плакали от счастья и радости. Вы должны полететь на Диксон. Какие там прекрасные люди, и как вас там ждут!

Легко представить себе, что мы переживали, когда прилетел Большой театр.

Вечером после спектакля мы увидели в столовой вазу с цветами, к ним была приколота записка: «От бригады Большого театра — Малому театру — цветы с Диксона».

И радостно было нам за товарищей, уже побывавших на Диксоне, и завидовали мы, и потянуло нас на Диксон с такой властной силой, что, казалось, мы преодолеем все препятствия, но полетим!

Десятого августа было созвано объединенное совещание политотдела и горсовета с участием начальника Заполярной авиации М. И. Шевелева и начальника енисейской авиалинии А. Д. Минина. На совещании присутствуют Вера Николаевна Пашенная и уполномоченный дирекции Малого театра.

Решений этого совещания мы ждали с огромным нетерпением и тревогой.

Не прошло и часа, как Пашенная пригласила нас в комнату Костромского.

Тесно, душно, нехватает места, многие толпятся в дверях.

— На Диксон мы летим, — сообщает Вера Николаевна, — но, к сожалению, не все. В нашем распоряжении только один самолет «Н-8», на котором летал и Большой театр. Этот самолет может забрать не больше двенадцати человек. Совещание предложило нам показать на Диксоне только один спектакль «На бойком месте», летят одиннадцать его участников, а двенадцатой Чекина, как автор книги о нашей поездке.

— Но неужели невозможно получить второй самолет?

— Все хотят лететь — об этом вы говорили?

— Я все сказала, я говорила, что весь коллектив рвется на Диксон, что нам очень тяжело раскалываться, но мне доказали, что отправить всех невозможно. Товарищи, — заканчивает Вера Николаевна, — список летящих на Диксон окончательный. Вы видите, что не летит даже уполномоченный дирекции. Он вынужден уступить свое место Чекиной. Не будем же напрасно волновать друг друга. Те, кто не летит на Диксон, одиннадцатого вечером отправятся на пароходе в Красноярск. Мы же будем здесь ждать самолета, проведем на Диксоне один день и обратно до Красноярска весь путь совершим также на самолете. В Красноярске встретимся и все вместе поедem в Москву.

Десятого августа происходило это памятное нам собрание, которое каждый переживал очень болезненно. Актеры, на долю которых выпало счастье полететь на Диксон, волновались за товарищей, а те, кто не был занят в спектакле «На бойком месте», хотя и подчинились постановлению нашего собрания, не хотели мириться с тем, что нельзя получить двух самолетов, и долго еще говорили об этом «в кулуарах».

Надо заметить, что двое участников спектакля «На бойком месте» не полетели на остров. Костромской не решался по состоянию здоровья и просил его заменить. Заменяли мы и артиста Сидорова, уже летавшего однажды и тяжело перенесшего полет.

Одиннадцатого августа группа наших товарищей покинула Игарку и отправилась на пароходе в Красноярск.

Мы даем последний спектакль.

Актеры продолжают знакомиться с городом, я собираю материал для книги, и все мы ждем самолета.

Если позволит погода, наш самолет четырнадцатого августа прилетит за находящимся здесь начальником Нордвик-строля т. Лавровым, отвезет его на Нордвик, вернется, и мы тронемся в путь.

Нас попрежнему раздражает непостоянство арктической погоды. Просыпаешься — светит солнце, но пока ты завтракаешь, оно успевает скрыться за тучами. Идешь обедать — дождь. Вернулась домой — опять солнце. Не прошло и часа — снова тучи, ливень, шторм.

Чуть ли не каждую минуту мы задираем головы и тревожно всматриваемся в небо.

Наступает тринадцатое августа. Завтра должен прилететь наш самолет. Долго мы не спим в эту ночь...

Рано утром самолет прилетает.

Я захожу в столовую. Там завтракает пилот нашего самолета т. Задков. Знакомлюсь. Нельзя сказать, что он с нетерпением ждет полета с нами.

— Это хорошо, — говорит он, — что вы летите на Диксон. Да не привыкли вы к самолету. Трудновато вам будет...

— Ничего, — перебиваю я, — скажите, а как перенес свое путешествие Большой театр?

Задков улыбнулся:

— Они хорошие ребята. Но они моложе и крепче. И все же, должен сознаться, что Селиванов у меня так замерз, что его пришлось закутать в спальный мешок.

— Я думаю, что мы перенесем полет не хуже артистов Большого театра, — говорю я. — А если и доставим вам несколько неприятных минут, так зато увековечим ваше имя в книге...

Снова улыбается наш пилот:

— Вы пишете книгу?

— Да.

— Вот это дело. Я ведь, знаете, всю жизнь только и дожидался, чтобы обо мне написали в книге.

... В полдень, самолет улетел с Лавровым на Нордвик. За нами он вернется семнадцатого или восемнадцатого августа.

Какая погода на трассе Игарка—Дудинка—Диксон? Нет ли ветра, нет ли тумана, свободна ли ото льда бухта? Мы так были поглощены этими вопросами, что даже забыли своевременно позаботиться о теплом платье.

Концертная группа Большого театра имела теплые комбинезоны, у нас их не было, и только накануне полета мы вспомнили об этом и взяли у игарцев полушубки.

нать к ее непостоянству.

Вечером семнадцатого августа за нами прилетел самолет, и рано утром мы тронулись в путь.

Погода как будто улучшилась, солнышко приятно согрело, и наше настроение поднялось.

VII. ИГАРКА — ДИКСОН

Трудно без улыбки вспоминать о нашем первом знакомстве с самолетом.

«Н-8» не приспособлен для пассажирских перевозок. Сидеть не на чем: можно только лежать.

В хвосте расположились Пашенная, Щербиновская, Соловьев, Мейер, Чернышев, Волосов и я.

Мейер и Соловьев уже летали, чувствуют себя непринужденно и даже не без иронии, свысока посматривают на нас, «дебютантов».

Мы очень долго устраивались, старательно «укомплектовывали» уши ватой и положили около себя коробочки с лепешками. Вата поможет в борьбе с шумом, лепешки — профилактика от тошноты.

Приближается минута отлета.

Несколько минут мы плавно скользим по протоке Енисея. Загудел мотор.

Самолет набирает высоту. Все мы вздрогнули и посмотрели друг на друга широко раскрытыми глазами.

Теперь, вспоминая о наших первых ощущениях на самолете, жалеешь, что с нами не было фотографа или карикатуриста.

Я лежу рядом с Пашенной и Чернышевым у входа в самолет, под открытым небом. Здесь дует ветер, и нам очень холодно.

Остальные товарищи в глубине хвоста, там теплее, но сильно пахнет бензином.

Пока довольно тихо и не «болтает».

Нам, в первый раз переступившим порог самолета, трудно привыкнуть к шуму мотора: вата не помогает, гудит в ушах, болит голова, развинчиваются нервы.

Мы знаем, что «Н-8» прекрасный мощный самолет, что его водитель и весь экипаж заслуженно пользуются славой отважных, высококвалифицированных летчиков, и чувствуем себя очень спокойно.

Не прошло и часа, как погода начала портиться: поднялся ветер — как нам потом сообщили, сила его достигла пяти баллов; для нас, «дебютантов», это, конечно, чрезмерно много.

Как ни странно, первым оскандалился самый молодой и крепкий Виктор Волосов, только что сошедший со скамьи техникума; его примеру последовал мой сосед Чернышев, сильный и здоровый на вид. Он всегда помогал мне в «преодолении» трудностей нашего арктического «похода» и смеялся над теми из нас, кого пугала перспектива полета.

Мне давно стало не по себе, но я долго крепилась и уверена, что преодолела бы недомогание, если бы не двое моих соседей.

После непродолжительной остановки в Дудинке мы снова тронулись в путь. Перелет до Диксона все мы перенесли много легче: мы узнали, что скоро Диксон, и заставляли себя думать только о нем.

... Самолет приближается к Диксону. Еще несколько минут, и мы у цели.

VIII. НА ДИКСОНЕ

Здравствуй, Диксон!

Бухта Диксон покрыта льдом. Одна за другой медленно плывут ледяные глыбы. Самолет долго выбирает место для посадки. Но вот мы на воде. К нам приближается на шлюпке парторг острова т. Соколов.

Все мы очень устали. Нас шатает, звенит в ушах.

Покинув самолет, мы садимся в шлюпку и медленно движемся среди льдов к белым берегам острова.

Шлюпка приближается к полосе чистой воды. Нас встречает катер, мы пересаживаемся и, часто оглядываясь на раскинувшийся среди льдов самолет, продолжаем путь.

Еще несколько минут, и мы на скалистом берегу.

Вот он. Диксон! Только считанные часы нам удастся здесь провести: прилетели мы около шести вечера, а улететь должны в четыре утра — такое задание получил наш пилот: надо пользоваться летними часами, они на Диксоне очень непостоянны.

Мы жадно стремимся запечатлеть в памяти каждую минуту этих коротких часов.

Арктика не считается с календарем. На Диксоне разгар заполярного лета. Как это лето мало греет, как ветрено здесь

... и приветливо встречают нас на берегу!

В компании полярников, летчика Козлова и начальника острова Боровикова, мы направляемся к зимовке. Навстречу нам идет молодая женщина с грудным ребенком. Она с гордостью показывает недавно родившегося гражданина острова Диксона — упитанного, здорового малыша.

Кают-компания уже совсем близко. На фоне холодного заполярного неба и льдов мы видим маленькие домики, перед ними разбиты палисаднички, обнесенные светлозелеными невысокими заборами, в палисадничках ярко и пышно распустились анютины глазки.

И здесь — много севернее Игарки — на берегу бухты, покрытой льдами, мы видим цветы.

... В кают-компании шумно и многолюдно.

Мы вспоминаем, что прилетели на Диксон в день авиации. Скоро начнется митинг.

Рядом с кают-компанией нам отводят две комнаты.

— Вы устали, отдохните, мы поставили вам несколько кушеток, — обращается к нам начальник острова.

Страницы из дневника

Я решила остаться на митинге и побеседовать с полярниками.

Поминутно раскрывается дверь.

Я недоумеваю и говорю, что не ожидала увидеть на Диксоне столько людей.

— Сейчас происходит смена зимовщиков, — разъясняют мне, — старые еще не успели уехать, а новая смена уже в полном сборе.

— К тому же, — добавляет начальник острова, — на рейде стоит несколько пароходов: тут и пассажиры и команда, я даже не знаю, как всех разместить.

Начинается митинг. Тов. Козлов выступает с докладом. Просто, с большой теплотой говорит он о выдающихся достижениях советской авиации и замечательных советских летчиках.

И старые капитаны, и молодые зимовщики одинаково горячо аплодируют докладчику.

Незадолго до того, как мы прилетели на Диксон, радиостанция приняла новые сообщения о преступлениях троцкистско-зиновьевской банды.

Трудно передать, какая волна гнева, какое возмущение, какая ненависть к озверевшему классовому врагу звучали в словах полярников.

Кончается миттинг. Я выхожу на улицу. Дует слабый ветер. Небо в облаках.

Меня окружают зимовщики, они рассказывают о жизни на Диксоне, и я, затаив дыхание, слушаю о замечательных делах и замечательных людях этого сурового далекого острова.

На Диксоне уже два года кипит работа по организации угольного порта.

У берегов Диксона останавливаются десятки морских и речных судов. Основная задача острова — снабдить их углем и пресной водой и обслужить радиосвязью.

Угольный порт строится на небольшом скалистом острове Кокус. Взрывая уступы скал, бригады водолазов и подрывников создают площадку, где будет храниться уголь.

Согласно правилам, водолазные работы не могут производиться, когда мороз больше двадцати градусов. На Диксоне водолазы с этим правилом не считаются, они работают под водой при сорокаградусных морозах, перекрывая в этих условиях все существующие технические нормы.

В угольном порту Диксона будут образцовые причалы для кораблей и образцовая механизированная погрузка и разгрузка угля.

— Обидно, что вы приехали ненадолго. Надо бы вам побывать на острове Кокус, на радиоцентре и осмотреть нашу теплицу, — говорит, заканчивая рассказ о строительстве порта, один из полярников.

Мы медленно идем мимо зеленых газонов. Круг моих собеседников заметно растет, они рассказывают о том, как работают и отдыхают на острове.

В долгую полярную ночь зимовщики любят поохотиться на медведя, на песца, на морского зайца, любят ходить на лыжах, много свободных часов отдают учебе, занятиям иностранными языками и чтению.

Не так давно зимовщики организовали кружок самодеятельности, но он уже не раз выступал в кают-компании с концертами и спектаклями.

Совсем неплохо ведется литературная работа. Среди зимовщиков немало литературно-одаренных людей. Когда мы вернулись в кают-компанию, парторг показал мне литературные приложения к диксоновской газете «Полярная звезда». Читая их, я радовалась многим стихам и рассказам.

Один из очерков, опубликованных в литературном листке, называется «Романтика».

— Романтика! — весело улыбнулся парторг, когда я просматривала этот очерк. — Не знаю, приходилось ли вам замечать, как на Большой земле интересуются рассказами полярников. Стоит полярнику вернуться с зимовки, и на него со всех сторон сыплется град вопросов. Все ждут от него рассказов необычайных, если хотите, захватывающих силой и своеобразием полярной экзотики. Еще бы!.. Северное сияние! Белые медведи! Пурга! Метель! — как все это дразнит любопытство! В этом привыкли видеть романтику Заполярья, но мы привыкли... нет, вы лучше читайте...

Очерк, носящий название «Романтика», рассказывает о будничной жизни острова: о напряженной работе и веселом здоровом отдыхе.

«Позвольте!.. Но где же романтика? — спрашивает автор, заканчивая очерк. — Вам трудно ее найти в сухой фотографии наших будней. Хорошо, я помогу вам, я вам напомню, что у нас неделями воеет пурга, что три месяца на небе не появляется солнце и лишь нервно полощутся ленты сполоха, что зимой и бухта и остров скованы льдами, а мы работаем, отдыхаем, веселимся, и в нашей кают-компании часто гремит жизнерадостный марш из «Веселых ребят» — разве это не романтика?»

· Да, это романтика. Сказочное превращение арктических пустынь в обетованные земли — чудесная советская романтика.

И в героических подвигах водолазов, работающих на строительстве порта, и в заполненном творческими занятиями досуге полярников, и в аютиных глазках, расцветающих на берегу бухты, покрытой льдами, — проявляется то, что мы привыкли называть советской романтикой.

Мы провели на Диксоне всего несколько коротких часов, но даже ради того, чтобы увидеть то, что мы видели, и показать зимовщикам наш спектакль, стоило предпринять путешествие еще более длительное и трудное.

Спектакль на Диксоне

Кают-компания преобразена в зрительный зал. Скоро начнется спектакль.

Здесь могут с большим трудом разместиться двести человек, а на Диксоне собралось около четырехсот.

Мы посоветались и решили играть два спектакля подряд.

— Вас много, — обращаемся мы к начальнику острова и группе зимовщиков, — места в кают-компании мало, а мы хотим всем вам доставить удовольствие. Мы будем играть два спектакля подряд, и нас смогут посмотреть и все зимовщики и все ваши гости. Согласны?

— Конечно!.. Просим!.. — раздаются голоса.

— Да что вы? — запротестовали другие. — Товарищи прилететь не успели, утром должны лететь обратно, а вы хотите, чтобы они сыграли два спектакля. Да разве это можно допустить!

— Невозможно, — соглашается начальник острова. — Нет, мы уж лучше какнибудь потеснимся, заполним все места и проходы, а играть два спектакля вам не позволим.

Скамьи и стулья поставлены так близко друг от друга, что пробраться к ним можно лишь с большим трудом. За импровизированным партером из обеденных и письменных столов устроены ложи, двери в коридор и в комнаты зимовщиков открыты. Везде расположились зрители: рыбаки, зверобои, охотники, водолазы, радисты, метеорологи, моряки, летчики.

Перед спектаклем выступает работник политотдела. Он говорит, что приезд Малого театра лишний раз показывает, как партия и правительство заботятся о полярниках, что только в нашей стране старые актеры, крупнейшие мастера могут отказаться от летнего отпуска, санаториев и домов отдыха ради поездки в далекое Заполярье. Он призывает диксоновцев в ответ на приезд Малого театра еще лучше работать и, под бурю восторженных аплодисментов, предлагает послать горячий привет вождю народов товарищу Сталину.

Что переживал каждый из нас в эти минуты — не расскажешь.

Наступает моя очередь приветствовать диксоновцев. Мне трудно передать словами наш пламенный привет, мое слово очень коротко, но чуткие зрители поняли мое волнение и тепло встретили меня.

Сцены в кают-компании нет: играем без подмостков, поставив на полу необходимую для «Бойкого места» мебель.

Актеры одевались и гримировались в двух комнатах зимовщиков. В одной из них спали дети; вернее, они лежали с широко раскрытыми глазами; им передалось общее волне-

обычайное для Диксона событие.

Начался спектакль. Я хочу пробраться в зрительный зал. Это невозможно, и, потеряв на это надежду, я иду на радиостанцию послать телеграммы в Москву, но знаю, что слова окажутся бессильными передать то, что я чувствую.

На Диксоне, как я уже говорила, лето в полном разгаре: наступил круглосуточный день.

Холодно. С моря дует свежий ветер.

По пути на станцию я не встречаю ни одного человека. Полярники или смотрят спектакль, или стоят около кают-компаний и жадно ловят каждое доносящееся из настезь раскрытых дверей слово, а дежурные — на вахте.

Я медленно иду по досчатой узенькой дорожке. Рядом со мной, ласково виляя хвостом, бежит собака.

Вот и станция — маленький домик.

Если бы можно было рассказать, как радостно билось сердце, как дорого и близко было еще недавно незнакомое нам Заполярье.

Открываю дверь. За столом дежурный радист. Прием телеграмм давно прекращен.

— Извините, — говорю я, — не знала.

— Что вы!.. В любое время... для вас!..

Гостеприимный радист говорит мне, что его мечта побывать на спектакле нашего театра не сбылась:

— Сегодня мое дежурство.

Телеграммы не пишутся, слов нет. Я прощаюсь с радистом. У входа поджидает моя спутница — собака.

Пройдя несколько шагов, я сажусь на камни и достаю из кармана дневник. В эту минуту над притихшим островом проносится гром аллодисментов.

Кончился первый акт. Из дверей кают-компаний хлынул человеческий поток. Нет больше тишины: все зазвенело — как волны морского прибоя загудели сотни голосов.

Это надо запечатлеть в дневнике, но мне удастся написать только несколько строк.

«Быть может, пройдут часы, уймется сердце, ровнее станет мысль, и я смогу записать то, что чувствую в эту минуту, а пока я могу сказать только одно: безмерная радость этих минут останется в нашей памяти на всю жизнь».

... Возвращаюсь «за кулисы». Актеры взволнованы. В лицах светится радость.

Политотделец шутит:

— Ну что, добились своего? Попали на Диксон? Надеюсь, теперь вы довольны?

— Мы не довольны — мы счастливы! — отвечает Пашенная.

Кончился спектакль. Наконец затихли аплодисменты.

... В четыре часа утра мы должны лететь обратно.

Перед полетом

Зимовщики уговаривают нас немного отдохнуть перед полетом, но я знаю, что не смогу заснуть, и выхожу на улицу.

На крыльце сидит молодая зимовщица, она прожила здесь два года, работала с мужем на радиостанции. Теперь приехала новая смена, они возвращаются на материк, но глаза женщины печальны.

— Почему вы так приуныли, едете отдыхать...

— Да, конечно, мы оба устали. Но тяжело, очень тяжело покидать Диксон.

— Отдохнете и вернетесь. Зачем же так грустить?

— Конечно!.. Мы вернемся, мы еще уехать не успели, а уже строим с мужем планы: как и когда приедем и что увидим здесь нового. Ну, ладно, надо пойти прилечь. Быть может, встретимся на Большой земле.

Она крепко пожала мне руку и пошла.

И мне грустно. Так стремиться на Диксон и пробыть здесь только несколько часов!

Возвращаюсь в кают-компанию. Тихо. Зимовщики спят. Начальник острова сидит за столом, склонившись над книгой.

— Как тяжело от вас улетать, — говорю я.

Начальник приветливо улыбается и снова уходит в работу.

Мне надо поторопиться. Я еще должна ознакомиться с письмом великого французского писателя Ромэн Роллана, написанным в ответ на телеграмму диксоновцев.

Ко дню семидесятилетия Роллана диксоновцы отправили ему телеграмму. Как и на письмо ребят Игарки, знаменитый писатель поспешил ответить на телеграмму полярников. Привожу выдержку из его письма: «Я очень горжусь с Вами и за Вас теми успехами, о которых Вы мне сообщили, надеюсь, что каждый год будет приносить Вам новые и новые успехи, что с каждым годом Вы будете завоевывать все большую культуру, все большее благосостояние. А для этого

Вы не должны удовлетворяться тем, что у Вас уже имеется. Надо всегда пытаться улучшить жизнь и никогда не останавливаться. Все, что останавливается, обречено на смерть. Трудитесь для себя и всего человечества. И помните, что с вами не только Советский Союз, частью которого Вы являетесь, но что во всех странах повсюду миллионные массы — ядро будущих социалистических республик — борются за Ваши идеи. Шлю Вам мои наилучшие пожелания — хорошо работать и жить все лучше».

Снова иду на улицу. Около двух часов ночи, но светло, как днем. Небольшими группами диксоновцы тихо бродят по острову. Кто-то запел «Широка страна моя родная».

Подхожу к берегу. И здесь люди. На рейде стоят суда. Все залито полярным светом, он придает плывущим льдинам причудливый колорит.

Я стараюсь запомнить эту полярную белую ночь, долго брожу вдоль берега, силы изменяют мне.

Надо пойти прилечь.

... Не успела я отдохнуть, как товарищи начали собираться в дорогу.

... Наскоро выпив по чашке чая, мы горячо прощаемся с диксоновцами.

Снова катер, снова шлюпка, льды, и среди них наш самолет.

Еще и еще раз оглядываемся мы на берег.

Шлюпка у самолета. Мгновения, и стальная птица забират над нами свою власть.

Диксона больше нет. Летим обратно.

IX. АРКТИКА ДАЛЕКО ПОЗАДИ

Даже в спальном мешке холодно и пронизывает насквозь, но мысли все еще на Диксоне.

Неожиданно я вспоминаю, что мы забыли попросить у полярников хотя бы два-три отзыва. Эти отзывы были бы нам так же дороги, как отзывы игарцев, а у нас их нет — обидно.

«Правда, несколько часов на Диксоне — это такой калейдоскоп впечатлений, что помнить об отзывах было очень трудно», пытаюсь я мысленно оправдать нашу рассеянность. «Все мы видели, как был воспринят наш приезд, все мы слышали горячие слова, полные благодарности», все еще продолжаю я успокаивать себя, но чувство острого сожаления

меня не покидает. Поделиться я ни с кем не могу, этому мешает гул мотора, и я молча лежу со своими мыслями на своем «чудесном ложе» — на голом полу самолета.

Видимо, мы уже привыкли немного и к самолету. Перелет до Игарки не сопровождался неприятными эпизодами, но все мы чувствовали сильную усталость, она как бы сковала нас, и, очутившись на земле, мы с трудом заставили себя двигаться.

В Игарке мы можем провести всего пару часов — сегодня вечером мы должны играть в Туруханске.

От сознания, что Диксон уже позади и скоро мы надолго покинем Игарку, всем нам тяжело и грустно, и даже не лишние юмора рассказы о том, как Виктор Волосов, Чернышев и я отличились по пути на Диксон, не вносят оживления в нашу последнюю встречу с игарцами.

Мы не успели умыться и пообедать, а летчик уже торопит нас.

— Пора в путь!

Минуты прощания с Игаркой — минуты острой боли.

— Игарку и Диксон, — говорит Пашенная, пожимая руки зимовщикам, — мы никогда не забудем, мы хотим верить, что скоро вновь увидим эти молодые города и что наша дружба с знатными людьми Арктики будет расти с каждым годом.

... Игарка далеко позади.

Мы молча сидим в самолете, мы в плену воспоминаний о пережитом в Игарке и на Диксоне. Эти воспоминания так ярки, что перелет до Туруханска проходит почти незаметно.

Итак, только вчера утром мы вылетели из Игарки, вчера вечером играли на Диксоне — сегодня рано утром улетели с Диксона, сегодня же опять были в Игарке, а сейчас Заполярье далеко позади.

Кудесник-самолет — что для него значит пространство? ..

Х. ПОСЛЕДНИЙ МАРШРУТ

В Туруханске

Телеграмму Игарского политотдела о том, что мы вылетели в Туруханск, здесь получили совсем недавно. Но пока мы шли в клуб, весь город узнал, что мы здесь, и на улицах появились толпы наших будущих зрителей, они спешили на спектакль.

Когда актеры начали гримироваться, я решила до темноты осмотреть город.

Туруханск — типичный провинциальный городок с немощеными улицами и маленькими домиками, на фоне которых недавно построенные здания резко выделяются своими размерами и архитектурными формами.

Побродив с полчаса по улицам, я повернула обратно.

У подъезда в клуб была такая давка, что мне пришлось за кулисы пройти по черной лестнице.

Когда я вышла говорить вступительное слово, я ужаснулась: заняты все места и проходы, окна на улицу открыты настежь, на подоконниках зрители, на улице — зрители...

Стоит ли писать о том, как принимали наш спектакль и сколько раз нам пришлось поднимать занавес для поклонов?

Выходим из клуба. Небо, в тучах, темно, мы невольно вспоминаем белые ночи Игарки и Диксона.

Зрители провожают нас в школу. В просторных классах стоят постели, у постелей ночные столики, на них цветы. Это наша новая квартира. Мы оставили здесь чемоданы и отправились в столовую на торжественный ужин.

В небольшой столовой многолюдно: вся общественность Турханска пришла приветствовать коллектив московского Малого театра.

Туруханцы гостеприимно приняли нас. Мы легко и свободно чувствовали себя в их кругу, но после спектакля переутомление с каждой минутой сказывалось все больше и больше.

Мы вернулись в школу. Не знаю, как другие, я мгновенно уснула. Сон был беспокойный: всю ночь я летала и попадала в «воздушные ямы», но как бы то ни было, до девяти часов утра не просыпалась, и если бы меня не разбудила Пашенная, я, наверно, спала бы еще больше. Да и нечего было торопиться.

Спустился густой туман. Не только лететь, нельзя выйти на улицу: в двух шагах ничего не видно.

Когда туман начал рассеиваться, мы пошли в столовую, а после завтрака старушка-сторожиха проводила меня в домик, где жил в царской ссылке Яков Михайлович Свердлов.

В комнатах, с которыми связаны тяжелые годы Свердлова, помещается метеостанция. Мне говорили, что станция выезжает, что скоро домик будет отремонтирован и комнаты Свердлова восстановлены; не знаю, что будет. Невниматель-

ное отношение к домику Свердлова так взволновало меня, что все стало неприятно в Туруханске и захотелось скорее лететь дальше.

Вылетаем мы с запозданием. Мы думали сегодня же быть в Красноярске, но это нам не удастся. Ночи стоят тумалные, полет надо прекращать до темноты, мы будем вынуждены сделать в пути остановку. Хорошо, если одну: не только в Арктике погода изменчива, осенью на протяжении всего Енисея она часто обрушивается на путешественников своими штормами, ливнями и туманами.

— Собирайтесь. Можно лететь! — приходят за нами в школу.

Мы снова на самолете. Снова загудел мотор, снова наступил вынужденный «заговор молчания», и снова мысли вернулись к уже далекому Заполярью.

Туруханск — Красноярск

Шторма нет, тумана нет, а мы опускаемся.

Что случилось?

Оказывается, посадка вызвана радостным событием: летчик увидел самолет Купчина, за Купчина очень волновались: он не вернулся своевременно из полета, и не было известно, где он и что с ним.

Как выяснилось, самолет попал в шторм и туман и вынужден был прервать полет.

Летим дальше. Начинаются превратности Енисейской трассы. Пошел дождь. Он беспощадно расправляется с нашими «спальными» местами. К этим «капризам» погоды мы относимся равнодушно, но появляется почти неизменный спутник дождя — туман. Он заплеленал и небо, и реку, и берега. Видимость становится все хуже и хуже. Дальнейший полет невозможен: мы идем на посадку.

Снизились мы в Подкаменной Тунгуске.

Лило как из ведра, а туман был настолько густой, что мы с трудом добрались до фактории, хотя она расположена совсем близко от берега.

Войдя в небольшое, но уютное помещение фактории, все мы облегченно вздохнули.

Гостеприимный начальник встретил нас очень приветливо. На фактории мы прекрасно отдохнули. Нас угостили сытным ужином, спали мы на хороших кроватях с пружинными матрацами.

Когда нас разбудили, было еще туманно, но вскоре туман рассеялся, появилась возможность лететь дальше.

Пока летчик и бортмеханик заправляли самолет, я успела осмотреть Подкаменную Тунгуску. Это небольшой поселок из нескольких десятков домов. Жители летом занимаются рыбной ловлей, зимой охотой на белку и горностаю.

Здесь прекрасная начальная школа, почта, две фактории и клуб.

— Пора в путь!

... Мы снова на самолете.

... Полет продолжался относительно спокойно, «болтало» нас меньше, а к шуму мотора мы начали привыкать.

Но вот, мы внезапно почувствовали, что стремительно падаем вниз. Тревожно забилось сердце, на лбу выступил холодный пот. Мы растерянно смотрим друг на друга, и, видимо, у каждого промелькнула мысль: «воздушная яма». Собственно, что это значит, как и когда можно попасть в воздушную яму — мы не знали, но нам говорили, что, попадая в яму, самолет неожиданно со стихийной силой падает, у людей обрывается сердце, дышать им тяжело, тело цепенеет. Все это мы испытали, «струхнули», конечно, здорово, но никто не ударился в панику.

Вера Николаевна, как теперь помню, до боли сжала мою правую руку, а левой я судорожно ухватилась за портфель, в котором лежал мой дневник. Потом и я и Вера Николаевна много смеялись над этими непроизвольными, лишенными смысла движениями.

Преодолев «воздушную яму», самолет спокойно продолжал свой путь и, сделав непродолжительную остановку в Енисейске, доставил нас в Красноярск.

Хотя до Красноярска мы летели в очень благоприятных условиях, выглядели мы далеко не привлекательно и, когда самолет пошел на посадку, принялись поспешно приводить себя в порядок. Вряд ли это нам удалось. Я до сих пор не могу забыть, с какой добродушной и чуть-чуть иронической улыбкой смотрели на нас красноярские друзья, собравшиеся на аэродроме.

Итак, мы вылетели из Игарки на Диксон рано утром восемнадцатого августа. В Красноярск мы прилетели двадцать второго августа вечером.

В пути мы испытали и шторм, и туман, и даже «ощущение воздушной ямы». Я говорю «ощущение», потому что сидевший неподалеку от пилота актер Бударин позднее информи-

ровал нас, что мы «низверглись» на двести метров по техническим причинам.

От радости, что мы, наконец, на твердой земле, мы забыли спросить т. Задкова, почему так стихийно полетели в «бездну». Да и стоило ли вспоминать неприятные вещи и огорчать нашего славного пилота, который несмотря на шторм, туман и какие-то «технические причины» успешно преодолел четыре с половиной тысячи километров.

Начальник Красноярского политотдела устроил для нас прекрасный вечерний чай.

Несмотря на большую усталость и звон в ушах, мы без конца делились арктическими впечатлениями и были очень горды тем, что побывали на Диксоне.

Двадцать второго вечером пришел пароход с нашими товарищами.

— На пароходe было тесно и шумно, — рассказывали они и невольно сравнивали эту поездку с замечательной поездкой на «Красноярском рабочем».

Поздно вечером все мы сошлись на прощальную встречу с общественностью Красноярска, а двадцать пятого выехали в специально прицепленном к маньчжурскому экспрессу вагоне в Москву.

В маньчжурском экспрессе

Если путь от Москвы до Красноярска мы провели в разговорах о Заполярье, то весь обратный путь был заполнен воспоминаниями.

Достав на одной из станций свежие газеты, мы узнали новые подробности гнусных преступлений троцкистско-зиновьевской шайки.

Едва поезд тронулся, мы организовали в вагоне митинг.

— Раздавить гадину!

— Потребовать самой беспощадной кары троцкистско-зиновьевскому отребью!

— Уничтожить врагов народа — всех до одного! — кратко высказываются один за другим наши товарищи.

Митинг закончился составлением резолюции. В ней мы выразили наше глубочайшее возмущение и требование расстрелять предателей родины. Эту резолюцию мы отправили телеграфом в Москву. И снова мысль перенесла нас в кают-компанию Диксона, на митинг, где так страстно выступали зимовщики, клеймившие позором врагов народа.

Летят часы, дни, все ближе Москва.

Счастье от близкой встречи с Москвой переплетается с горечью от сознания, что так далеко позади Заполярье.

В состоянии такой раздвоенности мы находились до приезда в Москву, но когда подошел поезд, когда мы увидели дорогие лица родных, товарищей из Малого театра, представителей печати и просто знакомых — как радостно забились наши сердца!..

Крики «ура» заглушают рапорт Веры Николаевны Пашенной.

Снова прожектора, снова киносъемка, снова цветы, поцелуи, теплые слова — все смешалось, слилось в радостный гул.

Мы что-то говорим, плохо отдавая себе отчет в своих словах.

У всех безоблачное, чудесное настроение.

XI. ОБЩИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ НАШЕЙ НЕЗАБЫВАЕМОЙ ПОЕЗДКИ

Несколько месяцев прошло с момента нашего возвращения в Москву. Но все пережитое ярко запечатлелось в нашей памяти.

Мы видели, как в суровом, холодном краю, за много тысяч километров от нашей столицы, работает, строит, творит прекрасная многонациональная советская семья.

Мы видели, как обреченные при царизме на нищету, голод и вымирание жители тайги и тундры — тунгусы, долгане, саха, ненцы — зажили зажиточной жизнью, окрепли, расцвели и потянулись к культуре.

Письма националов, выдержки из которых я приводила, и мои встречи с националами блестяще доказывают, как политика партии и правительства преобразила забытые, колонизированные царской Россией народности.

До революции слово «Арктика» вызывало ужас. С этим словом были связаны воспоминания о людях, замерзших и погибших от цыгги.

Даже после революции слово «Арктика» долгое время приводило в трепет и содрогание.

Здесь мне хочется познакомить читателя с выдержкой из доклада Отто Юльевича Шмидта, сделанного им на торжественном пленуме горсовета Игарки 11 сентября 1935 года.

Отто Юльевич сказал:

«Большая радость для человека, работающего над освоением Севера, оказаться в Игарке. Я знал об Игарке по многим отчетам и научным докладам, но мне до сих пор не приходилось бывать в Игарке. Мне казалось, что город в тяжелых условиях бьется за свое существование, и то, что я увидел, поразило меня.

Я увидел за полярным кругом нормальный город, который, как и все города Советского Союза, живет полнокровной, радостной жизнью.

Я увидел замечательных людей, которые борются за свой город и освоение Севера, не потому что их к этому вынуждает борьба за существование и не потому только, что это их долг и обязанность перед родиной, а потому, что они — пламенные борцы за социализм, потому, что они глубоко верят в то дело, которое они делают.

На Большой земле Север представляют себе не таким, каков он есть на самом деле. И город Игарку представляют, как сплошные льды, а по улицам Игарки будто бы ходят белые медведи. Разве можно, мол, туда поехать и прожить хоть год? Идут совершенно неверные обывательские разговоры о невозможности жизни на Севере».

В том, что об Арктике ходили жуткие легенды, мы могли убедиться, когда готовились к поездке в Игарку и на Диксон. А увидели мы Игарку, залитую солнечным и электрическим светом; мы видели, как радостны, крепки, мужественны полярники; видели, как они культурно живут, какие чудеса творит их любовь к родине и глубокая вера в то дело, которое они делают.

Мы видели, какое огромное впечатление производит на иностранцев Советская Арктика, и убедились в том, что Отто Юльевич глубоко прав, говоря, что «Игарка — наш северный пункт — видна всему миру, как маяк, показывающий, что могут делать большевики».

Все, что мы видели, неопровержимо доказало нам, что Отто Юльевич в своем выступлении на пленуме Игарского горсовета глубоко правильно определил значение Игарки и отношение к ней Большой земли. Он отметил, что «страна с гордостью говорит: вот наш заполярный город — наш потому, что Игарку строили не только те рабочие, которые первыми сюда приехали, Игарку строила вся страна, весь народ Советского Союза». Это совершенно очевидно каждому, кто хотя бы пару дней прожил в Игарке.

Далекий Север в руках большевиков становится цветущей страной социализма, как и весь наш Советский Союз. Это не плод фантазии, не вымысел, а подлинная правда, в которой может убедиться каждый, на чью долю выпадет большая честь и радость побывать в Арктике.

Может он убедиться и в том, что на окруженном таинственными легендами и различными «экзотического порядка» вымыслами обывателей далеком Диксоне создается прекрасная трудовая радостная жизнь.

Кто был на Диксоне, тот помнит два старых покосившихся маленьких домика; в них жили три зимовщика, когда-то они составляли все население Диксона и во время полярной ночи пользовались светильниками с моржовым жиром. А теперь на советском Диксоне сто четыре полярника, они живут с детьми в уютных теплых, электрифицированных помещениях, прекрасно живут и по-стахановски работают. Они уже превратили Диксон в радиоцентр Арктики и теперь со страстным энтузиазмом, как я уже говорила, превращают его в морскую угольную базу, в морской порт.

Все это мы никогда не забудем.

Наши встречи с полярниками продемонстрировали нам, как много героики в гражданах Советского Союза, какая любовь к родине теплится в их сердцах, как славят они всегда народов — великого, родного Сталина.

Мы мечтаем еще раз побывать в Арктике, еще раз подышать ее воздухом, насыщенным пафосом, романтикой, героикой наших дней.

Значение поездки Большого и Малого театров в Арктику огромно. Его нельзя переоценить. Эти поездки с новой силой говорят о том, как партия и правительство заботятся о человеке, с каким вниманием и какой любовью относятся к далекому Заполярью.

ХII. СТОЛИЦЕ ЗАПОЛЯРЬЯ—СТАЦИОНАРНЫЙ ТЕАТР

В небольшой комнате клуба Центросоюза в Москве собралась группа актеров. Это творческий коллектив, едущий на работу в Игарку, в «Театр имени народной артистки Республики В. Н. Пашенной».

Это будет первый стационар в Заполярье, его организация — непосредственный результат гастрольной поездки Малого театра.

В коллектив вошел ряд квалифицированных актеров.

На собрании этого коллектива мы, считая себя уже «старыми игарцами», рассказали все, что знали об Игарке, и радовались тому, что коллектив едет в Игарку с горячим желанием помочь полярникам в их борьбе за дальнейшее освоение Севера.

Приятно сознавать, что репертуар, который повезли в Игарку актеры «Театра имени В. Н. Пашенной»: «Слава» В. Гусева и несколько пьес великого русского классика А. Н. Островского, подготовлялся в Москве крупными мастерами Малого театра: народной артисткой Республики В. Н. Пашенной и заслуженными артистами Н. Ф. Костромским и Г. И. Ковровым.

Радостно было нам на этом праздничном собрании и трудно было удержаться от невольного волнения: все связанное с Заполярьем переносит нашу мысль в Игарку и на Диксон.

Конечно, это прекрасно, что в Игарке будет свой театр с хорошим коллективом, что помимо Игарки он будет обслуживать и все ближайшие районы. Но этого мало. Лучшие актеры драмы, оперы, балета, музыкальной комедии, лучшие пианисты, скрипачи, писатели, поэты, драматурги — самые замечательные художники нашей страны — сколько радости они могут и должны принести полярникам, и как их самих обогатит встреча с героями Арктики!

Поездки Заполярного театра Политуправления Главсевморпути, Большого и Малого театров и Московской консерватории проложили путь искусству на Север.

Много полезного опыта смогут почерпнуть работники театра, ознакомившись с тем, как мы работали в Арктике и как готовились к нашим гастролям.

Надо сказать, что участники поездки нашего театра немало потрудились над оформлением спектаклей. Мы знали, что нам придется играть на маленьких площадках, а порой и совсем без сцены, учли это и сделали новое портативное оформление. Вот почему мы могли играть на эстраде Красноярского гарнизона, на площади в Придивном, в клубе Красноярского совхоза, на лихтере в пути по Енисею, в кают-компании Диксона. Да и в Игарке сцена еще технически не оборудована, и, если бы у нас не было портативного оформления, работать было бы очень трудно.

Но не только над внешним оформлением пришлось подумать перед гастролями. Постановка «Любови Яровой» была бы

невозможна по своим массовым сценам. Мы должны были, не нарушая идеи автора, устранить массовые сцены или отказаться от пьесы. Отказаться не хотелось. «Любовь Яровая» одна из наших самых удачных постановок, прочно утвердившая произведение советской драматургии на сцене Малого театра, десять лет не сходит она с малой сцены. Вполне понятно, что нам очень хотелось показать эту пьесу полярникам. Затратив немало творческой энергии, Пашенная сделала монтаж «Любови Яровой», в котором сохранилась вся основа пьесы, но были устранены массовые сцены. Всем нам было очень дорого, что труды не пропали даром: как и весь репертуар, «Любовь Яровая» была встречена исключительно горячо.

... Мои записки не могут во всей глубине показать читателям героическую романтику великих дел Крайнего Севера. Но даже и того, что мне удалось отразить из жизни и работы полярников, как мне кажется, достаточно, чтобы помнить о них, чтобы ближе познакомиться с ними, чтобы полюбить их.

Пламенным приветом энтузиастам далекого Севера я кончаю свои записки.

XIII. АКТЕРЫ МАЛОГО ТЕАТРА О ГАСТРОЛЯХ В АРКТИКЕ

Когда моя работа над записками была закончена, участники гастрольной поездки дали мне свои статьи. Как увидит читатель, народная артистка Республики В. И. Пашенная, заслуженный артист Н. Ф. Костромской и группы актеров в своих статьях свидетельствуют о прекрасной жизни, великих делах и героических людях Заполярья.

Вот эти статьи:

Большая радость

Книгу о нашей поездке писала одна С. С. Чекина, но то, о чем она пишет, — большую радость, захватывающие впечатления от яркой, героической трудовой жизни Заполярья, от ее поражающих весь мир грандиозных дел, — переживали мы все, счастливые участники этой прекрасной поездки.

Мы слышали страшные вещи об Арктике царских времен, очень мало знали о Советской Арктике и были глубоко поражены, когда увидели, как сейчас расцветает, как зажиточно и культурно живет Арктика.

Мы видели, как кипит жизнь в Игарке, как по-стахановски проводит Игарка Карскую экспедицию, как нарядна и живописна столица социалистического Заполярья.

Мы видели, как культурны игарцы. как они стремятся к радостной жизни, как они ценят и любят искусство.

Те из нас, кто был на острове Диксона, не могли не быть захвачены энтузиазмом диксоновцев, построивших образцовый радиоцентр Арктики, строящих морскую угольную базу-порт и одновременно не забывающих о живых цветах и возвращении овощей в зоне вечной мерзлоты, в холодном Заполярье.

Мы видели много замечательного, для нас совершенно нового и неожиданного.

С того момента, как мы сели на пароход и направились по сказочно красивому Енисею из Красноярска в Игарку, мы пережили ряд глубоко памятных дней.

И работать для полярников и жить среди них — большая радость и большое счастье. Мы глубоко благодарны всем организаторам нашей арктической поездки, воспоминания о которой нам очень дороги и никогда не изгладятся из нашей памяти. То, что мы видели, пережили и почувствовали в Заполярье, нельзя забыть.

*Богатыренко, Стоянова, Баринова, Н. Соловьев,
В. Савельев, Чернышев, И. Дарьяльский,
Н. Бударин, Калабин.*

Пламенный привет Заполярию, слава ему!

Перед отъездом из Красноярска в Заполярье мы послали в редакцию газеты «Большевик Арктики» письмо:

«Заканчивая свои гастроли в Красноярске, коллектив участников поездки в Заполярье: группа творческих работников, технического персонала и представителей дирекции Государственного Академического Малого театра, шлет свой пламенный привет руководству Главсевморпути, всем его организациям и работникам, в тесном сотрудничестве с которыми зародилась, уже осуществляется и, хотим верить, принесет большие результаты наша работа в Арктике».

Сейчас я горячо повторяю этот привет и мою сердечную глубокую благодарность начальнику Главсевморпути О. Ю. Шмидту за радость этой незабываемой поездки.

Почти полгода прошло с момента нашего отъезда из Заполярья, но нет такого дня, когда бы мы не вспоминали кипуче

чую, творческую жизнь Игарки, замечательные часы, проведенные нами на далеком Диксоне; нет такого дня, когда бы наши мысли не рвались к славным заполярным энтузиастам, творящим как на Игарке, так и на Диксоне легендарные дела и подвиги, слава о которых распространилась далеко за пределами Советского Союза.

Я лично — и как художественный руководитель заполярной поездки и как артистка — с большой взволнованностью отдавала все свои творческие силы, все свое искусство дорогим, родным полярникам и мечтаю это сделать еще не раз.

Я горда и счастлива, что славная столица Заполярья — Игарка — присвоила мое имя своему театру, я горда и счастлива, что первый постоянный драматический коллектив в Игарке, выезжающий на-днях из Москвы, повезет с собой постановки, в режиссерской работе над которыми я принимала непосредственное участие вместе со своими товарищами из Малого театра Н. Ф. Костромским и Г. И. Ковровым.

Свою преданность, свою горячую признательность любимым полярникам за мысли, впечатления и радостные переживания, подаренные мне арктической поездкой, я стараюсь передать и едущему в Игарку коллективу.

Я глубоко удовлетворена морально тем, что организация постоянного Государственного Заполярного театра осуществилась при нашем содействии и с нашей помощью.

В трудных условиях в Игарке и на Диксоне творится прекрасная, яркая жизнь, насыщенная героическим почетным трудом и стремлением сделать отдых после этого труда содержательным, разумным, красивым.

Тот, кто видел чудесные розы в Игарке и замечательные аютины глазки на Диксоне, не мог не убедиться, как в зоне вечной мерзлоты все дышит желанием создать труду радостное, ликующее, светлое окружение.

Я никогда не забуду Игарки и Диксона, и как художник и как гражданин нашей любимой родины я горжусь великими сынами и дочерьми Советской страны — героями-полярниками, вписывающими блестящие страницы в историю Советской Арктики.

Вместе со всеми участниками нашей поездки, вместе с автором книги о нашем чудесном путешествии я говорю дни, проведенные в Заполярье, никогда не будут забыты — это одни из самых дорогих, счастливых дней нашей жизни!

Пламенный привет Заполярию! Слава ему!

Народная артистка Республики *Вера Пащенко*

Радостные дни моей жизни

Тысячелетиями мчался могучий Енисей по диким пустыням, через непроходимые леса и болота, в край полярной ночи и вечных льдов. Мчался мимо убогих станков, скорее похожих на логовища доисторического человека, чем на города и поселки.

Следуя словам вождя, пришли сюда люди непоколебимой воли и единого устремления — пришли большевики. Они разбудили необъятный край от векового сна, и он ожил и закипел новой, небывалой жизнью.

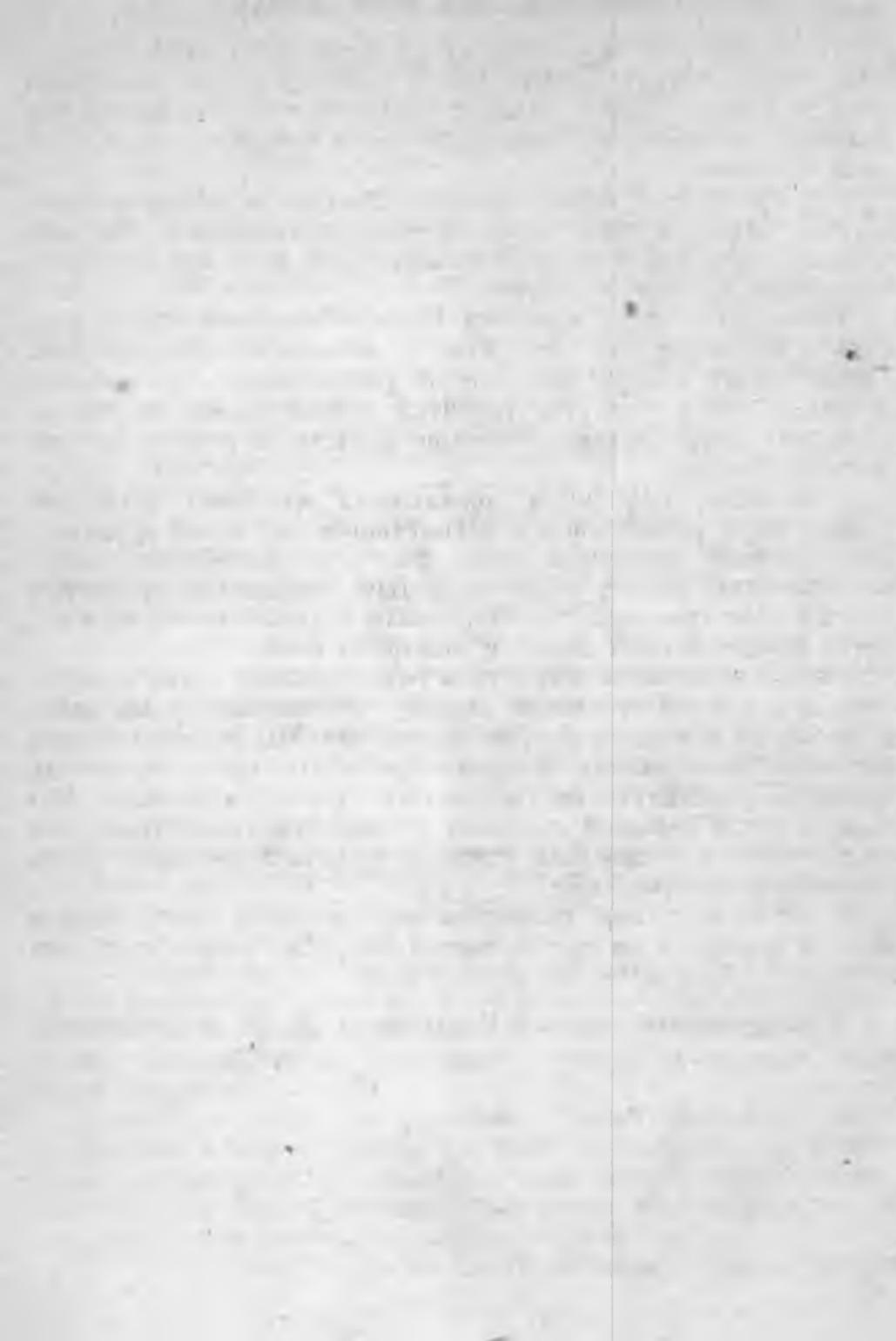
Когда мы шли по красавцу Енисею, все наши мысли рвались в неведомое нам Заполярье, в желанную, суровую даль. Таков воздух наших дней: он не располагает к спокойному бытию, а зовет туда, где творятся чудеса новой жизни, он вызывает непреодолимое желание принять в этих делах сильное участие.

С великим волнением показывали мы свое искусство в Заполярье, поразившем и захватившем нас своей грандиозной стройкой, величием своих дел, осмысленностью, содержательностью жизни, непередаваемым обаянием и мужеством людей — бесстрашных творцов новых социалистических городов в стране вечных льдов и полярной ночи.

Быть в Заполярье и остаться равнодушным к его героическим делам и его отважным людям — невозможно, и мы работали там не покладая рук, не жалея сил. Мы страстно хотели доставить полярникам удовольствие, дать им возможность культурно отдохнуть на спектаклях нашего коллектива. Мы делали это с большой любовью, с большим увлечением, и я знаю, что все участники поездки получили большое нравственное удовлетворение.

Я же до сих пор нахожусь под сильным впечатлением всего пережитого за время нашей поездки, и для меня эта поездка — радостные дни моей жизни.

Заслуженный артист Республики *Н. Ф. Костромской*.

МОСКОВСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
КОНСЕРВАТОРИЯ

С. Рудницкая
А. Дьяков

ЧЕТЫРЕ
МЕСЯЦА
В АРКТИКЕ

Страницы из дневника
концертной группы Московской
консерватории

Страницы из дневника

Голубые полосы рек, леса, водокачки, пакгаузы, станционные домики уже примелькались до невидимости. Пассажиры успели привыкнуть к ритму поезда, многие занялись обычными будничными делами, а мы все еще во власти воспоминаний. Словно перед глазами шумная платформа Северного вокзала, ослепительный свет юпитеров, кинооператоры и фоторепортеры спешат зафиксировать отъезд первых посланцев Московской консерватории на далекий Север. Постепенно воспоминания уступают место размышлениям и разговорам о Заполярье и Арктике.

В первый день нашего путешествия мы долго говорили о том, что нас ждет впереди, что мы увидим за полярным кругом, и решили писать дневник, чтобы отчитаться перед Политуправлением и товарищами по консерватории в проделанной работе.

6 июня 1936 года, на второй день нашего путешествия, в черной клеенчатой тетради появилась первая запись:

«Грудно заставить себя в поезде серьезно заниматься музыкой. Но мы занимаемся очень усердно и даже обогащаем свой репертуар.

Больше всего времени занимает переложение вокальной литературы для исполнения в сопровождении квартета. В этой области одерживают одну победу за другой товарищи Дьяков и Адамян. Григорян тоже работает над переложением, но за первыми угнаться не может. Он по-детски счастлив каждому новому переложению и чувствует, что творит.

Сегодня готовится литература, а завтра мы будем репетировать — вернее, корректировать и редактировать — наши переложения с инструментами в руках».

новье.

В Москву мы вернулись с тремя тетрадами. Здесь приведены страницы из них. Они расскажут о нашей будничной работе, о том, что мы видели и переживали во время гастролей в Арктике.

Итак, начнем перелистывать страницы дневника.

12 июня. За окнами—густые таежные леса Сибири. Места для нас новые, и, отрываясь от работы, мы выскакиваем на каждой станции.

С утра в наших купе шли индивидуальные занятия, вечером началась репетиция в вагон-ресторане. Посетители ресторана и наша постоянная аудитория — начальник поезда, шеф кухни, официанты и проводники — засиделись на репетиции далеко за полночь.

Наш армянский квартет (Богданян, Азатян, Григорян и Адамян) сыграл два произведения армянского композитора Спендиарова — «Хайтарму» и «Энзели» — и «Турецкий марш» Моцарта.

Бьющий ключом темперамент, великолепная сыгранность, и прелесть народных армянских мелодий наполнили восторгом сердца слушателей.

14 июня. Мы уже успели сделать двадцать пять переложений для квартета с вокалом и три для дуэтов.

Переложены: ария Фигаро, «Пой мне», «Не брани меня, родная», «Снегурочка», «Песня о девушке-партизанке», «Маленький летчик», песня Сольвейг, куплеты Тореадора, «На заре ты ее не буди», песня Кости из «Веселых ребят», марш из «Веселых ребят», «Полюшко», «Последний рейс», вальс Мюзетты, «Матушка-голубушка», «Сарафанчик», «Песня о родине», марш летчиков, марш ударников, «Ванька-Танька», «Желание» Шопена, «Любушка» Шипора, «Так водится на свете» Грига, «Ну, как не запеть».

Для дуэтов: «Не искушай», «Горные вершины» и серенала Шуберта.

В двенадцать ночи — репетиция.

Репетировали программу к завтрашнему концерту для личного состава поезда.

Репетиция прошла с таким подъемом, что никто не подумал бы, что мы работаем глубокой ночью.

16 июня. Огромная радость: сегодня мы узнали из газет, что аспиранты Московской консерватории Флиэр и Гилельс

получили первую и вторую премии на всемирном конкурсе пианистов в Вене.

Наша бригада послала приветственную телеграмму консерватории.

Сегодня начали обстоятельно изучать Конституцию. Хотелось аплодировать родному Сталину — создателю первой в мире подлинно-демократической конституции.

Вечером, в половине двенадцатого по местному времени, начали концерт. Еще задолго до начала в вагон-ресторан набилось так много народа, что трудно было дышать.

Квартет исполнил три произведения, студийка Фоница прочитала отрывок из «Тихого Дона», затем Кульмина спела три песни, Макурин — арию из оперы «Кармен» и две песни. Концерт окончился массовыми песнями в исполнении квартета.

Грохот колес не мешал нам. Он только подчеркивал тишину в «концертном зале».

17 июня. Прибыли во Владивосток.

Завтра мы должны дать первый концерт для восьмисот рыбаков, отправляющихся на время уловного сезона на Чукотский полуостров.

Этот концерт будет для нас солидным экзаменом. Оценка, которую получит наша программа в аудитории рыбаков, покажет, в какой мере мы подготовлены для выступлений перед неискушенными и малоискушенными в музыкальном отношении слушателями.

18 июня. Мы выступали в предместье Владивостока, под открытым небом, в центре плотного кольца слушателей.

Место неогороженное. Трудно было со звукопередачей, но концерт прошел с большим успехом.

Исключительное внимание слушателей и горячие аплодисменты еще больше вдохновили нас к дальнейшей работе.

19 июня. После нашего концерта сто рыбаков изъявили желание помочь в погрузке парохода, уходившего на Чукотку, и вышли на работу без единой минуты опоздания. Это было достойным ответом на культурные о них заботы.

Еще одна радость. Получили телеграмму от т. Ушакова. Он предлагает заснять наши выступления, чтобы они нашли отражение на всемирной выставке в Париже.

Сегодня выяснилось, что нам, быть может, удастся побывать и на острове Врангеля. Приближается день десятилетия советизации этого далекого острова. Будет особенно радостно, если мы побываем там в день праздника.

Мы все больше и больше горим желанием увидеть артистку и показать нашу концертную программу славным пляришкам.

20 июня. Сегодня мы дали второй концерт для рыбаков. В этом концерте приняли участие и слушатели. Они исполнили песни, которые успели разучить с помощью наших вокалистов. Участие в концерте профессиональных артистов очень импонировало им, и выступали они с большим воодушевлением.

Среди выступавших была семья рабочего Ермоленко: его дочь танцевала, жена играла на балалайке, затем играл струнный оркестр под управлением Ермоленко.

Слушая самодеятельный оркестр, мы были поражены музыкальностью и мастерством исполнителей.

После концерта мы преподнесли семье Ермоленко книги, ноты, струны и канифоль.

28 июня. Сегодня мы провели день на пограничных постах N-ского гарнизона.

В десять часов утра началась релетиция, в двенадцать мы были на причале, где нас поджидал катер и приветливо встретил один из командиров гарнизона.

... Настроение приподнятое. Мы, ведь, едем на самую границу Манчжоу-го и будем выступать перед теми, кто мужественно охраняет рубежи нашей родины.

Двухчасовая поездка на катере доставила огромное наслаждение и была особенно приятна после владивостокской пыли.

У причала нас ждали бойцы. Они спустили сходни, мы поднялись на пристань и вскоре, заняв места в просторном автобусе, снова тронулись в путь.

В лагерь мы прибыли в четыре часа дня. Для нас были уже приготовлены комнаты и постели.

Умывшись и пообедав, мы улеглись на поляне у горной речки и наслаждались чудесным видом, очень напоминающим кавказские.

С двух сторон поляны утопающие в облаках и зелени сопки, кругом деревья, кусты, высокая трава. Тишина: ни шороха, ни ветерка. Как хорошо отдохнуть здесь после городской суеты и шума!

В десять часов вечера мы начали первый концерт и доставили культурный отдых нашим дорогим хозяевам — славе и гордости Советского Союза.

29 июня. Сегодня мы слушали самодеятельную концерт-

ную группу гарнизонного клуба. Всего два месяца, как она организовалась под руководством бойца т. Михайлова.

Руководитель очень музыкален: играет на фортепиано и баяне и обладает сильным голосом прекрасного тембра. Не менее приятное впечатление производит группа. Ее участники несомненно очень одаренная молодежь; особенно талантливы танцоры-четвертные.

Мы прослушали всю программу с огромным наслаждением, затем долго беседовали с молодыми исполнителями, обсуждая результаты их работы, переписали для них несколько музыкальных произведений и обещали преподнести полный комплект джазовских инструментов.

30 июня. Утром слушали запевал частей гарнизона.

Мы не могли без улыбки видеть крепких, загорелых бойцов, смущенно выходивших на сцену.

Выступало человек пятнадцать. Среди них оказались понастоящему голосистыми и талантливыми — Коротков, исполнивший песню про «Колодников», и Чернышев, выступивший с песенкой «Джимм подкипер».

Хорошее впечатление произвели бойцы Гуляков, Ольхов, Березин и Кузьмичев.

В беседе с запевалами мы объяснили недостатки их исполнения, а затем договорились с начальником гарнизонного клуба и руководителем гарнизонной концертной группы о том, что впредь они будут собирать запевал для разучивания походных песен и привлекут лучших запевал в концертную группу для систематической работы: разучивания нот, песен и участия в джазе.

Тепло расстались мы с нашими новыми друзьями, унося в сердцах память о полотняном городе и его чудесных отважных людях.

Незабываемые дни, незабываемые встречи. А сколько радости доставил нам полный глубокой благодарности отзыв красноармейцев и нач. состава N-ского гарнизона.

ПРИКАЗ

частям N-ского гарнизона

29 июня 1936 г. № 40

28 и 29 июня 1936 года бригадой преподавателей и студентов Московской консерватории, следующей на северное побережье, в порядке инициативы проведены концерты для красноармейцев и нач. состава N-ского гарнизона.

красноармейцы, нач. состав и семьи в работе бригады и каждого исполнителя чувствовали хорошую товарищескую близость — заботу и желание внести в наше общее дело — дело защиты дальневосточных границ — все свои силы и способности.

В лице каждого участника бригады красноармейцы и нач. состав видели наши молодые растущие советские кадры работников искусства, воспитанных под руководством партии и заботой нашего любимого вождя товарища Сталина.

Скромностью и хорошим мастерством в исполнении каждой концертной вещи бригада завоевала общий восторженный отзыв всех слушателей.

За предоставленный хороший культурный отдых, от имени красноармейцев, нач. состава и их семей гг. Дьякову А. Б., Рудницкой С. Д., Богданян Г. К., Григорян А. Г., Азатян О. М., Адамян Г. Л., Макурину Л. И., Кузьминой Е. В., Королеву С., Фониной М. Э. объявляю благодарность и выражаю наше общее красноармейское спасибо.

Желаем вам успешной работы на северном побережье на благо нашей социалистической родины.

*Начальник Н-ского гарнизона.
Начальник Политотдела Н-ского гарнизона.*

2 июля. В ожидании отплытия парохода мы не бездействуем. Сегодня у нас очередной концерт, десятый по счету. И устали, и трудно, но готовимся к концерту с наслаждением.

7 июля. У Кузьминой и Рудницкой утро прошло в бесконечных хлопотах. Они закупили разные принадлежности для детской комнаты, которую наша бригада взялась организовать на пароходе.

Куплены стульчики, колясочки, полотенца, халаты, мячи и многие другие вещи.

После обеда занялись настройкой имеющихся на пароходе инструментов.

10 июля — знаменательная дата в нашей жизни. Сегодня мы садимся на пароход «Свердловск» с тем, чтобы совершить арктический рейс. Ждали мы этого события ровно месяц, и всем не верится, что настал день, когда мы отправимся в дальнейшее плавание.

Потрясающее зрелище представилось нам: триста человек с огромным количеством вещей расположились боевым лагерем вокруг парохода. Грузовики подвозили все новые грузы.

Только часам к шести вечера движение вокруг парохода прекратилось.

В одиннадцать часов началась посадка.

В восемь часов утра «Свердловск» отдал салюты и отошел в свой арктический рейс.

Вышли мы из порта в отвратительную ненастную погоду. Моросил холодный пронизывающий дождь, но нам и море по колено, а на дождь мы даже и внимания не обращаем.

11 июля. Идем Японским морем.

Замечательная погода. Щедро палящее солнце привлекло все население парохода на палубу. Таких хороших солнечных дней будет очень мало на пути к Чукотскому полуострову, и нам следует запастись этим теплом.

С жадностью следим мы за каждым движением парохода, за каждой новой точкой на берегу. Скоро мы уйдем от этих берегов в необъятные просторы Японского моря.

Мы решили дать три концерта для пассажиров первого и второго класса и команды парохода, три концерта для пассажиров твиндека и один концерт для команды в кубрике.

12 июля. Первый день наших трудностей. Ночь была неспокойная, где-то недалеко прошел шторм, и мы попали в полосу мертвой зыби. Судно сильно покачивало, и все мы проснулись с головокружением и тошнотой. Но несмотря на это организовали массовое пение.

14 июля. Пароход выходит из Сангарского пролива в Тихий океан.

Мы впервые в жизни идем океаном. Подумайте только!

Нашу работу решено проводить методами социалистического соревнования, заключив договоры с индивидуальными обязательствами.

Начался шахматно-шашечный турнир.

15 июля. Сегодня первый концерт в кают-компании. Как необычна обстановка: низкий потолок, пол покачивается.

Мы волнуемся за исход концерта, тем более, что мертвая зыбь оставила неприятный след: голова все еще не перестает кружиться.

Наступает вечер.

В десять часов мы начали концерт, продолжался он полтора часа. Публика осталась довольна и благодарна. Наши трудности были всем понятны.

После концерта Кузьмина, Григорян и Королев помогали редакции корабельной газеты «Полярник» печатать материал и оформлять очередной номер.

16 июля. В детской комнате наладилось дежурство. Сегодня Кузьмина и Фонина провели для ребятшек громкую читку и разучивали с ними песни.

С утра идем в полосе густого тумана. Пароход часто дает гудки. Если туман не рассеется, угроза столкновения со встречным судном станет реальной.

17 июля. Вышел первый номер стенной газеты «Полярник».

В газете опубликованы соболезновательства членов нашей бригады.

Вокалистам решительно не везет: не говоря уже о природных условиях — сырости и бесконечных туманах, надо сказать, что курительная комната, где стоит пианино, не может оказать благотворного влияния на голос и технику.

Вечером выступили с концертом в твиндеке.

Твиндек просторней кают-компани, потолок здесь выше, резонанс лучше. Слушателей собралось очень много, и нам удалось установить подлинно художественное общение с аудиторией.

18 июля. Нас все еще преследует туман. Пароход потерял ориентировку и не знает своего точного местонахождения.

Продолжаем путь не без риска, так как здесь часто встречаются подводные скалы.

По горло заняты работой с участниками судового кружка самодеятельности. С утра до ночи в курилке идут репетиции вокальных номеров.

Сегодня в кубрике состоялся первый вечер самодеятельности. Слушателей собралось так много, что дышать нечем было. Концерт прошел очень удачно, после него в кружок записалось несколько пассажиров.

19 июля. Дьякову и Адамяну удалось сколотить хороший самодеятельный джаз во главе с талантливым Петей Григорьевым — механиком зимовки в бухте Лаврентия.

Григорьев мастер на все руки: и рассказчик, и танцор, и невец, и блестящий джазист.

Организован ансамбль из участников экспедиции в Чаускую губу. На первом занятии ансамбль разучивал песни Дунаевского «Ну, как не запеть». И руководитель и молодые исполнители остались довольны результатом первого занятия и решили выступить на очередном вечере самодеятельности.

20 июля. По детской комнате закрепились дежурства родителей. Из нашей группы ежедневно дежурит один человек, одновременно он занимается громким чтением и разучи

ванием песни. Уже разучены «Марш» с хождением под музыку, «Самолеты», «Шуточная», «Лошадка», «Аэроплан», «За работой», «Ай-ай-ай», музыка Иорданского и Раухвергера.

Идем вдоль берегов Камчатки. Мимо нас проносятся огромные сопки. Их остроконечные вершины утопают в снегу и облаках.

Сегодня мы видели скалы, которые носят название «Три сестры», и крупнейшие вулканические сопки Березовую и Ключевскую.

Внезапно после восьмидневного блуждания в тумане мы увидели берега и теперь с волнением и восторгом следим за ними.

В четыре часа дня мимо прошел пароход «Киров» под командой капитана Успенского. Тут-то мы и познакомились с морскими традициями.

Когда «Киров» поравнялся с нами, он флагами отдал приветствие:

«Желаем счастливого плаванья».

«Свердловск» ответил:

«Ясно вижу».

Затем «Киров» троскратно приветственно загудел, «Свердловск» ответил гудками и выразил флагами благодарность:

«Благодарим вас».

«Киров» не ограничился этими приветствиями и прислал еще приветственную радиограмму экипажу и полярникам, отправившимся в арктический рейс...

... К вечеру мы достигли Петропавловска на Камчатке и выступили с концертом в погранотряде НКВД.

Поездка на катере, который двигался подобно глассеру, доставила нам большое удовольствие.

На берегу нас ждала машина, и мы покатали далеко-далеко.

Концерт прошел с шумным успехом. Мы получили много благодарностей и счастливые вернулись на пароход.

Вот один из отзывов о нашем концерте в погранотряде:

«Бригаде Московской консерватории

Мы, краснофлотцы N-ской части, благодарим весь состав бригады артистов Московской консерватории за их чуткое отношение, прекрасный концерт и желаем успешного окончания рейса.

Старшина краснофлотцев *Болтунов»*.

по направлению к Командорским островам.

Тумана нет, но и солнце не светит. Море сравнительно спокойное. Судно чуть-чуть покачивает, что вызывает у одних приятное чувство, а у других — тошнотворное состояние.

Сегодня после завтрака мы развесили в наших каютах распорядок и план работы до первого августа.

В плане предусмотрены и производственная, и политико-массовая работа, и участие в работе самодеятельности экипажа и пассажиров.

Сегодня обсуждали доклады товарищей Молотова и Калинина о проекте Сталинской Конституции.

22 июля. Наш капитан получил тревожную ледовую сводку с парохода «Смоленск».

В шести милях от мыса Шмидта «Смоленск» встретил тяжелые льды и продолжает путь, держась берега.

Ждем встречи со льдами.

23 июля. В девять часов вечера начался концерт в кубрике.

Слушал нас весь экипаж, исключая вахтенных, присутствовали и пассажиры, среди них было много чукчей.

Выступать трудно. Машина гудит где-то совсем близко, жарко, потолок давит звуки своей чугунной тяжестью. Но как аплодируют наши слушатели!

После концерта выступил самодеятельный хор пассажиров, он исполнил в сопровождении квартета марш из «Веселых ребят» и «Полюшко» и без квартета «Коминтерн» и «Каховку» из фильма «Три товарища». Запевал зимовщик Чаунской губы т. Бурдок.

25 июля. Ровно в пять часов мы собрались на политзанятия. Беседу проводил пропагандист, слушали мы его с увлечением.

... Пробуем петь на чукотском языке марш из «Веселых ребят» и «Ну, как не запеть». Кое-что получается, но еще много нужно работать.

... Сегодня Богданян провел первые занятия со своим кружком нотной грамоты. Записалось в кружок пять человек, а пришло десять.

Днем мы наблюдали замечательное явление — радугу от горизонта до горизонта, из-за густого тумана она казалась однотонной.

Сегодня закончился шахматный турнир. Наш Азатян занял второе место.

*Девочка-эскимоска Пын — премированная участница
вечера самодеятельности в бунке Провидения*

Абонент
МЦГБ

26 июля. Становится все холоднее и холоднее. Мы приближаемся к Арктике.

Вчера были получены новые ледовые сводки с «Красина». Всюду встречается мелкобитый лед.

Южный ветер продолжает разгонять льды.

Утром вывесили второй номер газеты «Полярник», где помещены лестные отзывы о работе артистов в детской комнате и прекрасная карикатура на самодеятельный джаз.

Грань между днем и ночью стирается и становится совсем неуловимой.

27 июля. Рано утром должны были войти в бухту Провидения, но из-за тумана сделать это не удалось.

Пароход часто давал гудки. Наконец из тумана вынырнул моторный вельбот, на нем человек пятнадцать эскимосов.

Лодка подошла к пароходу. Матросы спустили штормтрап, и эскимосы поднялись на палубу.

В не лишенной однообразия жизни парохода это было таким событием, что все население высыпало из кают и кубриков.

Вскоре выяснилось, что мы прошли мимо бухты и находимся в сорока милях выше ее, у поселка Чаплино.

Эскимосы приехали встречать своих товарищей, помогли им погрузить вещи в вельбот и скрылись в тумане.

Большинство эскимосов говорит на ломаном русском языке и хорошо понимает русскую речь. Адамян успел увлечь одного из гостей в нашу каюту и показал ему инструменты. Тот восторженно покачивал головой и удивлялся: подобных вещей он никогда не видел.

28 июля. Вход в бухту Провидения изумительно красив. Огромные сопки утопают в тумане. Видны только их грешки. Внизу среди снежных сугробов — жилые строения...

Даже не верится, что мы уже в Арктике.

На пароходе идет горячая подготовка к погрузке угля. Шестьсот пятьдесят тонн угля нужно погрузить в два дня.

Все мужчины, находящиеся на борту нашего судна, разбиты на бригады.

Как только кончилась ошвартовка, бригады приступили к погрузке.

Нас освободили от участия в погрузке, зная, что мы будем заняты работой на берегу. И действительно, с первым катером Дьяков отправился на факторию для переговоров об организации концертов.

Концерт состоялся в помещении фактории — на складе, где висело много шкур песцов и лисиц. Нашими слушателями были человек шестьдесят эскимосов, русских зимовщиков и пассажиров.

Коренные жители бухты Провидения — эскимосы; мы же разучивали песни на чукотском языке, но это нас не смутило. Кузьмина и Рудницкая исполнила две песни на чукотском языке, затем играл квартет, играл он хорошо, и пришлось играть ему много, потому что вся наша программа, обогащенная новыми танцами Фофиной и Королева, шла под его аккомпанемент.

Условия для концерта были неблагоприятны; публика слушала стоя, в помещении было темновато. Но этого мы не замечали, наши мысли были заняты одним, мы думали о том, как довести каждый номер программы до эскимосов. Это ведь нелегко: они впервые видели инструменты и впервые слышали сложное многоголосое пение.

После концерта мы смотрели и слушали самодеятельность эскимосов. Их пляски и песни произвели потрясающее впечатление. Танцуют они под аккомпанемент пения и при этом резко стучат в пустые жестяные банки, но ритм и пластика безукоризненные.

Первым выступил председатель нацсовета Аньялик. Он исполнил «Танец ныряющей утки», своими движениями он изображал ныряющую утку с большой выразительностью.

Затем Нутарген выступил с «Танцем вороны» и Каузак — с «Танцем утки». Восемилетняя Пын исполнила «Танец охотника на песца» — это была незабываемая картина. Какая точность слуха и ритма! Молодую танцовщицу мы признали лучшей исполнительницей и решили премировать конфетами.

Переводчиком на концерте был пассажир нашего судна, студент Петропавловской совпартшколы Кавратагин. Это культурный, находчивый и любознательный человек. Из его рассказов мы узнали о том, как жили эскимосы в страшные годы царской колонизации. Один из этих рассказов хочется привести здесь.

Отец Кавратагина голодал всю жизнь, хотя славился мужеством и силой и был замечательным бегуном. Как-то пьяные русские купцы, решив подшутить над ним, предложили ему запас продовольствия на всю зиму, за что он должен был в один день пробежать восемьдесят километров от бухты Провидения до Чаплино и обратно.

Это была пытка, которая могла закончиться смертью, но он согласился и выдержал испытание. Сейчас он со своей семьей живет в Сиренниках.

... Эскимосам больше всего понравились наши танцы. Только «Яблочко» в исполнении Сережи Королева не нашло полного одобрения. По замыслу танца он опрокидывает ведро. Эта «неосторожность» испугала зрителей (с хозяйственной вещью, знают они, надо бережно обращаться).

С большим любопытством рассматривали эскимосы наши инструменты.

В книге отзывов один из эскимосов написал, что ему очень понравилась скрипка, потому что она как бы поет.

В своих отзывах эскимосы просили завезти к ним такие же инструменты и выражали желание научиться играть.

Два отзыва мы приведем здесь:¹

«И у нас тоже есть песни. Только у нас никаких музыкальных инструментов нет. У нас песни есть, но записывать их мы не умеем, просим, чтоб прислали кого-нибудь записывать наши песни. Просим, чтоб и на будущее время, каждый год, приезжали артисты с такими выступлениями.

Учитель эскимосской школы эскимос *Атача*».

«Спасибо, что приехали к нам, хорошо пели, хорошо танцевали, очень хорошо. Первый раз в жизни такое видели. Не знаю, кто лучше всех — все очень хорошо пели и играли и танцевали. Обязательно приезжайте к нам каждый год.

Колхозник-комсомолец чукча *Эттуги*».

29 июля. Утром мы отправились за ребятами-эскимосами на берег.

В час дня на берег начали стекаться женщины с детьми. Лучшие праздничные одеяния были на них, — не отстали в этом отношении даже старухи.

Собралось сорок гостей, и все мы двинулись к катеру.

С большой любовью и заботой мы помогали гостям подняться по трапу, а капитан и его помощники командовали посадкой.

Катер подошел к пароходу. Мы поднялись на палубу.

¹ Переводы с эскимосского.

В детской комнате состоялась встреча наших ребят с эскимосами.

Наши ребята пропели им свои песенки, коллективно прочитали стихотворение «Будь готов» и показали все свои игрушки.

Потом эскимосские дети пели на своем языке революционные песни: «Первое мая» и «Пионерскую». Пели просто, хорошо, ритмично, без крика и ломания, и дважды исполнили каждую вещь. Затем танцевала уже знакомая нам маленькая Пын, и мы торжественно вручили ей коробку конфет.

Наших гостей мы угостили славно: печеньем, пряниками и конфетами, чем они остались очень довольны.

Побыли они у нас два часа и на катере отправились домой.

30 июля. Мы вступили в Арктику, но все еще находимся в Беринговом проливе. Нам везет с погодой. Туман — незначителен, ветра нет — штиль. Становится все холодней и холодней, но настроение от этого не портится, напротив: чем дальше в Арктику, тем выше подъем.

31 июля. В шесть часов вечера подошли к Уэлену.

Капитан сообщил, что «Свердловск» будет стоять здесь не больше двух часов, т. е. ровно столько, сколько потребуется для высадки пассажиров.

Мы решили концерта не давать, но все же, захватив инструменты, отправились на берег.

Желающих попасть на берег было больше чем достаточно, и нам лишь в последнюю очередь удалось покинуть пароход.

Как только мы оказались на берегу, полярники попросили нас выступить с концертом.

Не долго думая, мы изменили первоначальное решение и направились в кают-компанию. Здесь и состоялся концерт. Слушателей собралось так много, что они стояли, тесно прижавшись друг к другу.

Показать всю программу не удалось: внезапно мы услышали гудок — это был призыв немедленно вернуться на судно.

На память о концерте в кают-компании Уэлена у нас хранится следующий отзыв:

«Бригада артистов Московской консерватории, направленная в отдаленнейшие углы Арктики, делает хорошее, полезное дело.

Концерт произвел незабываемое впечатление.

Что больше всего понравилось нам? Лучше опросите, что нам не понравилось. Нам не понравилось только то, что часы слишком быстро летели...

Шлем Московской консерватории за внимание и заботу горячее полярное спасибо.

Полярники Уэлена».

1 августа. Пять часов утра. Пароход на якоре у мыса Сердце-Камень.

День выдался исключительно хороший, солнечный.

Несмотря на ранний час, на палубе оживленно беседуют пассажиры, ждущие посадки на катер.

Здесь мы организовали концерт на свежем воздухе. В организации концерта нам помогли две местные учительницы. Собралось человек шестьдесят чукчей и человек десять зимовщиков. Присутствовали на концерте и наши постоянные слушатели — пассажиры.

Чукчи в большинстве не аплодируют. О том, довольны ли они нашей программой, мы можем судить лишь по степени их внимания и своеобразным возгласам «и-и-и» или «о-го-го», которыми они привыкли выражать одобрение.

После концерта аудитория, окрыленная нашей музыкой, дружно отправилась на погрузку катера.

Вечером мы слушали на пароходе доклад, посвященный годовщине империалистической войны.

2 августа. В восемь часов вечера прибыли в Ванкарем и с первым же катером отправились на берег. Пришлось разыскивать более или менее подходящее помещение для концерта. Долго мы бились над этой проблемой и наконец избрали квартиру местной учительницы.

Присутствовали человек тридцать чукчей, пять зимовщиков и наши пассажиры.

После выступления квартета концерт пришлось прервать. С парохода прибыл кунгас с грузом. Его нужно было спешно разгрузить.

Трудно забыть концерт в Ванкареме и отзыв о нем, записанный на страницах нашей тетради:

«Когда видишь то восторженное внимание и то выражение благодарности, с которым вас слушают и провожают чукчи, эскимосы и зимовщики полярных точек, организуя ответные концерты и выступления самодеятельности, понимаешь, что вы справляетесь со своими задачами по-большевистски.

Хочется также отметить организованность внутри коллектива: отрадно видеть, как рационально используется каждый час каждым членом коллектива и коллективом в целом. Ваш рабочий день — это день организованного бодрого, молодежного, большевистского коллектива, которому не страшны никакие трудности.

Желаем вам еще большего успеха, бодрости, сил и здоровья. Счастливого пути, дорогие товарищи!

Полярники Ванкарема».

В три часа ночи мы сели в кунгас и направились в обратный путь.

На море — крупная зыбь. Наш кунгас захлестывает волной с носа. Кажется, будто кунгас все время ударяется о дно.

3 августа. Слушали лекцию по астрономии проф. Карандашева. Он хорошо иллюстрировал лекцию опытами с астрономическим универсалом, магнитным компасом и другими приборами.

С удовольствием провели мы два часа на этой беседе.

Сегодня утром впервые увидели льды на горизонте, а в полдень они появились у борта нашего судна.

Пока нас окружает мелкобитый лед в два-три балла, но кое-где уже встречаются ледяные «сопки» — остатки десятибалльного ледяного величия.

На фоне льда солнечные лучи горят ослепительно ярко.

Холодно. В ход пошли ушанки, салоги, шерстяные носки и свитеры.

Участники экспедиции на Чаун, Врангель и Медвежьих острова купили по пути много полярных собак. Воят собаки и день и ночь напролет. Они помещены неподалеку от иллюминатора нашей каюты. Неприятное соседство.

4 августа. В пять часов утра прибыли на мыс Шмидта. Начальник зимовки на мысе Шмидта, находившийся среди пассажиров нашего судна, заранее телеграфировал о нашем приезде и на рассвете пришел разбудить нас.

По сравнению с другими станциями мыс Шмидта — крупный центр.

Здесь мы видели трактора, которыми уже научились управлять чукчи, большую факторию, хорошо оборудованную радиостанцию, несколько общежитий и столовую, где стоит пшеница.

Много пассажиров — наших постоянных слушателей — осталось на мысе Шмидта, сошли здесь и детишки. Детскую комнату мы на время закрыли.

Приняли нас на мысе Шмидта очень сердечно.

Выступали мы под аккомпанемент фортепиано — в условиях Арктики это для нас настолько редкое явление, что концерт прошел с особым воодушевлением, хотя все мы были очень утомлены.

Слушатели благодарили нас горячими аплодисментами и выразили нам благодарность в своем отзыве:

«Бригада Московской Государственной консерватории прекрасно справляется с поставленной перед нею задачей. Слушая концерт, мы получили культурный прекрасный отдых, а местное население впервые познакомилось с музыкальной культурой.

Большое, искреннее спасибо от имени полярной станции и авиаотряда мыса Шмидта дорогим московским гостям.

Полярники мыса Шмидта».

Мы счастливы, что на нашу долю выпала честь быть первыми носителями музыкальной культуры в самые отдаленные уголки нашей чудесной необъятной родины.

Едва наше судно тронулось в путь, мы увидели ледокол «Красин». К восьми часам утра он подошел к нам на очень близкое расстояние.

В море приятно встретить любое судно, тем более «Красина» — на его борту много наших друзей и знакомых.

5 августа. Мы в Чукотском море.

Кругом льды — мелко- и крупнобитые.

Спустился густой туман.

Корабль приближается к мысу Биллингса.

В семь часов вечера состоялись наши очередные политзанятия. Продолжали изучение беседы товарища Сталина с Рой-Говардом. Полтора часа пролетели очень быстро, и мы убедились, что изучению этой беседы следует посвятить еще одно занятие.

6 августа. На мысе Биллингса, не обращая внимания на морозный воздух, мы организовали концерт на берегу. Присутствовало человек пятьдесят чукчей и пять русских полярников. Полярники говорили, что за два года своего пребывания на зимовке не видели такого большого «собрания» чукчей, а некоторых из них вообще впервые видели у себя.

Наши квартетисты, хотя у них озябли руки, исполнили всю намеченную программу и аккомпанировали балетным номерам; вокалисты, со страхом за голос, все же спели по одной вещи на чукотском языке, а наш баритон исполнил куплеты Тореадора.

Больше всего чукчам нравятся танцы — они им ближе и понятней.

Чукчи чрезвычайно непосредственно выражают свои переживания. Глядя на их лица, мы легко угадывали, как они расценивают каждый номер нашей программы.

Приняли нас прекрасно.

Старик-чукча, когда речь зашла о песне «Ну, как не запеть», сказал: «Почему ж не петь, жить хорошо, весело».

После концерта мы организовали самодеятельность чукчей. Первой выступила молодая чукчанка активистка-общественница, неплохо овладевшая русским языком. К ней присоединилась вторая — и они вместе исполнили танец «Соревнование». Исключительно точное воспроизведение производственного процесса, четкий ритм и поразительно легкая пластичность.

Чукчи прекрасно улавливают новые для них ритмы. Это особенно ярко обнаружилось, когда Азатян заиграл русскую «барыню» и они точно в такт производили свои необычные для нашего глаза движения. Чукчанка в красной косынке даже пригласила партнеров для танца. Один из пассажиров вывел ее в круг, и она стала танцевать, поражая нас легкостью и гибкостью движений. Затем танцевал атлетического сложения чукча, который славится среди местных жителей как выдающийся охотник. Изображал он скачущего зверя. Казалось, что ему в кругу мало места, до того он быстро и легко подскакивал. Нам рассказали, что в прошлом году во время шторма его как-то унесло на льдине в открытое море. Пробыв шестнадцать дней в море и потеряв надежду на спасение, он застрелил нерпу, выпотрошил ее, надул шкуру и решил, использовав ее как пузырь, пуститься вплавь. На седьмые сутки он достиг берега, а сейчас здравствует — цел и невредим.

После его выступления две чукчанки спели вместе с ним песню «без слов».

Песни и танцы чукчей мало чем отличаются от песен и танцев эскимосов.

... На полярной станции мы видели живого маленького песца. Чудесный дикий зверек с умной собачьей мордочкой.

7 августа. В шесть часов утра пароход снялся с мыса Биллингса и направился к мысу Шелагскому.

В полдень прошли остров Шалауров, в два часа дня мыс Казминов.

Идем чистой водой, льда нет.

Нам попрежнему везет с погодой: на море штиль.

В шесть с половиной вечера подошли к мысу Шелагскому.

Много славных молодых друзей сходит в Шелагском...

На пароходе остается все меньше и меньше пассажиров.

... Стоим у Шелагского. Началась выгрузка.

Семибалльный ветер не стихает весь день. Если ветер усилится, придется сняться с якоря и отправиться штормовать в море, иначе волны могут прибить наше судно к берегу.

В одиннадцать часов вечера — концерт квартета на пароходе. Дьяков сделал краткий исторический экскурс о нашем квартете, который после этого с большим подъемом приступил к исполнению своей программы. Исполнил он первую часть квартета Бетховена, третью часть квартета Чайковского, два произведения армянского композитора Комитаса, произведения Спендиарова в переложении для квартета виолончелиста Гургена. Затем была исполнена третья квинтета Шумана.

Успех концерта шел по возрастающей кривой; квартету пришлось играть на бис больше, чем по программе.

Дьякова вызвали на сольное исполнение на фортепиано. Он исполнил три произведения Шуберта и Шуберта-Листа, Паганини и Шопена.

Чувствовалось, что серьезная полноценная академическая программа дошла до слушателей, оставив большое впечатление.

9 августа. За ночь море немного успокоилось.

Ночью шел густой снег, он покрыл мыс и сопки Шелагского.

В воздухе зябко и холодно. Хмуро и неприветливо небо. Туман.

С утра стали грузить кунгасы: можно надеяться, что мы скоро снимемся с Шелагского.

Ветер успел пригнать льды, они окружили пароход плотным кольцом.

В шесть часов вечера бригада собралась на берег. Мы всегда бываем рады концу бездействия, тем более, что обидно стоять у берега и не выполнять своих прямых обязанностей.

Нам очень обрадовались. В помещении столовой в ожидании нашего концерта были расставлены скамейки, на них разместились чукчи со своими детишками, а зимовщики скромно пристроились сбоку.

В восемь часов вечера начался концерт. Прошел он с большим успехом и подъемом. Квартет играл «Весну» и «Куропатку» Комитаса. Кузьмина пела на чукотском языке неполитанскую песенку «Солнышко».

После концерта выступали чукчи. Первыми выступили с танцами две девочки в красных камлайках и красных платочках. Затем мы снова увидели танец «Соревнование».

Нашим переводчиком был активист нацсовета Петергин.

Концерт окончен. Выходим из столовой.

Здесь природа не так однообразна, как на мысе Биллинга и в Ванкареме. Вокруг станции высокие сопки, покрытые снегом. Станция расположена среди зеленых кустов. Берег усыпан мелкой галькой.

9 августа. В семь часов у нас началась беседа по истории освоения Арктики. Мы получили, правда, элементарные, но все же интересные сведения о завоевании суровой природы Заполярья.

11 августа. С утра пароход «присосался» к льдине и ... неудачно. Не успели мы набрать две тонны воды, как пошла соленая.

Пришлось отправиться в море искать новую льдину. Такую льдину удалось отыскать только к часу дня.

Все мы убедились теперь, как плохо без пресной воды: чай соленый, компот невкусный, умыться нечем...

Прием радиосводок ТАСС твердо решили взять в свои руки и обеспечить пассажиров хотя бы этими скудными сведениями с Большой земли.

12 августа. В Певек пришли в семь часов вечера. Расположен он в шести часах пути от Шелагского.

Высокие зеленые сопки защищают немногочисленное население Певека от жестоких ветров.

Яранг чукчей не видно.

О переправе на берег не могло быть и речи: поднялся десятибалльный ветер со смерчем.

Спущенный на воду катер бросало как щепку.

13 августа. В четыре с половиной часа утра капитан отдал приказ вытравить два якоря, как говорят на морском языке, «враздрай» т. е. так, чтобы пароход не двигало ни в ту, ни в другую сторону.

Всю ночь и утро ветер не стихал. Только к часу дня появились первые признаки незначительного успокоения.

В семь часов вечера состоялись очередные занятия по изучению Сталинской Конституции. Мы прослушали доклад Богданяна. Он добросовестно изучил материал и провел доклад более чем удовлетворительно.

Поздно ночью прощались с чаунцами.

Расстаемся мы с большинством полярников крепкими друзьями.

14 августа. В четыре часа дня пароход отдал якоря и, пользуясь отсутствием льда, набрал предельную скорость.

До двенадцати ночи двигались очень быстро чистой водой, затем встретили мелко- и крупнобитый лед.

Пароход все чаще и чаще сталкивается с ледяными глыбами.

15 августа. Идем медленно, пробиваясь в сплошном поле крупнобитого льда.

За утренним чаем прочитали последние известия по радио о приеме Героев Советского Союза гг. Чкалова, Байдукова и Белякова в Кремле и выступлении товарища Сталина во время встречи с ними.

Такие встречи и такие слова вдохновляют каждого на героические подвиги.

16 августа. Сегодня наши женщины с десяти часов приступили к противопожарной вахте. Дежурили по два часа, преисполненные гордости.

17 августа. Ночью приняли передовицу «Правды» от пятнадцатого августа и сводку о боях в Испании. Сводку зачитывали за чаем в кают-компани.

После обеда была принята радиограмма о раскрытии контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической банды. В кают-компани состоялся митинг. В своей резолюции весь коллектив парохода потребовал применить к преступникам высшую меру социальной защиты — расстрел.

В четыре часа обнаружили на горизонте дымок ледокола «Красин».

Приблизился «Красин» столь же быстро, сколь и величественно. С огромным интересом следило все население парохода за тем, как он бесцеремонно разделялся со льдами, встречавшимися на его пути.

Едва «Красин» пришвартовался к нам, началось «великое переселение» с борта на борт. На «Красин» отправились моряки с нашего судна, а у нас появились комсомольцы,

плававшие на борту «Красина». Из беседы с ними мы узнали, что нас вместе с полярниками, направляющимися на остров Врангеля, собираются переселить на «Красин» и что мы прямым курсом отправимся на остров Врангеля.

Начальство «Красина» подтвердило слова комсомольцев.

В Москве мы мечтали о плавании на борту «Красина». Наша мечта осуществляется.

Вечером мы выступили в кают-компании ледокола с концертом.

В нашей книге отзывов появилось много новых записей. Три из них мы приведем здесь.

«Впервые совершаю рейс, в котором пришлось не только работать, но и отдыхать так, как отдыхают на материке.

Сердечно благодарю за то, что Вы своей работой на корабле превратили арктические будни в праздник.

Капитан ледокола „Красин“ *Белоусов*».

«Мне хочется выразить Вам большую личную благодарность за те, к сожалению, немногие, а откуда еще более дорогие минуты, когда я и морально и физически отдыхал, слушая Ваш концерт.

Я уверен, что Ваше большое начинание в области культурного обслуживания Севера надолго останется в памяти полярников и явится прочным фундаментом для дальнейшего продвижения на Север музыкального искусства.

Старший помощник капитана ледокола „Красин“ *Готский*».

«Концерт Вашей бригады мне понравился.

Одна из замечательных черт Вашего исполнения — это отсутствие театральной напыщенности, чрезмерность которой во мне лично всегда вызывает отвращение.

В Вашем исполнении чувствуется душевность и простота.

Ваша роль почетна. Вы — пионеры внедрения музыкальной культуры на Дальнем Севере.

Кочегар ледокола „Красин“ *Н. Загорулько*».

19 августа. Мы все еще на «Свердловске». Приближаемся к мысу Певек.

20 августа. В четыре тридцать отбыли на берег Певека.

Небольшое помещение столовой мы застали уже подготовленным для проведения концерта.

Концерт начался в семь часов. По нашей просьбе райком партии посылал вельбот за националами на остров Раутан.

Слушателей собралось так много, что большинство из них не могло разместиться на скамьях и стояло у стен.

Чукчи восторженно реагировали на музыку и аплодировали вместе с зимовщиками.

22 августа. Сегодня опять приняли сводку ТАСС — продолжение обвинительного заключения по делу троцкистско-зиновьевской банды. Зачитывали ее в кают-компании.

Все слушали, затаив дыхание, и не могли сдержать своего негодования по поводу гнусных преступлений фашистских агентов — предателей социалистической родины.

После утреннего чая поспешно укладываем последние вещи и начинаем перебираться на «Красин».

Предполагали дать прощальный концерт для команды в кубрике, но концерт так и не состоялся: «Красин» торопился, и мы были вынуждены в восемь вечера покинуть «Свердловск».

На прощанье всех нас пригласил к себе капитан. В самых теплых тонах он выразил нам благодарность за нашу работу. Прощание было трогательным.

В одиннадцать часов вечера «Красин» отошел от «Свердловска».

Пароходы обменялись прощальными троскратными гудками и тронулись в путь — один на запад, другой на восток.

23 августа. Воды совсем не видно. «Красин» упорно прокладывает путь во льдах на остров Врангеля.

24 августа. Неожиданно открылись берега островов Врангеля и Геральда, и еще более неожиданно мы оказались у берега: неожиданно потому, что предполагали прибыть только к вечеру.

Красивое место — высокие зеленые сопки, на гористых берегах расположено много строений. Не верится, что мы так быстро и так легко достигли конечной точки нашего пути.

На острове Врангеля мы встретились с Героем Советского Союза т. Молоковым.

В девять часов вечера начали очередной концерт на ледоколе.

Капитан благодарил за концерт и выразил пожелание удержать нас на ледоколе до Владивостока. Это обрадовало нас, но остаться на ледоколе мы не сможем, в обратный путь мы должны пойти на пароходе, который будет останавливаться во всех сколько-нибудь крупных центрах, в том

и поработать среди рыбаков-ударников путины.

25 августа. В три часа дня отправились на берег. Эта переправа была первым настоящим испытанием — спускались мы по штормтрапу с большой высоты и на большой волне, поминутно рискуя упасть в воду.

Сегодня остров Врангеля праздновал свой славный юбилей.

Торжественная часть юбилейного вечера прошла с большим подъемом. С докладом выступил начальник зимовки орденносец т. Петров. Он кратко рассказал историю десяти советских лет острова Врангеля. Затем выступали лучший охотник зимовки эскимос Таян, гости и полярники.

Слушая речи полярников, мы забывали о том, что находимся так далеко от советского материка.

Эскимосы, эскимоски и их дети были настроены особенно празднично. День десятилетия советизации острова был подлинно народным праздником.

Большинство эскимосов хорошо понимает русский язык и успело прочно освоить советскую культуру. Все они нарядно одеты, великолепно танцуют европейские танцы и внимательно слушают музыку.

После торжественной части начался наш концерт. Вот отзывы, оставшиеся у нас на память о нем:

«Замечательный концерт, который Вы дали на острове Врангеля, одно из самых отрадных зрелищ, которое я видел за все время своей многолетней работы в Арктике.

Герой Советского Союза *В. С. Молоков*».

«Хорошо, что к нам послали артистов.

Радостно и весело провели мы праздник десятилетия советизации острова.

Хорошо бы организовать школу для воспитания национальных кадров работников искусства.

Спасибо товарищу Сталину за заботы о нас!

Помощник начальника острова Врангеля —
выдвиженец эскимос *Таян*».

После концерта все отправились на промысловую выставку. Трудно рассказать, каких изумительных песцов и какие медвежьи шкуры увидели мы!

Двенадцать медвежат мы взяли на ледакол, чтобы доставить в Московский зоопарк.

26 августа. Сегодня мы провожали т. Молокова.

Квартет играл на свежем воздухе у самолета.

Расстались очень тепло.

28 августа. Григорян записал шесть эскимосских песен на фонограф и в катере, возвращаясь на ледокол, с победным видом стоял у руля.

29 августа. «Красин» торопится в обратный путь: он получил телеграмму о том, что на западе ждут от него помощи.

Еще раз распрощались с врангелевцами, передали им тридцать музыкальных произведений, сборник из шестидесяти детских песен, десять детских песен, переписанных Кузьминой, и двенадцать произведений, переложенных для фортепиано и переписанных от руки Дьяковым.

Такие подарки мы уже преподносили зимовщикам Медвежьих островов, Колымы, мыса Шелагского и др.

В двенадцать часов ледокол поднял якоря и направился в обратный путь, быстро набирая скорость.

Опять вошли в ледяные поля.

Сегодня мы впервые видели живого моржа на льду. Он у нас на глазах покружился, упираясь своими огромными клыками в лед, и скрылся — вернее, соскользнул в воду.

Готовимся к двадцать второй годовщине МЮДа.

В шесть часов вечера начали очередной концерт в столовой команды. Участвовала вся бригада. Ждали нас с нетерпением, особенно те, кто еще не слыхал.

Концерт прошел с огромным успехом.

30 августа. Днем Дьяков провел репетицию с вокалистами. Вечером начался концерт. Мы выступили с полноценной академической программой из произведений Шуберта, Брамса, Чайковского, Глинки и Бетховена.

Два произведения — «Сомнение» Глинки и «Сказки Гофмана» Оффенбаха — были исполнены в сопровождении виолончели.

31 августа. День прошел в подготовке к мюдовскому концерту.

Вечером встретились с пароходом «Микоян» и стали борт к борту.

В трюмах «Микояна» уголь для «Красина». Пополняем запасы топлива.

1 сентября. Сегодня — Международный юношеский день.

Продолжаем готовиться к концерту. Время летит незаметно.

В половине девятого в кают-компании уже собрался род, в девять — открылось торжественное заседание. Складом выступил комсорг ледокола. Сделал он хороший содержательный доклад, построенный на интересном фактическом материале.

После торжественной части начался концерт.

Программа была обновлена, слушали ее с живым интересом, особенно гости с «Микояна». Вот их отзыв о нашем концерте:

«Искреннее спасибо бригаде студентов и преподавателей Московской консерватории, доставившей нам незабываемое удовольствие своим концертом в далеких северо-восточных водах Советского Союза.

Надолго останется в памяти день, проведенный на одной палубе с воспитанниками Московской консерватории».

2 сентября. Нам решено перевести на пароход «Микоян». Это наиболее целесообразно, так как «Микоян» возвращается в Петропавловск, а между Петропавловском и Владивостоком курсирует много кораблей.

Предполагали отправить нас во Владивосток на «Светловске», но он находится в полосе льдов, и ждать его бессмысленно. Если он нагонит нас, мы, возможно, сделаем новую посадку.

В два часа дня дали концерт в столовой «Микояна» для команды.

Крохотное помещение столовой было превращено в зале прилегающий к ней красный уголок — в сцену. Собрали все свободные от вахты во главе с капитаном. Слушали прекрасно, несмотря на грохот лебедок.

Концерт микоянцам понравился, и дружба с ними закипала.

В восемь часов вечера спешно перенесли вещи «Микоян».

В десять «Красин» снимается с якоря и отправит навстречу западным судам к проливу Вилькицкого. Там сложилась сложная ледовая обстановка, и без помощи ледокола не обойтись.

Наступила минута расставания с гостеприимным экипажем «Красина».

М. Кузьмина выступает в концерте на мысе Сердце-Камень

Когда «Красин» тронулся в путь, его команда, прощаясь с нами, затинула свою любимую песню «Ну, как не запеть» Дунаевского. Кренко звучали в холодном воздухе молодые, горячие голоса.

На «Микояне» все в миниатюре, но очень уютно, тихо и покойно. Кажется, что мы попали в пловучий дом отдыха. Приняли нас прекрасно и разместили по каютам командного состава.

17 сентября. В одиннадцать часов вечера на «Микояне» была принята радиограмма с распоряжением отправиться в бухту Провидения за углем и водой.

Приятная новость. В ожидании попутных пароходов мы сможем спокойно поработать в бухте Провидения.

19 сентября. Приближаемся к бухте Провидения. Ветер как будто и небольшой, но качает головокружительно.

Перед нами снова вырисовываются сопки, теперь они по-осеннему неприветливые.

Погода сырая, падает мелкий дождь.

Идем полным ходом. Капитан опасается, что туман накроет бухту.

... В пять часов вечера благополучно прибыли и бросили якорь неподалеку от берега.

«Микоян» должен взять около трех тысяч тонн угля в возможно короткий срок.

20 сентября. В ожидании парохода, с которым мы сможем отправиться во Владивосток, работаем в бухте Провидения.

21 сентября. Во время погрузки дорог каждый человек. До сих пор от погрузки был свободен лишь буфетчик, теперь и он примет в ней участие, так как наши женщины вызвались заменить его и обслуживать кают-компанию.

Сегодня Рудницкая и Фомина встали в семь часов и начали готовить завтрак.

Дежурить будут ежедневно две женщины.

22 сентября. Вечером дали концерт для полярной станции и зимовщиков.

На концерт отправились в девять часов в шлюпке, которая курсирует вдоль каната, протянутого от парохода на берег.

Состоялся концерт во вновь отстроенном общежитии зимовщиков.

Каждого из нас встречают здесь как знакомого.

23 сентября. Ночью после концерта занимались редактированием и оформлением бригадной стенгазеты.

очень неплохую. Газета — огромных размеров, в ней много интересных заметок, фотоснимков и шаржей. Даже глаза разбегаются!

24 сентября. В воротах бухты показался красноразличный красавец ледокол «Литке» — проводник первого каравана, идущего с запада на восток.

Радости нашей и восторгам нет конца. Мы горды тем, что сможем принять участие в торжественной встрече западных пароходов, совершающих сквозное плавание по великому Северному морскому пути, и показать свою работу Отто Юльевичу Шмидту, который находится на «Литке».

В девять часов утра в бухту пришел и «Анадырь». Он удивительно похож на «Свердловск».

Вероятно мы на «Анадыре» отправимся во Владивосток.

26 сентября. К нам приехал третий помощник капитана «Литке» и передал просьбу командования и Отто Юльевича Шмидта дать концерт на борту ледокола.

Очень радушно принял нас капитан «Литке» Юрий Константинович Хлебников.

Роскошь и удобства «Литке» превзошли всякие ожидания.

Мы быстро переоделись и спустились в салон, где все гости были уже в сборе.

Нас ждали, чтобы начать вечер, посвященный благополучному завершению рейса первого западного каравана.

В своем кратком слове Отто Юльевич отметил большое значение рейса. Мы были счастливы. Мы гордились и тем, что Отто Юльевич приветствовал блестящую, как он выразился, работу родившихся в этом году полярных деятелей искусства.

Бурная овация покрыла выступление т. Шмидта.

До четырех часов ночи пробыли мы на «Литке», досыта напелись, натапцовались.

Незабываемое впечатление произвел на всех нас Отто Юльевич своей простотой и скромностью.

Хочется привести здесь особенно дорогой нам отзыв Отто Юльевича и отзыв капитана Хлебникова об этом памятном концерте.

«Нет большего счастья, чем участвовать в большом и нужном деле. Вы вдвойне счастливы: Вы дали яркое доказательство национальной политики партии и правительства, принося самым малым народностям большое искусство, и Вы

внесли свой ценный вклад в величавое дело освоения Арктики. Ваш приход в Арктику означал приход высокой культуры, блеска всех красок жизни.

Большое Вам спасибо от всех полярников, поздравляю с крупным успехом!

О. Шмидт».

«Мы смело можем сказать, что отдохнули душой и телом, забыв даже об окружающей нас обстановке. Большое спасибо Вам, не испугавшимся условий трудного путешествия на Дальний Север, за исключительное удовольствие, доставленное прекрасным исполнением.

Капитан парохода «Литке» *Хлебников».*

28 сентября. В пять часов дня пришвартовались к «Анадырю».

Чудесный корабль. Как приятно, что мы будем на его борту продолжать путь.

К нам в гости неожиданно нагрянули представители Заполярного театра, который работал на реке Лене и в бухте Тикси.

Завтра состоится наше совместное выступление на «Литке».

29 сентября. В девять утра начали перебираться на «Анадырь». Дали нам две просторные каюты — одну на семь человек для мужчин, другую на четырех человек — для женщин.

30 сентября. Вот и сентябрь кончается. Скоро мы вернемся во Владивосток.

3 октября. В три часа дня обсуждали вопрос о порядке проверки соцдоговоров и подведении итогов соцсоревнования.

4 октября. Зашли в бухту Глубокую взять воду и пополнить запасы угля.

По пути встретили китобойную матку и пароход «Товарищ Киров».

Мы давно уже хотели выступить на китобойной матке и решили сегодня же это осуществить.

В девять часов вечера вся наша бригада перекочевала с «Анадыря» на «Киров», а оттуда на китобойную матку, где собралось человек двести слушателей.

После концерта один из рабочих — т. Михайлов — преподнес бригаде домино из китовой кости и уса, над которым трудился чуть ли не три месяца.

оригинальные пепельницы.

5 октября. В двенадцать часов дня стали подвозить китов для обработки. Мы увидели китов — кашалотов и несколько финвалов. Кашалоты — черные, безусые, огромные. Финвалы — полосатые.

Первым втащили на палубу кашалота. Его огромная голова почти такой же величины, как туловище.

Началась обработка: трое рабочих, разделив кашалота на три части, стали снимать шкуру.

Кровь залила всю палубу.

Не прошло и двадцати минут, как шкура была снята и туша передана в обрабатывающие цеха: распиловочные, консервные, салотопенные...

По плану процесс обработки должен продолжаться час двадцать минут, но в большинстве случаев этот план невыполняется.

В шесть часов вечера через горы и озера китовой крови наша бригада в шелках и шифонах направилась на очередной концерт.

На этот раз после концерта рабочие преподнесли каждому из нас по китовому усу и зубу.

7 октября. Идем у камчатских берегов.

Миролюбиво покачивает.

В девять вечера начали концерт в кают-компании. Собрались все, исключая вахтенных.

Концерт сопровождался шумным успехом.

8 октября. Утром прошли мимо знаменитой Ключевской вулканической сопки, которая почти на пятьсот метров выше Казбека. Мы ясно видели очертания сопки и дымок, струящийся из кратера.

Приближаемся к Петропавловску.

Погода чудесная — теплая.

9 октября. Ночью нас основательно покачало, но к утру ветер утих. Петропавловск встретил нас теплой погодой.

В три часа дня вошли в Авачинскую бухту.

У причала грузились и бункеровались десятки пароходов, и нам пришлось бросить якорь на рейде.

Вечером выступали с концертом для Камчатского съезда Советов.

Концерт начался в двенадцать часов, после выступлений местной самодеятельности, и, несмотря на то, что публика была утомлена, прошел с большим успехом.

Состоялся концерт в доме партпроса. Здесь чудесный концертный зал и великолепный рояль. Выступали мы с большим воодушевлением.

10 октября. Сегодня мы дали два концерта: для рабочих совхоза и в погранотряде.

Первый состоялся в конторе Камчатского акционерного общества, второй — в лагерях.

Встречали нас очень приветливо.

Пограничники хорошо помнят нашу бригаду.

12 октября. Выступили с концертом для стахановцев городских предприятий. Концерт состоялся в доме партпроса, там же, где мы давали концерт для Камчатского съезда Советов.

13 октября. «Анадырь» получил назначение направиться на Командорские острова. Нам снова придется сделать пересадку.

Дни чудесные, солнечные.

Едем на грузовой машине в совхоз АКО. В восемь тридцать начинаем в клубе концерт. Здесь имеется пианино. Всю программу ведет Дьяков.

После концерта «банкет» с участием стахановцев совхоза.

14 октября. В двенадцать часов дня на рейде показался «Литке». Он направляется во Владивосток и возьмет нас на борт.

Завтра мы снимаемся из Петропавловска. Наша гастрольная поездка окончена.

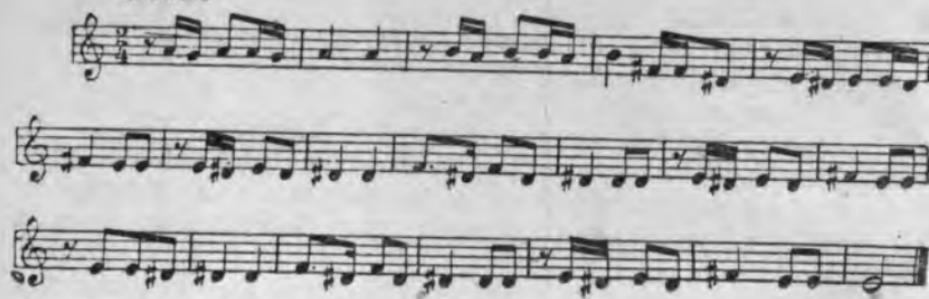
В Арктике мы пробыли четыре месяца. Прodelали путь в сорок тысяч километров. Организовали шестьдесят семь концертов и тринадцать вечеров самодеятельности с участием чукчей и эскимосов. Дьяков и Григорян записали двадцать семь эскимосских и чукотских песен.

Прощай, Арктика, прощай ненадолго! . .

Мы горды и счастливы тем, что выполнили все возложенные на нас задания, и уже теперь мечтаем о новой гастрольной поездке в Арктику.

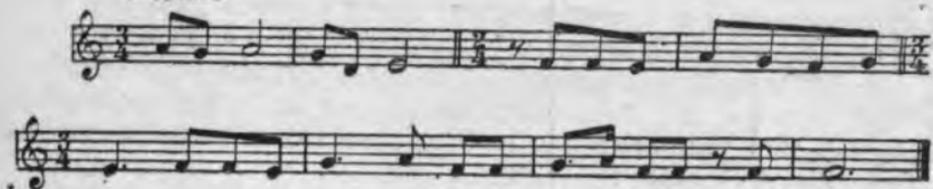
Песня без слов, записанная А. Б. Дьяковым на мысе Уэлен

Moderato

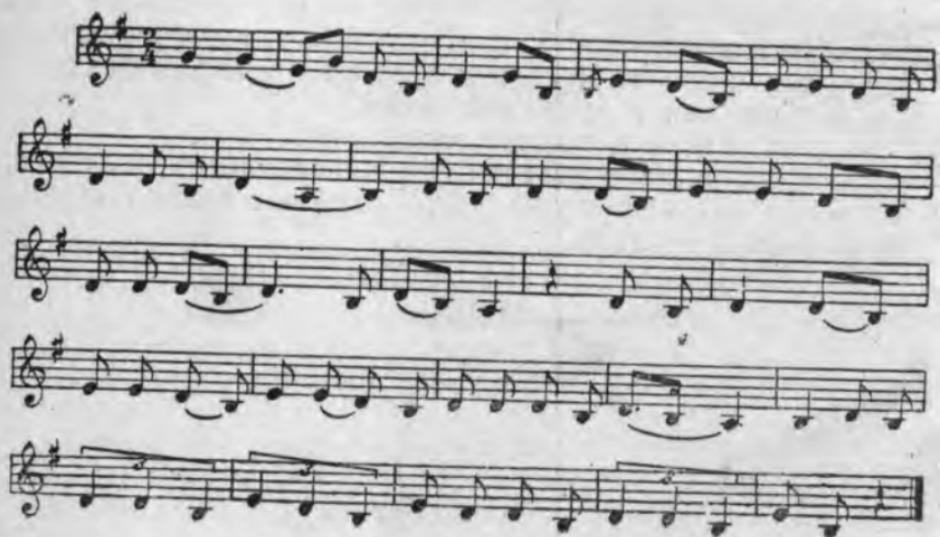

У чайки болит живот (песня без слов, записанная А. Б. Дьяковым на мысе Уэлен)

Andantino

Песня без слов, записанная А. Григорьяном на острове Врангеля

ОГЛАВЛЕНИЕ

От Издательства	3
<i>Заполярный театр Политуправления Главсевморпути</i>	
<i>В. Карелин, Д. Черневский</i> — Два театральные рейса	7
<i>Государственный ордена Ленина Академический Большой театр Союза ССР</i>	
<i>Г. Шахнарович</i> — Тридцать дней за полярным кругом	90
<i>Государственный Академический Малый театр</i>	
<i>София Чекина</i> — Поездка, которая никогда не забудется	143
<i>Московская Государственная Консерватория</i>	
<i>С Рудницкая, А. Дьяков</i> — Четыре месяца в Арктике	229

Абсолютно
МИГЭ

Редактор *О. Я. Кучеров*

К

Техн. редактор *А. А. Соловейчик*

Сдано в набор 25 октября 1937 г. Подписано к печати 27 декабря 1937 г.
Форм. бум. 60×92. Бум. л. 8¹/₄ + 9 вклеек Печ. л. 16¹/₂ Авт. л. 15¹/₄
Тип. знак. в бум. л. 76 000. Изд. № 87 Заказ 2467 Леноблгортит 5826
Тираж 10 000 экз.

Типография „Коминтери“, Ленинград. Красная ул., 1.

ЦГПБ

им. Н. А. Некрасова

2 000000 423067

